

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 1
Том 7. Филология**

Санкт-Петербург
2015

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 7)'2015
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Гренье, доктор филологических наук, профессор (США);
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
Л. В. Дербенёва, доктор филологических наук, профессор (Украина);
О. Н. Морозова, доктор филологических наук, доцент;
М. К. Пезенти, доктор филологических наук, профессор (Италия);
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент

**Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2015
© Авторы, 2015

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

Е. А. Барляева

Бытийная истина метафоры (на материале английского языка).. 9

М. М. Боярская

Проблемы многозначности и методы её определения
в современном английском языке 17

О. И. Бродович

Вариантные реализации диалектной переменной:
проблема статуса..... 24

А. Н. Гребенев

Понимание и интерпретация поэтического текста:
мета-герменевтический подход..... 33

С. В. Киселева, Т. С. Росянова

Когнитивные аспекты номинативного своеобразия
английской терминологии маркетинга 43

Н. В. Кочетова

Аспектный анализ национальной специфики
наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем
русского и английского языков..... 52

Л. В. Коцюбинская, О. А. Кузина

К вопросу об аксиологии в лингвистике 59

Н. С. Молчанова

Семантические изменения в синкретических формах
существительное/ прилагательное в английском языке
(на примере ЛСГ «материалы») 67

Г. Н. Плотникова, Ч. Хемсакун

Типы модификационного значения префиксальных глаголов
характеризованной речевой деятельности 74

О. И. Просянникова

Соотношение именных и глагольных значений
в синкретических формах..... 83

Н. А. Пузанова

На перекрестке когниции и коммуникации:
динамика глагольной синонимии 91

Ю. В. Сапронов

Система когнитивного анализа сообщений,
включающих понятия функционального вида..... 102

<i>Е. М. Семенова</i>	
Метафора как средство достижения политического конформизма	112
<i>А. В. Скворцова</i>	
Перспективы изучения значения и референции категории оценки в рамках когнитивной семантики	117
<i>Д. А. Федоров</i>	
Концепт «язык» в «риторическом цикле» сочинений Цицерона	125
ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ	
<i>Ю. В. Гилясев</i>	
К вопросу о статусе текстов по популярной психологии.....	130
<i>И. В. Кононова</i>	
О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста	138
<i>Е. В. Котельникова, В. В. Котельников</i>	
Когнитивная модель продуцирования и оптимизации дискурса	150
<i>О. Н. Морозова</i>	
Средства репрезентации гиперссылок на современных британских политических персональных сайтах	161
<i>Е. А. Попов</i>	
Подходы к изучению гипертекста	167
<i>С. В. Сахневич</i>	
Король Джеймс: неграмотные тоже хотят спасти свои души	172
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Е. А. Денисова</i>	
Диахронический аспект звуковых изменений островного языкового образования Scots	179
<i>Е. Г. Кожевникова</i>	
Сопоставительный анализ нормативного английского языка и его региональных вариантов (на примерах тайландского, мьянмского и пакистанского вариантов английского языка)	184
<i>А. В. Краснова</i>	
Перевод звукоизобразительной лексики турецкого языка средствами английского языка» (на материале произведений Ферита Орхана Памука)	193
<i>Т. П. Третьякова</i>	
О лингвистической интерпретации современных стереотипов	201

С. Н. Черникова

Национальная специфика фразеологического развития слова
в русском и английском языках 209

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ю. Ю. Трубникова

Путь воды: писательницы британского модернизма
о природе сознания и мифопоэтике фемининности 217

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

Ю. В. Батурина

Анализ лингвистического компонента
аргументативного процесса, реализуемого в ходе обучения
студентов-психологов английскому языку 227

О. В. Кораева

Типология заданий в группе в соответствии с доминирующей
репрезентативной системой студентов 236

Сведения об авторах..... 244

Contents

LINGUISTICS

E. A. Barliaeva

Existential truth of metaphor (on the basis of the English language).. 9

M. M. Boyarskaya

Problems of polysemy and methods of its determination
in modern English 17

O. I. Brodovich

Realisations of a dialect variable: Theoretical evaluation 24

A. N. Grebenev

Understanding and interpreting poetic text:
meta-hermeneutical approach 33

S. V. Kiselieva, T. S. Rosyanova

Cognitive aspects of nominative uniqueness
of English marketing terminology 43

N. V. Kochetova

Aspect Analysis of National Peculiarity of the Most Frequent
Russian and English Multi-sememe Adverbial Lexemes 52

L. V. Kotsyubinskaya, O. A. Kuzina

On the question of axiology in linguistics..... 59

N. S. Molchanova

Semantic changes in syncretic forms noun/adjective in English..... 67

G. N. Plotnikova, Ch. Hemsakun

Types of modified meaning of prefixed verbs
of characteristic speech activity 74

O. I. Prosyannikova

The relation of nominal and verbal meanings in syncretic forms 83

N. A. Puzanova

Intersection of cognition and communication:
dynamics of verbal synonymy..... 91

Yu. V. Sapronov

A system of cognitive analysis of contexts in which a notion
of functional mode occur..... 102

T. M. Semenova

Metaphor as the means of political conformism achieving..... 112

A. V. Skvortsova

Perspectives for studying the meaning and reference
of the category of estimation as a part of cognitive semantics 117

<i>D. A. Fedorov</i>	
Concept “language” in Cicero’s rhetoric works.....	125
THE THEORY OF DISCOURSE AND LANGUAGE STYLES	
<i>Yu. V. Gilyasev</i>	
The status of texts on popular psychology revisited	130
<i>I. V. Kononova</i>	
To the types of transformation of the cultural concepts structure within the conceptual sphere of a literary text	138
<i>E. V. Kotelnikova, V. V. Kotelnikov</i>	
Cognitive model of discourse production and optimization	150
<i>O. N. Morozova</i>	
Means of representation of hyperlinks in modern British political personal sites	161
<i>E. A. Popov</i>	
Approaches to the study of hypertext.....	167
<i>S. V. Sakhnevich</i>	
King James: the illiterate people want to save their souls too	172
COMPARATIVE STUDIES	
<i>E. A. Denisova</i>	
The diachronic aspect of the Insular Language Entity Scots sound change	179
<i>E. G. Kozhevnikova</i>	
Comparative analysis of Standard English with its Regional Varieties (illustrated by Thai, Myanmar and Pakistani variants of English language)	184
<i>A. V. Krasnova</i>	
Translation of Turkish imitative words by means of the English language (basing on literature works of Ferit Orhan Pamuk).....	193
<i>T. P. Tretyakova</i>	
On Interpretation of Modern Stereotypes	201
<i>S. N. Chernikova</i>	
National specificity of lexeme phraseological development in Russian and English	209
THE STUDY OF LITERATURE	
<i>Yu. Yu. Trubnikova</i>	
The Way of Water: British Women Modernists on Consciousness and Mythopoetics of Femininity	217

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

Yu. V. Baturina

The Linguistic Analysis of Argumentative processes
in the foreign language studying of students-psychologists..... 227

O. V. Koraeva

Task types according to preferred representation system
of students..... 236

About authors 244

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.112

Е. А. Барляева
E. A. Barliaeva

Бытийная истина метафоры (на материале английского языка) **Existential truth of metaphor (on the basis of the English language)**

Статья рассматривает метафоры как выражения, содержащие бытийную истину и проникающие в сущность предмета. Оказывается, метафоры – это не просто фигуры речи, а «мудрые слова», передающие сакральные истины и опыт поколений. Метафора «to fall in love» приводится как пример такого подхода к метафоре.

The article considers metaphors as expressions, containing existential truth and penetrating the essence of things. Metaphors appear to be not just figures of speech, but “wise words” conveying sacred truths and experience of generations. Metaphor “to fall in love” is given as illustration of such approach to metaphor.

Ключевые слова: метафора, тождество, ложь, бытийная истина, сущность, мудрость, влюбиться, падение.

Key words: metaphor, identity, falsehood, existential truth, essence, wisdom, to fall in love, fall.

Как известно, метафора утверждает тождество предметов, логическое же определение тождества гласит «что А и В тождественны, если и только если А обладает каждым свойством, которым обладает В и наоборот» [11, с. 326]. Таким образом, когда мы говорим «Man is a wolf» («Человек – это волк»), мы утверждаем тождество этих объектов, хотя понимаем, что фактически это утверждение ложно. Для того чтобы снять вопрос об истинности и ложности, исследователи говорят о том, что метафора есть не реальное, а мнимое, фиктивное или условное тождество, что метафора – это ошибочная перекатегоризация и т. д. Тем не менее, известный философ, логик Д.С. Милль в свое время говорил, что метафору надо считать не доказательством, а признанием того, что некоторое доказательство существует, что есть некоторое равенство между тем случаем, из которого метафора заимствована и тем, к которому она прилагается. Такое равенство может быть и между двумя очень далекими фактами [7, с. 658].

Вопрос об истинности и ложности метафоры, с нашей точки зрения, может быть снят, если посмотреть на нее и на объект, который она характеризует, в другом аспекте. Этот другой аспект рассмотрения метафоры заключается в том, что она дает прозрение, проникает и выражает суть предмета. Об этом хорошо сказал Э. МакКормак: «...восприятие метафор как помогающих проникнуть в суть вещей и как передающих частичные истины вовсе не обязательно предполагает первоначальное понимание метафоры как намеренного выражения лжи» [6, с. 363]. В этом аспекте о метафоре говорят многие исследователи. Н.Д. Арутюнова выражает эту мысль следующим образом: «метафора – это то, что есть», «спор о выборе метафоры – это спор об истинной сущности предмета» [2, с. 5–32]. В начале XX века Н.Н. Волков высказал мысль о метафоре как о предикации, где вещь заключает свой внутренний предикат. Под внутренним предикатом он понимал назначение вещи, ее смысл и сущность [3, с. 115]. Интересно отметить тот факт, что такое отношение к метафорам демонстрируют не только ученые-лингвисты, но и люди, далекие от лингвистики. В статье Н.Ф. Крюковой, посвященной метафоричности менталитета разных групп людей, приводятся данные о племени западных апачи в Центральной Аризоне (США), где метафоры типа «А есть В» чрезвычайно распространены. Их использует в основном взрослое поколение, имеющее репутацию здравомыслящих, уравновешенных людей, которые обладают большими культурными знаниями. Западные апачи называют метафоры «мудрыми» словами. Очень часто такие метафоры используются ими для указания на нежелательное поведение тех людей, к которым отсылает метафора, как в данном примере: «Эти девочки – бабочки» (имеется в виду, что они прыгают, резвятся, а не работают). Н.Ф. Крюкова отмечает, что, возможно, «мудрые слова» используются для того, чтобы поддержать стандарты вежливости. Вполне вероятно, что обычный язык показался бы в данной ситуации слишком грубым и эксплицитным [5, с. 91–99]. Когда мы говорим, что метафоры выражают истину, то имеем, прежде всего, в виду не научную истину, а бытийную, которая, как считает М. Хайдеггер, есть не нечто внеположное человеку, к чему он может подойти, приблизиться или завладеть; бытийная истина принадлежит самому бытию, и как таковая она может свершаться в самом человеке, он лишь должен быть открыт истине и готов к ее свершению. А так как «язык есть дом бытия», то открывает истину нам язык, на котором говорит человек [13]. Эта особенность метафоры – выражать бытийную истину – была подмечена многими исследователями. Например, Ортега-и-Гассет, анализируя испанское выражение «o el fondo del alma», пишет, что психолог, ведущий разговор об «o el fondo del alma», прекрасно знает, что душа – это не сосуд, имеющий дно. Но тот же психолог дает нам понять, что существует

некоторая психическая составляющая, которая в структуре души выполняет ту же роль, что и дно – в сосуде [8, с. 74].

Такой же подход к метафоре можно найти у П.А. Флоренского. При анализе диалога «Теэтет», в котором Платон использовал эротическую теорию познания, П.А. Флоренский останавливается на таких метафорах как **«любовное томление»** (стремление к знанию), **«беременность»** (невысказанность еще незрелого знания), **«повивальное искусство»** (о помощи высказаться). П.А. Флоренский называет эти выражения Платона не простыми метафорами, а «выражением существа дела воистину», т.к. эти метафоры отражают сущность познания [12, с. 249]. Приведем еще один пример из сочинений П.А. Флоренского. О выражении «Вы есть соль мира» (речь идет об апостолах), он пишет, что оно не сводится к тому, что «апостолы в каком-то внешнем отношении похожи на соль» или что понятие об апостольстве подводится под физико-химическое родовое понятие соли, но что духовная сущность соли и духовная сущность апостольства **бытийно отождествляются**: «Соль, то, чему, собственно, в онтологическом истинном смысле принадлежит название Соль, – это не есть что-либо иное, как внутренняя соль апостольства: обычная соль, вещество, есть один из частных случаев Соли, а апостольство есть самая Соль» [12, с. 277].

Особенность метафоры – передавать бытийную истину - приводит к тому, что многие исследователи настаивают на ее буквальном понимании. Нужно отметить, что буквальное прочтение метафор является довольно распространенным приемом в литературе, для чего используется термин «реализация метафоры». Этот термин был введен В. М. Жирмунским, который определяет его как «превращение метафоры в нечто, реально существующее» [4, с. 321]. Этот прием не раз использовался разными писателями, например М. Е. Салтыковым-Щедриным. В тексте реализация метафоры (особенно стертой, чья внутренняя форма уже забыта) ощущается как нечто неправдоподобное, фантастическое или сказочное.

Ученые-лингвисты, настаивающие на буквальном понимании метафор, говорят о том, что даже если эта буквальность является абсурдной, фантастической или ложной сегодня, она может стать истинной завтра. Эта якобы «абсурдность» связана с непониманием человеком реального положения дел, с тем, что на сегодняшний момент нам просто не хватает знаний для правильного понимания такой метафоры. Об этом, например, говорил Дж. Миллер, автор сравнительной теории метафоры. Он настаивал на том, что метафора возникает как результат изменений наших мнений и представлений о мире, а не как результат изменения (расширения) значения слова. Для того чтобы понять метафору, надо представить себе мир, в котором метафора, какой бы нелепой она ни казалась, является истинной [18, с. 397].

Очевидно, в такой точке зрения есть рациональное зерно, и это можно доказать примерами. Так, в Учении о Сознании Буддийской философии сознание характеризуется как «глубокое» и «тонкое». Как пишет А.М. Пятигорский, «глубокий» и «тонкий» в данной характеристике сознания не являются эпитетами поэтического языка, а представляют собой термины Учения о Сознании, Виджнянавады. Термин «глубокий» характеризует каждую точку (мысль) конфигурации остаточного сознания. Каждая из этих точек ведет вглубь остаточного сознания от серий мыслей, образованных чувственными контактами, к их осознаниям, осознаниям осознаний, осознаниям осознаний осознаний и т.д., и с каждым последующим шагом содержание мысли все более и более утончается, это и есть «тонкие» конфигурации сознания, согласно Виджнянаваде [10, с. 94]. Для нас выражение «глубокий и тонкий ум» не более чем метафора, причем довольно привычная и банальная. Например, в работе М.В. Пименовой метафора «глубокий ум» – это характеристика ума, которая дается человеком с наивной картиной мира [9, с. 100–103]. Однако, если принять точку зрения Виджнянавады, то мы просто не понимаем, насколько правильным (в буквальном смысле) описанием состояния ума мы пользуемся.

Метафоры (как и пословицы, поговорки) содержат крупинки мудрости, являются носителями бесценного опыта, сакральных истин, которые в наш рационалистический век, как таковые уже не осознаются, ведь современный человек воспроизводит метафоры в речи автоматически, не задумываясь над их содержанием.

В качестве примера еще одной «мудрой» метафоры рассмотрим хорошо знакомое всем выражение «fall in love» (влюбиться). Эта идиома образована глаголом «fall», который, с нашей точки зрения, относится к так называемым семантическим универсалиям или примитивам. Разговор о том, что существуют некие универсалии человеческой мысли, ведется давно. Очевидно, в этом что-то есть, потому что, начиная с семнадцатого века (Декарт, Паскаль, Лейбниц) этот вопрос периодически поднимается как философами, так и лингвистами. Универсальные элементы человеческой мысли называются по-разному: в работах психологов – архетипами; в работах философов – первичными символами, пра-символами, первообразами; в работах лингвистов – семантическими универсалиями. Несмотря на разные термины, ясно одно – с одной стороны, это должны быть, некоторые структуры сознания, универсальные для всего человечества, с другой стороны, элементы языка, которые схожим образом выражают эти универсальные структуры сознания. Глаголы, которые обозначают элементарные действия человека, присутствуют во всех языках мира. К таким

глаголам относятся: go, lie, speak, grasp, sleep (ходить, лежать, говорить, спать, хватать). Они причисляются к универсалиям, потому что обозначают традиционные движения человека, о которых все люди имеют одинаковое мысленное представление, и для совершения которых имеются определенные моторные программы сознания. Дж. Лакофф и М. Джонсон называет такие глаголы базисными глаголами [17, с. 29]. На каком же основании можно причислить к таким семантическим универсалиям глагол «fall», ведь он не относится к первичным движениям человека, а обозначает лишь некоторый возможный вариант движения. В словаре глагол «fall» определяется следующим образом: «To become no longer balanced and supported and drop suddenly» [19, с. 417]. Оказывается, что глагол “fall” обозначает вполне вероятностное изменение положения в пространстве, от которого никто не застрахован. Все, кто падал, помнят о неприятном чувстве, связанном с падением (возможные шишки, содранные колени, неприятные ощущения, связанные с вестибулярным аппаратом). Человеку наиболее привычно ощущать под ногами некую твердь, горизонтальную поверхность. Об этом, кстати, говорит выражение «крепко стоять на ногах». Идеальными поверхностями являются твердые горизонтальные поверхности земли или пола, потеря твердой опоры приводит к страху. Может быть, этот страх падения идет из детства, когда ребенок делает первые шаги. Возможно, страх падения имеет более глубокие корни. Дж. Гибсон, автор так называемой «экологической теории восприятия», в своих опытах с «визуальной пропастью» показал, что распознавание признаков глубины и страх падения – это врожденные качества человека [15]. Таким образом, если исходить из теории Дж. Гибсона, страх падения знаком нам с первых минут жизни, а глагол «fall», выражающий столь неприятное для человека элементарное действие, есть некоторый архетип, который указывает на страх человека, связанный с потерей ориентации в пространстве. На основе прямого значения, связанного с потерей ориентации в пространстве, развились другие, косвенные значения: падение как грехопадение; падение как потеря положения в обществе и др.

Глагол «fall» обозначает не просто изменение положения в пространстве, а крайне нежелательное изменение, и, поэтому имеет негативную коннотацию. Сочетается он с соответствующими существительными: fall ill, fall in coma, fall in despair, fall in dismay, fall in love. Как видно из приведенных примеров, глагол “fall” всегда сочетается с существительными, выражающими крайне неприятные ситуации. В частности, в эту группу существительных попала и любовь, которая в приведенных примерах стоит наравне с комой

и отчаянием. Возникает вопрос, что же такое любовь? Такое ли это светлое чувство, возвышающее и окрыляющее человека, как мы привыкли об этом думать? Вот что пишет о любви знаменитый врач Авиценна, который также известен как Ибн-Сина: «Любовь – заболевание наподобие наваждения, которое похоже на меланхолию. ... Признаки этой болезни следующие: глаза у больного ввалившиеся, сухие, веки непрерывно двигаются. Такой человек беспричинно смеется. Дыхание у него часто прерывается. ... Пульс у такого человека неровный, беспорядочный. Пульс и состояние больного особенно изменяется при встрече с предметом любви» [1, с. 98–99]. Так считали врачи, судя по приведенной цитате из Авиценны в 11 веке, и вероятнее всего, это было известно и ранее.

Понимание любви современной медициной близко к тому, о чем говорил Авиценна. Современная медицина утверждает, что любовь – это очень сильный невроз, когда человек не может говорить о предмете обожания спокойно, совершенно не способен оценить противопоказания, а видит только хорошие стороны. Ученые расценивают состояние влюбленности как впадение в сумеречное состояние. У страстно влюбленных людей меняется состав крови, происходят изменения в головном мозге. Когда нейробиологи впервые получили сканированное изображение мозга влюбленного человека, они квалифицировали его как поврежденный. У влюбленного человека повышается уровень фенилэтиламина, который обладает свойствами галлюциногена. Такой человек утрачивает реальное восприятие вещей, и не способен адекватно оценивать поступки своего партнера. Также повышается действие окситоцина, в результате чего нервные окончания становятся более чувствительными. При этом состояние человека похоже на состояние наркотического опьянения. Оказывается, любовь – это болезнь, но не в метафорическом понимании, а в прямом. Любовь можно причислить к категории болезней наряду со свинкой, ветрянкой и т.д., причем человек, как правило, оценивает эту ситуацию правильно, понимает, что любовь действует на него разрушительно, отсюда: «ум с сердцем не в ладу». Вот как говорит о любви героиня одного из романов: «Falling in love has been greatly overrated. ... I haven't fallen in love. I see things clearly for that. Falling in love is a form of madness. Closely related to hatred, coldness, intoxication. ... I don't fall in love any more. Just like I don't get the mumps. But of course anyone can be attacked by love» [16, с. 359]. В настоящее время считается общеизвестным фактом, что информация о функционировании всех внутренних органов поступает в наше сознание. Сознание, а вернее подсознание анализирует эти данные и, если поступившие данные

отличаются от нормы, – значит, организм болен. Наше подсознание знает об очаге заболевания, задолго до того, как проявляются реальные симптомы болезни. Иногда оно может предупредить человека об этом через сны, иногда через метафоры. Очевидно, в случае любви организм сигнализирует, а сознание регистрирует состояние болезни, что и проявляется в метафоре «to fall in love». Использование глагола «fall» в данном случае указывает на потерю нормальной ориентации в жизненном пространстве, в жизненной ситуации. Таким образом, данная метафора является ключом к пониманию реального положения дел. Однако курьез этой ситуации заключается в том, что самим человеком такое падение чаще всего расценивается как «взлет», что собственно и воспевается поэтами и литераторами. На эту тонкость «падения» обратил внимание М. Хайдеггер. Он писал, что в ситуации самозапутывания феномен падения имеет свою специфику и динамику, которую М. Хайдеггер называет срывом. Однако этот срыв людьми толкуется как «взлет» и «конкретная жизнь». В целом, М. Хайдеггер рассматривает падение как неизбежный факт существования в человеческом обществе, как растворение в бытии людей [14, с. 176–178].

Таким образом, метафора часто передает то, что в действительности происходит с человеком, определяет сущность явления или события, в чем и заключается ее бытийная истина. Важно не упустить эту истину и помнить, что «язык есть дом бытия».

Список литературы

1. Авиценна. Канон врачебной науки. – «Поппури», 2000. – 448 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Волков Н.Н. Что такое метафора // Художественная форма. – М., 1927. – С. 81–124.
4. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций / под ред. З.И. Плавскина, В.В. Жирмунской. Предисл. З.И. Плавскина. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 438 с.
5. Крюкова Н.Ф. Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей. – Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Вып. 3. – Барнаул, 2001. – С. 90–99.
6. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры. – Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
7. Милль Д.С. Система логики (силлогической и индуктивной). Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. (Пер. с англ., под ред. В.Н. Ивановского). – М.: Книжное дело, 1899. – 781 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Метафора в языке и тексте. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.

9. Пименова М.В. Оценка концептов внутреннего мира человека в наивной языковой картине мира. – Языковое бытие человека и этноса. – Вып. 11. – Барнаул, 2000. – С. 100–105.
10. Пятигорский А.М. Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.
11. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. Пер. с англ. / ред. и предисл. С.А. Яновской. – М.: Гос. изд. иностр. лит-ры, 1948. – 327 с.
12. Флоренский П. А. Имена: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.
13. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества. – М.: Высшая Школа, 1991. – 190 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2006. – 190 с.
15. Gibson J. Ecological approach to Visual Perception. Erlbaum Associates, 1986. – 344 p.
16. Hoeg P. Miss Smilla's feeling for snow. Harper Collins Publishers, 1993. – 315 p.
17. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. – New York, 1999. – 624 p.
18. Miller G.A. Images and models, similes and metaphors. – Metaphor and thought. Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 357–400.
19. Oxford Advanced Dictionary. Oxford University Press, 1995. – 1429 p.

**Проблемы многозначности и методы её определения
в современном английском языке**

**Problems of polysemy and methods of its determination
in Modern English**

Статья посвящена вопросам многозначности и методам ее разграничения. Целью данной работы является многосторонний обзор существующих концепций по проблемам полисемии и по исследованию семантики многозначных глаголов в когнитивном аспекте. Исследование позволяет выявить и утвердить, что полисемия служит средством языковой экономии в языке.

The article is devoted to the problems of polysemy and its methods of differentiation. The aim of this work is a multi-faceted review of existing concepts on the problems of polysemy and the study of polysemantic verbs in the cognitive aspect. The survey allows to identify and approve that polysemy is a means of linguistic economy in language.

Ключевые слова: многозначность, полисемия, многозначный глагол, когнитивная лингвистика, лексическая полисемия, содержательное ядро слова, интенционал, дифференциальные семы.

Key words: ambiguity, polysemy, polysemantic verb, cognitive linguistics, lexical polysemy, substantial core of a word, the intentional, differential semes.

Одним из центральных понятий лексической семантики является полисемия как явление языковой системы, образуемое многозначными словами. Многозначность «стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» [13, с. 4], именно явление многозначности с самого начала был центральной проблемой когнитивной лингвистики.

Целью настоящей работы является многосторонний обзор различных концепций по вопросам полисемии и по исследованию семантики многозначных глаголов со значением «смешивать» в свете когнитивной парадигмы. Известно, что любое новое направление основывается на том лучшем, что было предъявлено в ходе исследований прошлого. Именно это предопределяет освещение фундаментальных проблем, поднимаемых в

лингвистической литературе с позиций традиционного подхода. Поэтому представляется актуальным рассмотрение феномена лексической полисемии с точки зрения структуры и функции, определения состава семантической структуры слова, выявления соотношения значений в структуре многозначного слова, а также описания содержательного ядра на уровне отдельного значения многозначного глагола с семантикой «смешивать».

Известно, что словарный состав – это не просто набор лексических единиц. Он является структурным единством, части которого взаимодействуют друг с другом. Лексико-семантические варианты многозначного слова представляют собой единицы лексико-семантической системы, в которой отражены и объективная действительность, и фантазийный мир человека. Поэтому исследователи полисемии сталкиваются со сложными проблемами: с одной стороны, есть основания для различения отдельных значений многозначного слова, а с другой – вероятность существования общего смысла (Архипов И.К., Киселёва С.В., Песина С.А.), объединяющего все значения слова, в данном случае, глагола со значение «смешивать».

Концепция многозначности основывается на представлении о дискретной организации лексических значений. Г. Стерн пытался объяснить природу языковых фактов, которые находятся в этой промежуточной области, и при этом не разрушить традиционного представления о дискретности значений [20, с. 190].

Д.Н. Шмелёв считал, что «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого, существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов» [15, с. 8].

По мнению Х. Касареса, полисемия или многозначность представляет собой неизбежное следствие диспропорции между количеством знаков речи и количеством понятий, ищущих выражения в языке [7, с. 70]. Чем чаще слово употребляется в речи, тем больше оснований ожидать возникновения у него развёрнутой полисемии.

В работе мы придерживаемся мнения Ю.Д. Апресяна, считающего лексическую многозначность понятием сходства значений [1, с. 186]. Это подразумевает наличие общей части у всех значений многозначного слова. Одним из условий многозначности является наличие связи каждого из значений хотя бы с одним другим значением. Существование общей части у значений многозначного слова является обязательным условием удачного поиска его содержательного ядра.

С точки зрения топологии, было выделено и изучено три типа многозначности (впервые на диахроническом материале): 1) радиальная полисемия: все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением; 2) цепочечная полисемия (в чистом виде редка): каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов; 3) радиально-цепочечная полисемия (наиболее типичный случай) [2, с. 182].

П. Дин выделяет регулярную и лексическую полисемию. Регулярная полисемия представляет собой вид многозначности, при котором отношения между смыслами предсказуемы, деривационные смыслы принадлежат разным категориям, и каждый отдельно взятый смысл включает всю информацию, поставляемую другим смыслом. В случае лексической полисемии смыслы связаны, необходимая информация накладывается на производные смыслы. При этом существует лишь концептуальная область, где важная информация данного смысла совпадает с необходимой информацией другого производного смысла [16, с. 340–355].

В формализованном языке для многозначности места нет. Она рассматривается как нарушение закона знака, т.е. однозначного соответствия выражения и содержания [8]. Более полвека тому назад большинство лингвистов утверждало, что каждое слово должно быть однозначным. Из отечественных лингвистов полисемию отрицали А.А. Потенция и Л.В. Щерба.

Противоположной точки зрения придерживается В.В. Виноградов, считающий, что большее количество слов являются многозначными: «Язык вынужден разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий» [6, с. 18].

О.Н. Селиверстова считает, что «слово полисеманлично или многозначно, если информация, вносимая лексемой этого слова в разных контекстах, неодинакова» [14, с. 131].

По мнению Е.В. Падучевой, слову в естественном языке свойственна многозначность, и прежде всего – регулярная многозначность, т.е. полисемия. С её точки зрения, регулярную полисемию можно представить как следствие семантической деривации, что определяется динамической моделью многозначности. Д.Н. Шмелёв (Шмелёв, 1964: 56; Шмелёв, 1973) ввёл термин семантическая деривация, который удобен потому, что он приравнивает соотношение между двумя значениями многозначного слова к соотношению между словом и его словообразовательным дериватом: семантическая деривация представляет собой частный случай обычной лексической деривации – словообразования [12, с. 147–148].

Как известно, полисемия неотделима от синонимии; и то и другое явление отражает характерное для языка как знаковой системы отсутствие взаимно-однозначного соответствия между множеством языковых знаков и множеством выражаемых ими значений. Более того, как показал Ю.Д. Апресян, принципиальное устройство синонимического ряда и множества значений многозначного слова обнаруживают глубокий параллелизм. А именно: слово-доминанта синонимического ряда, как и основное значение многозначного слова, отличаются от периферийных (соответственно, членов ряда и значений) тем, что оно семантически, стилистически и коммуникативно менее специфично, имеет более полную грамматическую парадигму, имеет более широкую сочетаемость и т.д. [3, с. 7].

Таким образом, краткое резюме некоторых точек зрения сводится к тому, что многозначность является эффективным средством передачи различных мыслей и чувственных восприятий человека. Часто в некоторых работах по многозначности экстралингвистический фактор умышленно не учитывался в исследованиях по лингвистике. Это приводило к мысли о том, что значения слов формируются и взаимодействуют каким-то образом сами по себе, без участия человека, а сама многозначность основывается на логико-понятийном, теоретическом моделировании связи языка и познания. На самом деле полисемия служит языковой экономии.

Признав в полисемии конструктивное свойство естественного языка, М.В. Никитин признаёт, что: 1) значения многозначного слова содержательно связаны, 2) возможно их содержательное взаимодействие, 3) общность формы сказывается способом обратной связи на содержании отдельных значений, их ономаσιологическом потенциале и осмыслении и 4) есть какая-то мера содержательной близости – дистантности значений, позволяющая различать полисемию и омонимию [10, с. 203]. Тем самым полисемия сталкивает исследователя со сложнейшими проблемами: с одной стороны, с расчленением многозначности и отысканием реальных оснований различения отдельных значений, с другой – с соотносительными характеристиками значений многозначного слова как элементов семантики слова и системы номинативных средств языка.

В основе различения многозначного слова лежат те механизмы, которые управляют различением – отождествлением понятий и самих сущностей отражаемого сознанием мира. Производя разграничение значений многозначного слова, устанавливая их содержание и сравнивая их по содержанию можно сказать, что значения связаны друг с другом отношениями семантической

деривации. Автор убеждён, что одно значение возникает из другого по определённым моделям семантического словообразования, и что все они вместе образуют своими связями семантическую структуру слова. В отличие от омонимии разные значения одного многозначного слова связаны в единую структуру тем, что имеют в своём содержании существенную общую часть [там же, с. 223–224].

Поскольку процесс формирования значений многозначного слова происходит в сознании человека, необходимо решить проблему содержательного ядра слова посредством обращения к тому, каким видит его человек – носитель языка, каково место содержательного ядра в ментальном лексиконе, каково соотношение лексического и когнитивного прототипов и др. Изучение этих вопросов помогает глубже проникнуть в проблемы соотношения языка и действительности, а также ментальной репрезентации значений многозначных слов [там же, с. 222].

Некоторые учёные ищут сходства и различия концептуальных категорий прототипического типа и структуры многозначного слова, что неадекватно традиционным семасиологическим описаниям механизмов многозначности. Учёт концептуальных категорий позволяет лучше понять сущность языкового явления полисемии, выявить и описать его свойства.

Так, в более ранних публикациях по этой проблеме, в соответствии с теорией прототипов, производные значения многозначного слова определяются типичностью данного значения по отношению к исходному значению. Связь значений многозначного слова основывается на когнитивных операциях логического и ассоциативного характера. По мнению Э. Рош и С. Мервиса, производные значения многозначного слова образуют некую «катеорию», содержащую одно или несколько центральных значений, а также периферийные значения, связанные между собой когнитивными механизмами переноса имени [19].

В рамках традиционной лингвистики полисемия характеризуется типичностью, повторяемостью, не уникальностью связей между двумя значениями, если сравнивать её с омонимией, которой свойственна единичность, исключительность и уникальность связи. Однако здесь не всё так просто: «такой подход удовлетворительно объясняет только простейший случай полисемии – двучленную полисемию». Вопрос о том, что обеспечивает семантическое единство слова при многочисленной полисемии, когда в составе имеются значения, непосредственно друг с другом не связанные, остаётся открытым.

По мнению Дж. Лакоффа, явление многозначности тесно связано с концептуальной организацией, а полисемантическая структура представляет собой категорию прототипического

характера. Значения многозначного слова входят в её состав на правах её членов [18, с. 378]. Рассматривая многозначность с позиции теории прототипов. Д. Геераертс приходит к выводу, что теория прототипов представляет собой «a model of the polysemy of lexical items» [17, с. 223–272].

Так, широко распространено мнение о том, что семантическая структура многозначного слова является реальным фактом сознания и служит исходным материалом для выбора из неё актуальных значений [4, с. 87–96]. Согласно И.К. Архипову, в функции познания свойств реальных предметов, от которых зависит выживание биологического вида, сознание получает из внешнего мира не готовую информацию, а лишь сигналы, раскрытие смысла которых зависит от «качества» индивидуального сознания.

Сознание, опираясь на память, способно выстраивать фантазийные представления относительно настоящего, прошедшего и будущего времени, а также выдумывать понятия о нереальных предметах и сущностях (чудовища, ведьмы, кикиморы, оборотни, вурдалаки). Это даёт огромные возможности для познания человека. Человечество подсознательно чувствует, что всё знание стохастично, поэтому собеседники в большинстве случаев прекрасно осознают границы отображения реального мира, а это, в свою очередь, позволяет им догадываться о смысле высказываний [9].

Вследствие ограниченности объёма памяти, а также малого времени на актуализацию слова либо значения, образ формы ассоциируется только с одним значением на уровне системы языка. Поэтому на уровне речи воспринимающий информацию (слушающий) связывает с образом формы тот смысл, который, с его точки зрения, соответствует системному значению, с одной стороны, и речевому и языковому контексту, с другой.

Так как каждое значение соотносится с определённым состоянием нейронной системы, то не буквальным смыслом выводится слушающим благодаря одновременному удержанию двух состояний, соотносящихся с системным и актуальным условиями. Переносные значения выводятся на основе соответствия или несоответствия картине мира и прагматической установке слушающего [5, с. 56–57].

Поэтому можно сделать следующий вывод: многозначность является эффективным средством передачи бесконечного многообразия мыслей и чувств человека. Известно, что создание для каждого единичного объекта или явления отдельного обозначения повлекло бы чрезмерное увеличение лексической системы, что затруднило бы её использование. Поэтому, полисемия служит средством языковой экономии, хотя в большинстве работ по полисемии языковой фактор не учитывался. При таком подходе

значения образуются и находятся во взаимодействии относительно сами по себе, без какого-либо участия сознания человека, при этом сама многозначность основывается на логико-понятийном, теоретическом моделировании связи языка и познания: у слова не одно системное значение, а несколько.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лингвистическое объяснение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП – 1. – М.: Ин-т рус. Яз. АН СССР, 1984. – 159 с.
2. Апресян Ю.Д. – Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII С., 472 с.
3. Апресян Ю.Д. Об одной закономерности устройства семантических систем // Проблема семантического анализа лексики: Тезисы докладов международной конференции. Пятые Шмелёвские чтения. 23-25 февраля 2002. – М., 2002. – С. 6–9.
4. Архипов И. К. Концептуальная интеграция и «границы» лексического значения // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. Учёные записки. Т. IX. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2003. – С. 46–56.
5. Архипов И.К. Полисемия и семантический перенос // Иностранные языки: Материалы конференции (10–11 мая 2005 г.) – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 186 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 398 с.
7. Касарес Дж. Введение в современную лексикографию. – М.: Прогресс, 1958. – 318 с.
8. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.; Л., 1965. – 109 с.
9. Киселева С.В. Сущность многозначного слова в английском языке: монография. – СПб.: Астерион, 2009. – 216 с.
10. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996. – 756 с.
11. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр. Языкознания. – 1998. – № 5. – С. 3–23.
12. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 607 с.
13. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь // Русистика сегодня, 1996. – № 3.
14. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
15. Шмелёв Д.Н. – Очерки по семасиологии русского языка. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 244 с.
16. Deane P. Polysemy and cognition // *Lingua* Vol. 75, 1988 – P. 325–361.
17. Geeraerts D. Vagueness's puzzles, polysemy's // *Cognitive linguistics* 4 (3), 1993. – P. 223–272.
18. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980. – P. 2–247.
19. Rosch E., Mervis C., *Family resemblances: Studies in the internal structure of categories* // *Cognitive Psychology*, 1975. – Vol. 7. – P. 573–605.
20. Stern G. *Meaning and change of meaning*. Goteborg, 1931. – 449 p.

**Вариантные реализации диалектной переменной:
проблема статуса****Realisations of a dialect variable: Theoretical evaluation**

В статье рассматриваются варианты реализации ряда ключевых слов Обзора английских диалектов. Показана важность получения ответов на вопросы о соотносительной важности чередующихся реализаций, о статусе реализаций как вариантов слова либо отдельных слов.

The paper discusses certain variables among realizations of key words in the Survey of English Dialects and points out the theoretical questions they posit, viz. whether there is a basic realization and a number of its variants, of their relative status as either individual lexemes or as separate words and also for the problem of working out the corresponding variable rules.

Ключевые слова: диалектология, варианты реализации, Обзор английских диалектов, языковая переменная, вариантность и тождество слова.

Key words: dialectology, dialect realizations, Survey of English Dialects, linguistic variable, lexical variance.

Данная статья посвящена анализу одного из многочисленных явлений диалектной вариативности, отраженных в материалах Обзора английских диалектов. Обзор английских диалектов (Survey of English Dialects, [3]) представляет собой список ответов информантов на проведенный в середине прошлого столетия в Англии диалектологический опрос. Ответы опубликованы в знаках Международного фонетического алфавита и отражают мельчайшие оттенки в реализациях слов и фраз, полученных от информантов. При этом каждому списку таких конкретных ответов, полученных на тот или иной вопрос во всех населенных пунктах той или иной местности, предшествует обобщенный перечень ответов, представленный в транслитерированной форме. В качестве примера рассмотрим первый вопрос анкеты Обзора, а именно What do you call these, сопровождаемый картинкой с изображением сельскохозяйственного поля. Вопрос предназначен для получения диалектных реализаций ключевого слова fields. В четвертом томе Обзора (материалы, собранные в южных графствах) редакторы отметили получение двух ответов, а именно FIELDS и GROUNDS. При этом в списке реализаций ответов, полученных в разных населенных пунк-

тах конкретного графства, например, в Дорсете, читаем $f\text{ɪ}ə\text{t}d\text{z}$, $f\text{ɪ}ə\text{t}\text{z}$ [“older”], $v\text{ɪ}ə\text{t}\text{z}$, $g\text{r}\text{æ}\omega\text{n}$, $v\text{i}:\text{ə}t\text{d}\text{z}$, $g\text{r}\text{ə}\omega\text{n}$ и т. д. Таким образом, редакторы Обзора сочли такие формы, как $f\text{ɪ}ə\text{t}d\text{z}$, $f\text{ɪ}ə\text{t}\text{z}$, $v\text{ɪ}ə\text{t}\text{z}$ и $v\text{i}:\text{ə}t\text{d}\text{z}$, в равной мере реализациями слова *fields*, а формы $g\text{r}\text{æ}\omega\text{n}$ и $g\text{r}\text{ə}\omega\text{n}$ – реализациями слова *grounds*.

Обратимся теперь к материалу, представляющему предмет анализа в данной статье. Среди диалектных реализаций ключевых слов Обзора встречаются примеры, отличающиеся друг от друга на одну согласную фонему. Вариативным при этом оказывается не способ артикуляции, как в вышеприведенных примерах с [f] ~ [v], демонстрирующих хорошо известное диалектологам и историкам языка озвончение щелевых в юго-западных диалектах. В случаях, которые мы рассматриваем, вариативно место артикуляции: например, [k] варьирует с [t], или [g] с [d]. Так, *clean* имеет варианты типа [tli:n], *clothes* – [tlo:ðz], *glad* – [dlad] т. п. Примечательно, что при этом порой снимаются фонотактические ограничения, налагаемые нормой на то или иное сочетание фонем в определенной позиции. Так, начальные *tl-* или *dl-* в норме английского языка невозможны, в то время как в диалектных реализациях, как видим, такие сочетания встречаются, причем, как показывает материал Обзора, повсеместно, кроме самых южных диалектов.

Исследование всех вариаций такого рода показало, что они всегда возникают в сочетаниях шумных с сонантами, причем за одним исключением, о котором ниже, в сочетаниях смычных с сонантами. Имеются два типа таких вариаций: мена смычного при одном и том же сонанте или мена сонанта при одном и том же смычном. В диалектологии социолингвистического направления такие варианты объединяются под названием переменной. Рассмотрим оба типа варьирования.

Мена смычного проходит в четырех контекстах: *смычный + сонант*, *сонант + смычный*, *s + смычный + сонант* и *сонант + смычный + сонант*. Начнем с первого контекста.

Этот контекст из всех сонантов затрагивает почти исключительно сочетания с латеральным, т.е. в основном это примеры вида *смычный + l*. Мена нормативного *kl* на диалектное *tl* встречается во всех позициях в слове: начальной – *clean* [tli:n], срединной – *weakling* [wi:tlɪn] и конечной – *uncle* [ʌntl]. Обратное направление вариации, то есть мена нормативного *tl* на диалектное *kl*, возможна в обеих позициях, разрешенных нормой для *tl*, а именно в срединной – *whitlow* (‘панариций’) [wɪklo] и конечной – *kettle* [kɛkl]. Отмечена также мена *tl* на *pl* в слове *whitlow* [wɪplo], хотя примеры рассматриваемой вариативности с участием билабиальных очень редки.

Звонкий коррелят *kl*, т.е. *gl*, дал примеры мены на звонкий коррелят *tl*, т.е. на *dl*. Так, *gloves* – [dlɒvz], *glad* – [dlad], *guggle* – [gʌdl].

Примеров с обратным направлением варьирования, т.е. *dl* → *gl*, не обнаружено, в отличие от соответствующих сочетаний с глухим. Как и в случаях с глухими, изредка здесь появляется третий вариант, а именно вариант с билабиальным смычным. Так, *guggle* (диал. 'пить жадно и с шумом') дал, помимо *gl* → *dl*, также *gl* → *bl*: [gɫbl ~ gɔbl]. В то же время *gobble* дал пример мены обратного вида, т.е. *bl* → *gl*. В примерах с глухим коррелятом *bl*, т.е. *pl*, варьирования вида *pl* → *kl* либо *pl* → *tl* не обнаружено. Кроме примеров с латеральным, в единичных случаях можно отметить сочетание с билабиальным сонантом /w/, а именно мену *kw* на *tw*: *quilt* – [twɪlt].

В контексте зеркальной структуры, т.е. *сонант* + *смычный*, примеров немного. Так, была обнаружена мена *nt* → *nk* – *panting* – [pæŋkɪŋ]; отметим также мену с неясным вектором (ввиду отсутствия слова в норме) – либо *lk* → *lp*, либо наоборот *lp* → *lk* в одном из ответов на ключевое слово *gobble*, а именно *golk/golp*.

В контексте *s* + *смычный* + *сонант* звонкие смычные не встречаются, а из сонантов в вариативности участвует лишь *r*, так что речь пойдет о вариативности вида *str* ~ *skr* ~ *spr*. Кроме того, следует учесть, что нас интересуют только кластеры, принадлежащие одному слогу. В нашем материале кластеры такого рода отмечены только в анлауте. Таким образом, речь идет исключительно о начальных *str*-, *skr*- и *spr*-. Вариативность здесь отмечается уже в норме, где глаголы *strain* и *sprain* оказываются по происхождению вариантами друг друга [4, s.v. *sprain*]. Ключевых слов вопросника Обзора, могущих способствовать появлению реализаций с анлаутом *str*-, *skr*- либо *spr*-, немного. Среди них наречие *ASTRIDE*, которое дало такие реализации, как [stɹædlən, stɹædlɪd, stɹædlɪn, stɹædlɪɛgd, sprædlɪɛgəd, spræ:ɪd aɔt, spræ:lən aɔt, skɹɔ:d] и т.п. Среди данных реализаций преобладает анлаут *str*-, как и в ключевом слове. Далее по частоте встречаемости идет анлаут *spr*-. Реже всего встречаются реализации с анлаутом *skr*-. В ответах на другие вопросы встречаются реализации с начальным *sp*-, но вариативность смычного в этом контексте, т.е. в положении между *s* и латеральным *l*, не выявлена.

Мена смычного в контексте *сонант* + *смычный* + *сонант* в нашем материале зарегистрирована в одном контексте, а именно [ndɪ → nɟɪ], причем только в двух случаях. Во-первых, в реализациях ключевого слова *HANDLES*, полученных только в одном из трех вопросов, где это слово появляется в ответах, и только в трех пунктах в Йоркшире (I том, северные графства), а именно: *handles* [aŋɪz]. Во-вторых, это реализация ключевого слова *KINDLING-WOOD*, полученная от одного информанта в графстве Эссекс (III том материалов Обзора): [kɪŋlən].

Мена сонанта при одном и том же смычном встречается реже, чем мена смычного при одном и том же сонанте. Как и в случае с меной смычного, чаще это происходит в последовательности *СМЫЧНЫЙ + сонант*. Так, *tn* → *tl* (*kitten*, v. [kitl]), *dl* → *dn* (*needle* [ni:dn]), Кроме того, есть изолированный пример такой мены в зеркальной структуре, т.е. *сонант + смычный*: *lt* → *nt* (*coulter* [kəuntə]). Но есть и примеры, где вариативность сонанта отмечается в контекстах *сонант + смычный + сонант*, а также *s + смычный + сонант*. Так, *ntr* → *ntn* (*pantry* [pæntni]), *skw* → *skr* (*squalling* [skro:lɪŋ]).

Из смычных в этих вариациях глухие участвуют значительно чаще, чем звонкие. Во-первых, среди лексем, участвующих в этих вариациях, чаще всего встречаются такие, которые содержат именно глухие смычные. Во-вторых, глухие смычные участвуют в комбинации со всеми сонантами, вовлеченными в этот процесс, т.е. с /l, r, n, w/, в то время как звонкие – только с ///. Из глухих смычных /k/ и /t/ участвуют в этом процессе значительно чаще, чем /p/. Билабиальные /b/ и /p/ слабо вовлечены в рассматриваемый тип варьирования. В свою очередь сонанты также не равномерно распределены по нашему материалу. Чаще всего в этом процессе участвует ///, причем как при мене смычного, так и при мене сонанта.

Обратимся, наконец, к единственному сочетанию, в котором участвуют не смычные, а щелевые. Речь идет о вариативных реализациях ключевого слова FLAILS ('часть цепа, орудия для молотбы'). При мене щелевого здесь fl- варьирует с vl-, что естественно для юго-западных диалектов и в материалах IV тома (ответы, полученные в южных графствах) отмечается не только в реализациях данного ключевого слова, но и других слов, где в норме имеем начальный fl-, например, FLIES и FLEAS. Но в случае с FLAILS отмечается также мена сонанта: l → r. При этом появляются варианты не только с fr- и vr-, но также с θr-. В последнем случае мы имеем не только иной, чем в норме, сонант, но и иной шумный (щелевой). Таким образом, среди реализаций слова FLAILS имеем вариативный ряд вида fl- ~ vl- ~ fr- ~ vr- ~ θr-. Варианта с сонорным l, следующим за щелевым θ, то есть варианта с θl-, не отмечено, хотя исторически вариативность fl- ~ θl- в германских языках встречалась. Так, др.-англ. *flēon* (совр. to flee) соответствует готскому *thliuhan*. У. Скит предполагает, что анлаут на thl- был первоначальной формой этого слова во всех германских диалектах [4, s.v. *flee*]. Отметим также, что ни в одном другом слове с начальным fl-, взятым в качестве ключевого слова разработчиками анкеты Обзора, указанной вариативности не отмечается. Реализации всех остальных ключевых слов с начальным fl- содержат только вариативные реализации гласных. Анлаут во всех ответах содержит только fl-, в южных говорах иногда чередуется с vl-, как во всех словах с начальным /f/ в этом регионе.

Изложенные факты ставят перед нами три вопроса. Первый из них таков: правомерно ли считать то или иное варьирование векторным, то есть заменой одного «основного», «примарного», «исходного» звука другим, «секундарным», «производным»? Или в изучаемом варьировании разумнее видеть чередование «равноправных» звуков, чем переход какого-то «основного», «исходного» звука во «вторичный»? И если перед нами замена звука, то какой именно из разных вариантов и на каком основании следует считать исходным, а какой (какие) – производным (производными)? Второй вопрос можно сформулировать так: какие формы и на каком основании следует квалифицировать как вариантные реализации одного и того же слова, а какие – реализациями двух разных слов? И, наконец, третий вопрос таков: чем объяснить, почему какие-то комбинации фонем, участвующих в рассматриваемой вариативности, отмечаются часто, другие редко, а некоторые не участвуют в ней вообще?

Начнем с рассмотрения первого вопроса. Есть ряд соображений, которые приводят к интерпретации фактов такого варьирования как фонетической замены. Во-первых, это появление *tl-* и *dl-* в начальной позиции. В норме такой анлаут запрещен, да и в диалектах встречается лишь в чередовании с разрешенными анлаутами *kl-* и *gl-*, причем встречается значительно реже разрешенных сочетаний. Так, в материалах III тома (ответы, полученные в восточно-центральных графствах) из 104 ответов с ключевым словом CLAY 84 содержали формы с начальным *kl-* ([klɛə, klɛɪ, klɛɹ] и т.д.) и лишь 20 имели анлаут с *tl-* ([tle:, tlɛɪ, tlaɪ] и т.д.). В другом случае разница еще более значительная, несмотря на то, что рассматриваемый вариант фонотактически не запрещен в норме. Речь идет об анлауте *tw-* вместо ожидаемого *kw-*. Во II томе Обзора (материал западно-центральных графств) среди реализаций ключевого слова QUILT из 89 реализаций ключевого слова лишь 2 содержат форму с начальным *tw-* ([twilt]). Это заставляет считать реализации с начальными *kl-*, *gl-* либо *kw-* основными, а с *tl-*, *dl-* либо *tw-* – вариантными. Во-вторых, не все сочетания смычных с сонантами участвуют в варьировании этого вида. Например, формы с нормативными *pl* и *bl* в начальной или медиальной позиции никаких вариантных реализаций смычного не имеют; в то же время в реализациях других нормативных сочетаний, например, *tl-* либо *dl-*, группы *pl* и *bl* в качестве вариантов встречаются. (Как было указано выше, билабиальные вообще показали себя слабо участвующими в этом варьировании. В частности, с иными сонантами, кроме *ll*, они в рассматриваемых вариациях не зафиксированы.) Это заставляет считать реализации типа *whi/t/low* основными, а *whi/k/low* или *whi/p/low* вариантными. Так посчитали и редакторы Обзора, исключив формы *whiklow* и *whiplow* из транслитерированного списка слов, полученных

в качестве реализации ключевого слова WHITLOW и тем самым показав, что по их мнению формы с /k/ и /p/ являются фонетическими вариантами слова whitlow.

Во многих случаях вопрос о том, какой именно вариант считать основным, может быть решен с достаточным основанием. Это, очевидно, во-первых, более употребительный вариант, а во-вторых, тот, который принят в норме. В подавляющем большинстве случаев эти параметры совпадают у одних и тех же реализаций. Например, в таких словах, как *clothes, climb, clean, ankle, uncle* из пары *kl ~ tl* основной будет реализация с *kl*: именно она является наиболее распространенной и именно она принята нормой. На этих же основаниях в словах *kettle, whitlow, whittle, chitterlings* основной оказывается реализация с *tl*; формы же с *kl* или *pl* должны быть признаны вариантными.

Особым образом дело обстоит с реализациями единственного ключевого слова, где в сочетании с сонорным участвует щелевой, т.е. в случае с FLAILS. Во-первых, нормативные анлауты на *fl-* в ответах на вопросы с этим ключевым словом встречаются почти с равной частотой, что и ненормативные, такие как *fr-* либо *θr-*. Более того. В материале III тома Обзора реализации с начальным *fl-* оказываются в меньшинстве. Из 81 обследованного пункта в этом регионе нормативные анлауты отмечены лишь в одном из четырех пунктов в Ноттингемшире и в девяти пунктах из 19 в Линкольншире. При этом даже в таких ответах иногда нормативные реализации чередовались с диалектными. В этом регионе преобладают реализации с начальными *fr-* и *θr-*. Но слов *frail* со значением 'орудие для молотьбы' или *thrail* с каким бы то ни было значением в норме нет. Поэтому квалифицировать вариант *flail* как основной можно только на том основании, что в норме принята именно эта форма. При этом получается, что основная форма в реальном речевом поведении диалектоносителей редко встречается. Кроме примера с FLAILS, такого нигде в материалах Обзора не отмечено. Во-вторых, здесь варьирует не одна согласная фонема в составе каждой отдельно взятой реализации, а сразу две: и начальный щелевой, и следующий за ним сонорный одновременно. Все это делает вариативность реализаций слова *flail* уникальной. Это единственный пример с участием щелевого в обсуждаемом типе варьирования, единственный пример с одновременной вариативностью как шумного, так и сонанта и, наконец, единственный пример, где нормативная реализация оказывается менее распространенной, чем ее диалектные варианты. Таким образом, единственным соображением, по которому в ряду *fl- ~ vl- ~ fr- ~ vr- ~ θr-* можно оправдать оценку первого варианта как основного, является то, что именно этот вариант принят в норме.

Но нужно учитывать, что есть примеры, где конкурирующие варианты оказываются в равной мере редкими и при этом ни один из них не принят в норме, т.е. все они – диалектизмы. Таковы, например, формы *guggle* ~ *gubble* или *golk* ~ *golp*. Очевидно, в этих случаях мы имеем дело с чередованием равноправных реализаций. Сюда же отнесем пары *strain* ~ *sprain*, *strod* ~ *sprawed* и им подобные. Сочетание такой формы с таким именно значением, которое имеем в ответах информантов Обзора, заставляет считать члены этих пар вариантами друг друга. При этом основной вариант не может быть выделен. Именно поэтому редакторы Обзора приводят все такие формы в списке транслитерированных ответов, так сказать, на равных правах.

Обратимся теперь к рассмотрению второго вопроса, а именно какие из вариантов можно квалифицировать как варианты одного и того же слова, а какие и на каком основании можно считать разными словами. Разумеется, по отношению к парам типа *fields* и *grounds* вопрос будет абсурдным. Хотя они характеризуются полным равенством семантики, эти слова не содержат ни одной общей фонемы. Такие пары в диалектологии принято называть географическими синонимами, потому что при совпадении семантики они все же принадлежат лексиконам разных местностей. На несколько иных основаниях отдельными словами могут быть признаны варианты ответов информантов на один и тот же вопрос даже при совпадении большей части их фонетического состава. Если такие формы отсутствуют в норме – как вышеприведенные *scrod* со значением ‘верхом’, ‘расставив ноги’ или *sprawed* с каким бы то ни было значением – (оба как ответы на ключевое слово *ASTRIDE*) и если их звуковой облик отличается более чем на одну фонему, их можно считать разными словами. Однако анализ решений, принимаемых редакторами Обзора относительно того или иного набора вариантов, где один совпадает с формой, принятой в норме, показывает отсутствие единого подхода к материалу. Так, варианты [pæŋkɪn] и [pæntɪn] оба попадают в список транслитерированных ответов на равных правах: *panking*, *panting*. То же для [skwo:lɪn] и [skro:lɪn] : *squalling*, *scrawling* и для целого ряда других. Но вот формы [klɛ:dz] и [kla:dz] и др. вместе с [tlɛ:dz] или [tlæudz] и им подобными получают отражение только в одной транслитерированной форме, а именно *clouds*. То же для [glæd] и [dlæd]: *glad* и [twɪlt] и [kwɪlt] для *quilt*. Эти примеры свидетельствуют о разном отношении редакторов Обзора к тем или иным фактам вариантности. Некоторые из них оказываются как бы «важнее» других, существеннее, интереснее – их отмечают как отдельные слова. Другие же, по сути, игнорируются.

Ярким примером такой разницы в подходах может служить рассмотренное выше слово *flail*, давшее в материалах всех четырех

томов Обзора многочисленные реализации с начальными fr- и θr. Редакторы второго тома Обзора (материалы западно-центральных графств) сочли формы с fr- вариантами нормативного flails, отразив обе формы в списке ответов, соединив их знаком вариантности: *flails~frails*. Однако формы на θr- в списке ответов получили отражение как отдельное слово: *thrails*. Возможно, в принятии такого решения сыграло роль то, что форма *thrails* отличается от нормативной не на одну, а на две согласные фонемы. Важно также то, что анлаут на θr- в английской лексике встречается намного (в 4 раза) реже, чем на fl- и на fr-. Так, в словаре COBUILD издания 1992 года заглавных слов словарных статей с анлаутом fl- насчитывается 216, с анлаутом fr- – 206, в то время как анлаут θr- отмечен только у 52 заглавных слов. Так или иначе, редакторы II тома посчитали, что форма *thrails* не может рассматриваться как вариант слова flails и должна быть отражена как отдельное слово. Но в III томе (материал восточно-центральных графств), где соотношение между нормативным fl- и его конкурентами fr- и θr- по сути такое же, как и во втором, то есть нормативная форма отмечена намного реже ненормативных, редакторское решение оказалось совсем иным. Редакторы этого тома сочли, что таких слов, как *frails* или *thrails* вообще нет, и отразили все варианты ответов как реализации только одной (транслитерированной) формы, то есть нормативного слова flails. Таким образом, очевидно, что в этом вопросе не выработаны объективные основания для принятия какого-то одного решения.

Между тем, получение четкого ответа на поставленные вопросы необходимо для выявления закономерностей, стоящих за анализируемым варьированием. В современной социолингвистически ориентированной диалектологии совокупность варьирующих форм называется языковой переменной, свойства которой описываются через переменные правила. (Языковая переменная была впервые открыта У. Лабовом [2]; вариант развития идеи см. О. Бродович [1]) Для выработки таких правил необходимо выявить все ситуации, в которых появляется исследуемая вариативность, в частности, наличие-отсутствие основного варианта, условия, способствующие появлению вариативности, и условия, ограничивающие пределы вариативности.

Применительно к данным вариациям обращает на себя внимание тот факт, что далеко не все лексемы с фонетической структурой, содержащей описанные выше сочетания фонем, участвуют в анализируемой вариативности. На одном полюсе находятся такие контексты, как анлаут на kl-. Практически все слова с начальным kl- в подавляющем большинстве обследованных пунктов демонстрировали варианты с tl-, несмотря на то, что в норме этот анлаут отсут-

ствуется. При этом частота появления ненормативных реализаций неодинакова для разных лексем с начальным *kl-*.

На другом полюсе находится начальное *fl-*, которое участвует в данной вариативности только в одном слове – *flails* -, хотя в материалах Обзора слов с анлаутом *fl-* немало и конкурирующие анлауты – *fr* и *θr-* в норме вполне распространены.

Эти обстоятельства ставят перед исследователем задачу определения условий, провоцирующих появление ненормативных вариантов.

Другой проблемой становится вопрос о том, какие именно ряды реализаций являются вариантами друг друга, а какие появляются, так сказать, самостоятельно, независимо от существования других. Если перед нами разные варианты одного и того же слова, то, естественно, и фонетические реализации суть варианты в составе переменной. Таковы, очевидно, все случаи, где реализации отличаются на одну фонему, и особенно очевидно те, где появляются сочетания согласных, отсутствующие в норме. В случаях, где реализации различаются более чем на одну фонему, как в примере *flails* – *thrails*, ответ уже не так очевиден. Переменное правило, учитывающее вариацию более чем одной единицы одновременно, насколько известно автору данной работы, пока не предлагалось. Возможным вариантом решения задачи в этом случае могло бы быть правило, описывающее мену *fl-* на *fr-*, после которой наступает очередь второго правила, описывающего условия мены *fr-* на *θr-*. Такая очередность кажется правдоподобной, поскольку реализации с *fr-* встречаются намного чаще, чем реализации с *θr-*. Очевидно, на эти последние ограничений больше, чем на появление реализаций с *fr-*.

Ответ на третий вопрос, как кажется, получить возможно, но это предполагает проведение анализа, далеко выходящего за рамки настоящей статьи.

Очевидно, что анализ вариативности структур вида *шумный + сонант*, *сонант + шумный* и *сонант + шумный + сонант* в английских диалектных лексиконах на сегодня поставил больше вопросов, чем дал ответов. Исследование должно быть продолжено, но его результаты, естественно, будут доложены в дальнейших публикациях.

Список литературы

1. Бродович О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. – Л.: изд-во ЛГУ, 1988. – 193 с.
2. Labov W. Empirical foundations of linguistic theory. *The Scope of American Linguistics*. ed. By R. Austerlitz. – Lisse, 1975.
3. Orton H. et al. Survey of English Dialects. (A) Introduction. Leeds, 1962; (B) Basic Material. Leeds. vol.1. 1962; vol.2. 1969; vol.3. 1969; vol.4. 1975.
4. Skeat W. Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford, Clarendon Press, 1997.

**Понимание и интерпретация поэтического текста:
мета-герменевтический подход**

**Understanding and interpreting poetic text:
meta-hermeneutical approach**

Статья посвящена обсуждению важнейших для герменевтической традиции вопросов понимания и интерпретации в свете современных концепций анализа социальных действий и связанных с ними когнитивных процессов.

The article discusses the most important issues for the hermeneutic tradition of understanding and interpretation in the light of modern concepts of the analysis of social action and related cognitive processes.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, герменевтика, методы гуманитарных и естественных наук, герменевтический круг, поэтический текст, язык, интенция.

Key words: understanding, interpretation, hermeneutics, methods of humanities and natural sciences, hermeneutical circle, poetic text, language, intention.

В своей книге «Social Understanding» Юрген и Кристина Клювер (Jurgen Kluver, Christina Kluver) в ходе проведенного ими эксперимента наглядно доказали жизнеспособность идеи применения методологии герменевтики к возможному решению проблем моделирования искусственных систем. Но по их собственным словам, симуляция понимания реципиентами содержания детективных рассказов представляет собой лишь «первые шаги» на пути к более тесной интеграции герменевтики и математического моделирования [2, с. 104]. В этой связи представляется возможным и интересным сопоставить результаты и наблюдения, полученные авторами в анализе когнитивных механизмов интерпретации и понимания, с аналогичными примерами из других литературных жанров.

Выбранный нами подход условно можно охарактеризовать как «мета-герменевтический», поскольку конечная цель определяется нами не с позиций филологической герменевтики (постижение смысла отдельного произведения), а исходя из целей и задач общей герменевтики как теории и методологии понимания. Стоит отметить, что феномен понимания является центральным и определяющим концептом во всей системе герменевтических изысканий, сравнимый с ролью языка в лингвистике. Равно как и каждое

отдельное направление в лингвистике, анализируя конкретные языковые данные, своей целью ставить сообщить нечто новое о природе языка, так и представление в герменевтике о сущности понимания постепенно складывается из анализа частных актов понимания и интерпретации отдельных событий.

В общей теории и методологии толкования понимание выступает в качестве крайне универсального феномена, неразрывно связанного с категориями бытия и языка, поскольку раскрытие человеческого бытия-в-мире имманентно проистекает в понимании и интерпретации и воплощается в языке. Исходя из этого, можно сказать, что заявленный нами мета-герменевтический подход, направленный таким образом на «понимание понимания», наряду с репрезентацией когнитивных процессов, участвующих в понимании неизбежно предоставит нечто полезное и для теории языка.

Сама идея унификации методов гуманитарных и естественных наук не нова и обладает многовековой историей противостояния, на первый взгляд, двух принципиально несовместимых точек зрения: математический и экспериментальный способ объяснения материального мира считался неприемлемым (по крайней мере, с точки зрения герменевтики) по отношению к «миру человеческого разума». С другой стороны, понимание как метод гуманитарных наук допустим только по отношению к человеческой деятельности и ее продуктам – обществу, социальные процессы, произведения искусства и т.д. [2, с. 5].

Более радикальный подход к данной проблеме прослеживается в феноменологическом направлении философской герменевтики. В частности, известный американский философ-герменевт Ричард Палмер, отталкиваясь от идей Мартина Хайдеггера и Ганс-Георга Гадамера, отстаивает позицию необходимости преодоления «субъектно-объектной схемы» взаимодействия интерпретатора и текста, навязываемой «современным технологическим мышлением естественных наук» [3, с. 245]. Герменевтический опыт, получаемый в ходе взаимодействия с произведением искусства, имеет характер «события, истории» [3, с. 252] – это динамический процесс: значение и смысл того или иного произведения раскрывается во времени, представляя собой расширение горизонта пред-ожиданий интерпретатора.

Понимание всегда индивидуально, оно актуально лишь в момент своего раскрытия для каждого интерпретатора в отдельности, поэтому понимание становится видом самопонимания, когда толкование произведения становится частью бытия-в-мире толкователя. Исторический характер понимания неразрывно связан с языком, поскольку весь комплекс пред-знаний, с которым интерпретатор подходит к толкованию произведения искусства, закрепляется

в языке – своеобразной когнитивной «среде (medium), в которой действительное понимание и согласие достигается между людьми» [1, с. 386]. Следовательно, герменевтический опыт неотъемлемо является лингвистическим и к нему не применимы методы анализа концептуального знания: «...любое метод в действительности является формой догматизма, дистанцирующий интерпретатора от произведения, становясь препятствием к полноте его понимания» [3, с. 247]. В связи с чем, задача современной теории интерпретации определяется как преодоление ограниченности научного видения и «восстановление смысла историчности существования» [3, с. 252].

Схожую критику негативного влияния «рационалистической традиции» можно обнаружить в исследовании проблем создания искусственного интеллекта Терри Винограда (Terry Winograd) и Фернандо Флореса (Fernando Flores). По их мнению, ошибочным является представление о субъектно-объектом характере взаимодействия человека и предметов окружающего мира, поскольку любое взаимодействие есть системное образование, обязательным условием существования которого является наличие связей между составляющих данную систему элементов. Каждый отдельный элемент этой системы понимается как таковой только в случае «поломки» (англ. «breakdown», ориг. нем. «Störung») – прерывающего момента в нашем бытии-в-мире, когда элемент системы теряет связи с другими элементами системы, т.е. располагается вне ее границ.

Вслед за Хайдеггером ученые говорят о характере «заброшенности» (англ. «Thrownness», ориг. нем. «Geworfenheit») человеческого бытия – о принадлежности к традиции, историческому и культурным процессам частью и продолжением которых мы являемся и без опоры на которую всякое понимание представляется невозможным: «Пред-понимание отдельного человека является результатом опыта внутри традиции. Все что мы говорим говорить на основе опыта и традиции и имеет смысл только по отношению к ним.

Язык (как и любое другое значимое действие) выражает только то, что не очевидно, и может существовать только между индивидуумами, объединенными общностью фоновых знаний» [5, с. 74]. Язык не рассматривается как «инструмент» коммуникации или «одежда» мысли, отстраняя человека от языка и бытия, используя субъектно-объектное разделение. Язык это время, в котором бытие раскрывает себя, сохраняя состояние системы как системы, т.е. являя ее элементы в качестве связанных между собой единое целое в динамике становления. Тем самым признается онтологический статус языка, поскольку «вне языка нет существования» [5, с. 68].

Практическое подтверждение идей М. Хайдеггера Т.Виноград и Ф. Флорес находят в знаменитой концепции языка и понимания известного чилийского нейробиолога Умберто Матураны (Humberto

Maturana), согласно которому язык является автопоэзной системой [5, с. 44] – особой областью взаимодействия биологических видов, имеющая коннотативный, а не денотативный характер. Функция языка как такого рода системы состоит не в указании на нечто внешнее по отношению к ней самой, но в ориентации системы в ее собственном когнитивном пространстве, поэтому и адаптация к меняющимся условиям среды осуществляется за счет перераспределения связей между элементами системы.

Юрген и Кристина Клювер более позитивны в своих оценках перспектив возможности анализа классических герменевтических проблем математическими методами. Сама возможность такого рода взаимного проникновения «двух культур» проистекает из трех основных положений. Во-первых, в расчет берутся научные достижения прошлого века: развитие современной структурной математики и математической логики, создание программ исследования сложных динамических систем и самое главное создание компьютеров, способствующих возможности компьютерной симуляции и экспериментов в области гуманитарных наук [2, с. 7].

Во-вторых, концепты понимания и объяснения, представленные американским социологом Теодором Абелем в качестве водораздела методов соответственно гуманитарных и естественных наук не обязательно должны рассматриваться как «противоположные аспекты рационального мышления» [2, с. 65]. По их мнению, Альфред Шютц убедительно продемонстрировал важность и необходимость, как понимания, так и объяснения для решения проблем анализа социальных действий.

Особое место в его концепции занимает аналитическое деление объяснения на два вида: «объяснение для чего-то» («in order to» explanation) и «объяснение из-за чего-то» («because» explanation), вводимые для разграничения интенций и причин субъекта социальных действий. Однако как справедливо замечают авторы важность имеет не сама возможность подобного рода аналитического деления, а тот факт, что на практике очень часто причины могут рассматриваться в качестве интенций и наоборот вплоть до полного неразличения [2, с. 73–74]. В данном подходе можно наблюдать сохранение преемственности герменевтической традиций, рассматривающей понимание как диалектический и исторический процесс.

В-третьих, в своей работе Ю. и К. Клювер выступают за реставрацию важнейшего понятия герменевтики – герменевтического круга, который, по их мнению, не следует расценивать как вариант порочного круга в логике. Суть данной операции состоит в последовательном переходе от одного логического уровня, на котором кон-

кретные когнитивные операции не возможны, к другому с целью преодоления ограничений [2, с. 92].

В традиционной герменевтике диалектическая динамика понимания раскрывается схожим образом: часть (текста, сообщения, социального действия) всегда понимается по отношению к целому и наоборот. Однако в терминологии авторов круг представляет собой спираль поступательного перехода от единичных случаев к контексту [2, с. 94]. В целом введение авторами новой терминологии в понятийный аппарат герменевтики необходимо признать чрезвычайно перспективным, поскольку он не ведет к возникновению параллельно сосуществующих понятий, а к устранению в ряде случаев ненужной метафоричности в описании когнитивных процессов, участвующих в понимании.

В дальнейшем представляется возможным, что тесное переплетение герменевтики и теории сложных динамических систем приведет к таким же взаимным положительным результатам, как в случае с внедрением достижений теории информации и кибернетики в лингвистику. Главным преимуществом нового подхода является последующая возможность компьютерной симуляции не только динамики социальных процессов и развития биологических систем, но и понимание участниками коммуникации друг друга, наряду с особенностями восприятия интерпретаторами конкретных текстов.

Движение интерпретации в герменевтическом круге от предпонимания целого к частному и последующей сверке полученной информации с уже понятым целым может описываться как последовательное изменение состояний сложной самоорганизующейся системы от множества всех начальных состояний системы («бассейн притяжения аттрактора») к аттрактору – конечному состоянию системы, которое оно уже не покидает [2, с. 15–16]. В ряде случаев можно говорить о достижении системы странного аттрактора, т.е. состояние, которое система уже не покидает, но внутри которого поведение системы непредсказуемо [там же, с. 17]. Особой теоретической значимостью в этом подходе обладает новаторская концепция значения, смысла сообщения, которое представляется ничем иным как «выработанным системой аттрактором» [там же, с. 31].

Как уже было сказано в начале статьи, применение данного подхода было апробировано на примере создания компьютерной симуляции (трехуровневая модель нейронной сети) понимания студентами содержания детективного рассказа. Однако практическая реализация поставленной цели потребовала значительной конкретизации комплекса задач необходимых для ее достижения. Так понимание содержания детектива было сведено к моменту развития сюжета, когда читатель с уверенностью мог предсказать, кто из числа подозреваемых является истинным убийцей. Во многом симуля-

ция данного процесса схожа с операциями, осуществляемыми в рамках теории принятия решений. Поиск «идеальной» кандидатура на роль убийцы проводился в несколько шагов: за каждым вводом новых данных следовала сверка и необходимая коррекция уже имеющейся информации, что в свою очередь являлось основанием для выдвижения новых гипотез. В конечном итоге, претерпев смену ряда состояний, динамическая система достигала желаемого аттрактора – понимание личности главного антигероя.

Результаты эксперимента показали, разным группам реципиентов требовалось различное количество шагов ввода новых данных для достижения аттрактора. Для некоторых ответ на вопрос «Кто убийца?» был очевиден в самом начале, для других в середине или в самом конце – в классической для детективного жанра сцене облачения преступника. В ходе эксперимента авторы также значительно сузили сферу контекстуальных допущений. В фокусе их внимания исключительно контекст самого рассказа, аккумулируемый множеством частных фактов содержания.

Однако по нашему мнению, представленная многообещающая методика еще далека от практического применения по отношению к пониманию читателем настоящих произведений словесного искусства. Хотя не стоит забывать, что это только первые шаги на пути к возможной в будущей компьютерной симуляции нейронных сетей, задействованных в процессе понимания и интерпретации.

Для лучшего прояснения нашей мета-герменевтической позиции мы попытались проанализировать не конкретный художественный текст, но текст о тексте, а именно текст стилистической интерпретации поэмы Джеффри Хилла (Geoffrey Hill) «Of commerce and society», написанный профессором английского языка Майклом Туланом (Michael Toolan). Выбор материала анализа не случаен. Во-первых, как было указано ранее, в нашу задачу входит прояснение некоторых аспектов понимания на примере уже имеющихся моделей понимания. Во-вторых, как нам представляется, поэзия являет собой радикально иной герменевтический опыт в сравнении с другими литературными жанрами. И, в-третьих, данный пример интерпретации не является полноценным стилистическим анализом, поскольку строится преимущественно на представлении обширной ассоциативной семантической сети поэтического текста, оставляя в стороне многочисленные примеры девиаций на синтаксическом и звуко-графическом уровне. Таким образом, в очередной раз подчеркивается принципиальная открытость любого крупного художественного словесного произведения.

Во многом, представленные принципы когнитивных действий субъекта в языковой среде детективного текста присутствуют и здесь и справедливо начать анализ именно с них. Неудивительно,

что преемственность, как и в любом другом акте понимания, сохраняет принцип герменевтического круга, определяющий циклический характер всего хода интерпретации, что явно подчеркивается в его структуре. Три секции *commerce*, *society*, *branching out* содержательно представляют собой основные этапы осуществления когнитивных операций подтверждения и отклонения центральной гипотезы о возможном тождестве основных тематических концептов всего поэтического текста – коммерция и общество. Стоит отметить, что в самом начале Майкл Тулан представляет свой собственный содержательный минимум, с которым он подходит к началу анализа поэтического текста, поэтому справедливо взять его в качестве начального состояния системы или условно очерченного горизонта пред-понимания:

commerce: 'trade', 'exchange', 'barter', 'bargain', 'buying and selling', 'money transaction'

society: 'nation', 'culture', 'community', 'tribe', 'civilization', 'élite' (as in the 'society' page of a magazine) [4, с. 35].

Естественно, что исчерпывающего представления всего множества пред-рассудков (в позитивном понимании данного термина М. Хайдеггером и Г.-Г. Гадамером) не может быть в принципе, поскольку, во-первых, представление всего жизненного опыта, с которым интерпретатор подходит к толкованию задача бесконечная и нецелесообразная, во-вторых, границы горизонта понимания определяются динамикой смешения горизонтов читателя и текста и, следовательно, в каждой новой интерпретации актуальность тех или иных компонентов когнитивного контекста будет варьироваться.

Более конкретно процедуру смешения горизонтов можно охарактеризовать как постоянное контекстуальное достраивание, осуществляемое с целью поиска в уже имеющемся языковом опыте интерпретатора ситуаций употребления тех или иных языковых моделей и их последующая сверка с употреблением данных моделей в самом тексте. Анализ текста интерпретации наглядно демонстрирует правоту позиции У. Матураны и Т. Винограда/Ф. Флореса касательно работы механизмов понимания в языке как области взаимодействия. Действительно, большая роль в интерпретации отдается коннотативному аспекту значения, нежели денотативному. Важность имеет не столько примеры опознавания полисемантических, коллакационных, метонимических или метафорических возможностей, реализованных в тексте, но их непосредственная связь с реальными ситуациями допускающие их употребление.

Горизонт поэтического текста Джеффри Хилла несравнимо шире изначально пред-ождаемого узкого стилистического регистра социально-экономических отношений и представляющий собой философскую медитацию над причинами того, почему Европейская цивилизация в 20-м веке претерпела череду кровавых и опустоши-

тельных войн. Возникающий конфликт горизонтом является сигналом для интерпретатора о необходимости привлечения нового контекста, вынуждая спираль интерпретации выходить на новый виток, или в терминах Ю. и К. Клювер когнитивная система изменяет траекторию движения составляющих ее элементов в сторону нового аттрактора. Достижение финального аттрактора не означает статической пассивности когнитивной системы, но сообщает о появлении новых структурных связей между ее элементами, позволяя интерпретатору выработать адекватное языковое поведение, соответствующее области взаимодействия, возникающей в диалоге с текстом.

Итогом кропотливой работы Майкла Тулана явилась невообразимая по своим энциклопедическим масштабам ассоциативная семантическая сеть, вобравшая в себя знания о географии (в тексте используются Голландия и Бельгия как метонимические замены), истории (Цивилизации Греции и Рима) и экономики Европы, о ее культурном наследии (Библейские сюжеты, образцы живописи, скульптуры поэзии), о трагических последствиях двух мировых войн (Версальский мирный договор 1919 года, геноцид еврейского народа), и даже знания об этимологии и химических свойствах соли (!). Таким образом, *семантика катализирует и ориентирует эпистемологические поиски интерпретатора на пути к раскрытию онтологии поэтического текста*. Интересно отметить, активация предыдущего опыта когнитивной работы со словом, являющейся следствием выдвижения на первый план в интерпретации коннотативной функции, строится на механизмах метафоризации.

Однако в качестве области цели используется казуальная ситуация употребления слова в тексте, а в качестве области источника используется предыдущий языковой опыт, таким образом неизвестное и новое понимается за счет уже известного. Но речь не идет исключительно об оперировании заранее известными моделями, но и о генерации новых. Так в частности для адекватной передачи возникающего стилистического эффекта дивизионного употребления слова «terrain» в строке «Europe is much scarred, much scoured terrain» интерпретатором приводится аналогия с гипотетически возможным и схожим употреблением данного слова в контексте стихотворения У. Блэйка «Jerusalem». Постепенная ориентация интерпретатора в языковом пространстве текста приводит к тому, что текст сам становится частью традиции интерпретатора и представляется маловероятным, что данный процесс можно описывать в рамках подхода, предполагающего субъектно-объектное разделение.

Отмечая очевидное циклическое сходство развития понимания между читателями детективного рассказа и поэтического текста, следует подчеркнуть существование существенных различий.

Фундаментальным различием можно считать отсутствие во втором примере понимания четко формулируемой проблемы, вопроса, на который читателю предстоит дать ответ. В интерпретации художественного произведения вопросы возникают входе чтения, на контрасте между тем, что в тексте, очевидно, присутствует (что означают слова и предложения) и тем, о чем в тексте явно не говорится (что выражается в конкретных словах и предложениях), но понимается как реально существующее самим читателем.

Процесс интерпретации, таким образом, не строится по линейному принципу ввода/вывода новых данных, но представляет собой в терминах У. Матураны область взаимодействия – реальное языковое общение, где понимание является результатом ориентации субъекта в его собственной когнитивном пространстве, что означает перегруппировку связей между элементами комплекса пред-знаний, с которым он подходил к чтению текста. Из этого следует, что пред-понимание играет решающую роль в интерпретации и, возможно, именно анализ и классификация «бассейнов притяжения аттракторов» (о практической возможности которой указывается Ю. и К. Ключвер) следует брать за начальную точку отсчета исследований в понимании индивидуумами конкретных текстов.

Немаловажным кажется и аспект обучения, потенциально связанный с проблемами анализа пред-понимания. Выстраивание соответствующего языкового поведения под влиянием среды напрямую зависит от предыдущего герменевтического опыта интерпретатора, поэтому естественно возникает большая разница в понимании текста профессором английского языка и студентом. В первом случае обучение пониманию будет происходить в большей степени по мере прочтения как постепенная адаптация к языковой среде текста с последующей ассимиляцией к ее условиям. Каждая новая интерпретация как уже прочитанного текста, так и нового является уже новым герменевтическим опытом, поскольку горизонт пред-понимания не статичен, а находится в постоянной динамике.

Представляется, что наиболее плодотворными станут возможные будущие сопоставительные эксперименты, сравнивающие результаты векторного представления достижения когнитивной системой аттрактора у различных читателей одного текста. Возможно, что именно новая концепция значения как аттрактора позволит в большей степени конкретизировать расплывчатость термина “смысл текста” и субъективный статус смысла и значения больше не будет являться препятствием достижения объективного понимания, но его неотъемлемой составляющей.

Список литературы

1. Gadamer H-G. Truth and Method. – Bloomsbury Academic, 2013. – 664 p.
2. Klüver J., Klüver C. The Social Understanding On Hermeneutics, Geometrical Models and Artificial Intelligence. – Springer Dordrecht Heidelberg London New York, 2011. – 260 p.
3. Palmer R. E. Hermeneutics Interpretation Theory in Schleiermacher, Dilthey, Heidegger, and Gadamer. – Northwestern University press, 1969. – 300 p.
4. Twentieth-Century Poetry: From Text to Context / Edited by Peter Verdonk. – Routledge London and New York, 1993. – 194 p.
5. Winograd T., Flores F. Understanding Computers and Cognition: A New Foundation for Design Paperback. – Addison-Wesley Professional, 1987. – 224 p.

**Когнитивные аспекты номинативного своеобразия
английской терминологии маркетинга**

**Cognitive aspects of nominative uniqueness
of English marketing terminology**

В статье рассматривается изучение терминов и терминосистем с привлечением методов когнитивного анализа, что позволяет анализировать их формирование и функционирование с учетом процессов концептуализации и категоризации. Особенности терминологической номинации в английской терминологии маркетинга обсуждаются с когнитивных позиций.

The article discusses the study of the terms and term systems using the methods of cognitive analysis. It allows to analyze their formation and functioning, taking into account the processes of conceptualization and categorization. Features of terminological nomination in English terminology of marketing are discussed with cognitive positions.

Ключевые слова: терминология, терминологическая номинация, терминосистема, когнитивное терминоведение, концептуализация, категоризация, термин-гипероним, термины-согипонимы.

Key words: terminology, terminological nomination, system of terms, cognitive terminology studies, conceptualization, categorization, hyperonym term, co-hyponym terms.

Изучение терминов и терминосистем с привлечением методов когнитивного анализа позволяет рассматривать процессы их формирования и функционирования с учетом процессов концептуализации и категоризации, а также усвоения, накопления и использования информации как социумом в целом, так и индивидуальными учеными. В настоящее время когнитивными исследованиями терминов занимаются такие известные российские ученые, как Л.М. Алексеева, В.М. Володина, Е.И. Голованова, С.В. Гринев-Гриневич, Л.А. Манерко, В.Ф. Новодранова, Э.А. Сорокина и др.

Согласно классическому определению терминоведения, «термин (от лат. terminus – граница, предел) – это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [9, с. 508]. Для того чтобы разграничить термин и слово, терминоведами были выделены лингвистические признаки

термина. По мнению С.В. Гринева-Гриневича, которое поддерживают и другие отечественные ученые, в них включаются номинативность, наличие дефиниции, точность значения, контекстуальная независимость, устойчивость и воспроизводимость в речи, стилистическая нейтральность, конвенциональный и целенаправленный характер появления [4, с. 33]. Номинативность терминов рассматривается как одно из конституирующих свойств – признаков термина [5, с. 30].

Целью настоящей статьи является обсуждение особенностей терминологической номинации в английской терминологии маркетинга с когнитивных позиций. Выборка терминов проводилась по авторитетным англо-английским и англо-русским терминологическим толковым словарям, специальным глоссариям и электронным источникам. Материалом для примеров послужили профессиональные издания по маркетингу и аутентичные монографии.

«Когнитивная лингвистика позволяет через анализ семантики языковых единиц раскрыть специфику формирования знаний человека об окружающей действительности и посредством языковой структуризации выявить иерархические отношения внутри концептов» [13, с. 3]. В парадигме когнитивного терминоведения термин понимается как информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной деятельности. Е.И. Голованова предлагает рассматривать термин как «вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший инструмент профессиональной коммуникации» [3, с. 58].

Появление терминов обусловлено возникновением экономического феномена разделения труда, появлением профессий и профессионального мышления. Разница между словом и термином объективно обусловлена тем, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности – научное мышление и бытовое оперирование представлениями [5, с. 28]. Относясь к терминологии, любой термин обладает свойством системности, то есть является элементом терминосистемы и должен рассматриваться с учетом всей системы [5, с. 164].

На современном этапе развития лингвистики представления о том, как люди концептуализируют и категоризируют окружающий мир, существенно изменились. «Появление нового научного когнитивного подхода представляет дополнительную возможность заново осмыслить процессы концептуализации и категоризации мира, формирования разных структур знания и способов их репрезентации в языке, взаимодействия языкового и неязыкового содержания сознания в процессе речемышлительной деятельности» [6, с. 182]. В

основе формирования лексических групп лежат те или иные структуры знания о мире, разные типы концептов, фреймы, когнитивные модели, сценарии, прототипы, образы и др. Поскольку терминоведы-когнитологи в настоящее время делают акцент на соотношении языковых структур со структурами знания, то в фокусе научных интересов оказываются концептуальные системы различных предметных областей, профессиональные концептосферы, находящиеся в состоянии непрерывного изменения в связи с изменением уровня научных знаний. *Структура знания* – это, прежде всего, совокупность концептов, объединенных определенной иерархией и объективированных в термине [10, с. 150]. Е.С. Кубрякова выдвинула тезис о важности рассмотрения связи познавательных процессов с созданием тех или иных форматов знания. «Ведь каждый отдельный образец структурированного знания, именуемый данным термином, характеризуется собственной историей его возникновения и стоящим за ним познавательным процессом» [8, с. 62].

Язык в сфере профессиональной коммуникации, по мнению Е.И. Головановой, выступает как объект активной преобразующей деятельности, предмет рационального осмысления и переосмысления, необходимого для формирования новых средств обозначения. В силу того обстоятельства, что в современном мире существует множественность моделей интерпретации различных областей знаний и профессиональной деятельности, наличие корпоративных и узкоспециальных образов мира способствует росту числа искусственных наименований в сфере языка профессиональной коммуникации [3, с. 63, 65]. Таким образом, терминологические наименования имеют совершенно особую мотивированность, которая носит не отражательный, а конструируемый характер, который задается направлением мысли специалиста. В этом плане крайне важно исследовать интенциональность терминологической номинации, особенно в развивающихся и молодых терминологиях.

История современного маркетинга, который является синтезом теории, практики и творчества, насчитывает около ста лет, поэтому терминологию маркетинга, согласно принятой терминоведческой классификации, относят к классу «молодых терминологий». Английская терминология маркетинга является динамично развивающейся системой и характеризуется большим количеством номинативных инноваций в формальном и семантическом планах. Гуру маркетинга, американский профессор Ф. Котлер, приводит в своей монографии следующее определение маркетинга Американской Маркетинговой Ассоциации (AMA): «*Marketing is the activity, set of institutions, and processes for creating, communicating, delivering, and exchanging offerings that have value for customers, clients, partners, and society at large*» [16, с. 5].

Основными познавательными процессами в языке являются концептуализация и категоризация. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны, причем именно концептуализация обуславливает категоризацию. Сначала создается концепция, и за ней следует творческое развитие соответствующих категорий. «Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» [2, с. 37].

Когнитивная семантика как общая теория концептуализации и категоризации, анализирует значения языковых единиц в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний. При этом, как отмечает Н.Н. Болдырев, значительное место отводится антропоцентрическому фактору – человеку как наблюдателю, «концептуализатору» и «категоризатору». В рамках этой теории «человеку как познающему субъекту приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: человек формирует значения, а не получает их в готовом виде, а также активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и понимания мотивов этого выбора» [2, с. 33]. Следовательно, следует принимать во внимание специфику восприятия профессиональной ситуации специалистами, выбор точки зрения и концентрацию их внимания на конкретных фактах.

Рассмотрим процессы концептуализации и категоризации в английской терминологии маркетинга на примере тематической группы «consumer», а также роль данных терминов в конструктивизации современного рыночного пространства.

Потребность в создании маркетологами подробной детализации в области тематической группы «потребитель» вызвана к жизни целями и задачами рыночной экономики в целом. Маркетологи анализируют алгоритмы принятия человеком решения о покупке продукта и выстраивают различные модели покупательского поведения. В основу терминологической номинации ложится интерпретация психологии человека в соответствии с характерными особенностями его реакции в сфере экономических отношений «продавец-покупатель».

Одна из моделей построена на идее о дифференциации ролей покупателей (*buying roles*) в процессе принятия решений. При этом различными экспертами в 70-е и 80-е годы были созданы классификации, включающие пять (*initiator, influencer, decider, buyer, user*), шесть (плюс *approver*) и семь (плюс *gatekeeper*) покупательских ролей [7, с. 176].

В качестве примеров приводим некоторые термины модели *buying roles* с определениями.

Термины модели *buying roles*

№	Термин	Определение
1	Decider	the person who ultimately determines any part of or the entire buying decision
2	Influencer	person whose views influence other members of the buying center in making the final decision
3	User	the person who consumes or uses the product or service
4	Gatekeeper	the person who controls information or access, or both, to decision makers and influencers

Таким образом, микротерминосистема с родовым термином-гиперонимом *buying roles* включает от пяти до семи терминов-согипонимов, представляющих видовую категоризацию. Термин-гипероним номинирует целостную концепцию, а гипонимический видовой уровень представляет собой уточненную во времени и разными экспертами категоризацию целевых потребительских групп. С точки зрения системно-структурных характеристик, термины-согипонимы, входящие в микротерминосистему, обладают единообразной терминообразовательной системностью суффиксов *-ER/-OR*. Следовательно, подтверждается единообразие существенных признаков, положенных в основу терминологической номинации.

Далее, в маркетинге рассматривается классификация покупателей в соответствии с их готовностью купить новый товар (*adopter categories*), где выделяется пять следующих типов покупателей: *innovators, early adopters, early majority, late majority, laggards* [14, с. 11]. Таким образом, микротерминосистема с родовым термином-гиперонимом *adopter categories* (концептуализация) включает пять видовых терминов-согипонимов, представляющих нижестоящий уровень терминологической иерархии (категоризация). *Например:*

The *innovators* are the first users of a product, representing 2.5% of the target market. *Innovators* are considered to be venturesome people willing to take risks. *Early adopters*, who enjoy leadership, prestige, and who tend to be opinion leaders, represent 13.5% of the target market. The first part of the mass market to purchase is the *early majority*. Although rarely leaders, these consumers usually adopt new ideas before the average person and they represent 34% of the target market [14, с. 11].

Кроме того, плодотворной для маркетинга оказалась идея о сегментировании рынка по принципу жизненных ценностей и стилей жизни потенциальных покупателей (модель психографической сегментации – *values and lifestyles, VALS*) [14, с. 570]. Впервые понятие «сегментирование рынка» появилось в 50-х годах в США [11, с. 88]. При конструировании модели психографической сегментации VALS, которую разрабатывал футуролог Арнольд Митчелл, стиль жизни людей использовали как отправную точку для прогнозирования их поведения и взаимодействия с миром. Изначально модель предполагала три категории потенциальных клиентов фирм: *need-directed,*

outer-directed, inner-directed (1978) [14, с. 570]. Дальнейшее уточнение модели позволило выделить новые категории внутри уже существующих трех групп: *need-directed (survivors, sustainers)*, *outer-directed (belongers, emulators, achievers)*, *inner-directed (experientials, societally conscious, I-am-me)*, а также создать новую группу *combined outer and inner directed (integrateds)* (1989) [7, с. 161]. Таким образом, структура маркетингового знания, полученная в результате разработки модели психографической сегментации, включает три иерархических уровня. Высший уровень включает саму концепцию о сегментировании рынка по принципу жизненных ценностей и стилей жизни (термин-аббревиатура *VALS*) (концептуализация). Далее следует уровень трех (или четырех) терминов-согипонимов *need-directed, outer-directed, inner-directed* (плюс *combined outer and inner directed*) (категоризация первого уровня). Затем следует более глубокий уровень уточняющих терминов-согипонимов: *survivors, sustainers, belongers, emulators, achievers, experientials, societally conscious, I-am-me, integrateds* (категоризация второго уровня). Подобная трехуровневая модель психографической сегментации – *values and lifestyles, VALS* – обладает большой объяснительной силой. Например:

There are three main categories: *need-directed* consumers who make purchases based solely on need; *outer-directed* consumers who make purchases based on their perceptions of the way others view them; and *inner-directed* consumers who make purchases out of some inner need [14, с. 570].

С точки зрения системно-структурных характеристик, термины-согипонимы, входящие в микротерминосистему *VALS*, обладают двумя видами терминообразовательной системности. Категоризация первого уровня достигается путем использования терминообразовательного суффикса – *ED*, а категоризация второго уровня использует различные терминообразовательные суффиксы, с преобладанием суффиксов *-ER/-OR* (50 %). На их основе создается терминообразовательная системность, отражающая единообразие существенных признаков, положенных в основу терминологической номинации [12].

Структурно-семантический потенциал первичного концептуализирующего термина *VALS* позволяет проводить двухуровневую категоризацию путем создания соответствующих терминов-согипонимов.

В маркетинге существуют также дополнительные варианты психографической сегментации, которые упоминаются в специальной литературе. Так, например, предлагается рассматривать как системообразующий признак первичную мотивацию индивидуумов: *thinkers, believers, achievers, strivers, experiencers, makers, innovators, survivors* [15, с. 140]. В другой трактовке в качестве микротерминосистемы, также состоящей из 8 терминов-согипонимов, представлены

следующие термины: *actualizers, fulfillers, believers, achievers, strivers, experiencers, makers, strugglers* [14, с. 570]. Нетрудно заметить, что в двух показанных дополнительных вариантах психографической сегментации сохраняются неизменными пять терминов (*believers, achievers, strivers, experiencers, makers*), в то время как три термина варьируются.

По мнению российских ученых, психографические критерии относятся к субъективным признакам сегментации рынка, что и подтверждается, с нашей точки зрения, вариативностью представленных категоризаций [1, с. 144].

В сводной таблице 2 представлены термины, которые характеризуют «человека покупающего» в соответствии с тремя основными концепциями: покупательских ролей (*buying roles*), готовности купить новый товар (*adopter categories*), жизненных ценностей и образа жизни (*values and lifestyles, VALS*). Жирным шрифтом в таблице выделены системообразующие терминообразовательные суффиксы.

Таблица 2

Сегментирование рынка и категории потребителей

№	Термины-гиперонимы (концептуализация)	Термины-гипонимы (категоризация)
1	<i>buying roles</i>	<i>initiator, influencer, decider, buyer, user</i>
2	<i>adopter categories</i>	<i>innovator, early adopter, late majority, laggards</i>
3	<i>values and lifestyles</i> (вариант 1)	1-ый уровень категоризации: <i>need-directed, outer-directed, inner-directed, combined outer and inner directed</i>
		2-ой уровень категоризации: <i>survivor, sustainer, belonger, emulator, achiever, experiential, societally conscious, integrateds, I-am-me</i>
4	<i>values and lifestyles</i> (вариант 2)	<i>thinkers, believers, achievers, strivers, experiencers, makers, innovators, survivors</i>
5	<i>values and lifestyles</i> (вариант 3)	<i>actualizer, fulfiller, believer, achiever, striver, experiencer, maker, struggler</i>

Большинство терминов в пяти микротерминосистемах являются, за редким исключением, однокомпонентными. Подобные автономные и самодостаточные микротерминосистемы терминов-согипонимов являются характерной особенностью английской терминологии маркетинга и составляют номинативное своеобразие данной отраслевой экономической терминологии. Самодостаточность микротерминосистем терминов-согипонимов основана на том, что они терминируют и вербализуют целостные авторские концепции.

В таблице 2 гиперонимами являются термины, номинирующие концепцию, которая используется для сегментации рынков: *buying roles, adopter categories, values and lifestyles*. Гипонимические уровни

терминов представляет собой *категоризацию*, отражающую видение специалистов-маркетологов, которые занимаются целевыми потребительскими группами. Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что рассмотренные микротерминосистемы вербализуют результаты *концептуализации* и *категоризации*, проводимых специалистами в предметной области маркетинга. Таким образом, наше исследование подтверждает положение о том, что процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны друг с другом, и именно *концептуализация* обуславливает *категоризацию*. Создание концепции является первичным, и за ней следует детализация конкретных категорий.

Номинация типовых субъектов (покупателей) терминами охватывает глубинные психологические характеристики индивидуумов с точки зрения их покупательских предпочтений, скорости принятия решений, образа жизни и т.п. Представляется, что все эти параметры конструируют профессиональную область современных рынков в соответствии с имеющимися знаниями, вербализованными терминами.

В связи с представленными в таблице 2 терминами, следует отметить дополнительно следующую специфическую особенность: в некоторых случаях существует несколько вариантов микротерминосистем, конкурирующих друг с другом и вербализующих одну и ту же концепцию в диахронии (примеры 3, 4 и 5 VALS в таблице 2). Концепт «*values and lifestyles*» сохраняется неизменным и получает в диахронии различное семантическое наполнение. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с «модульным принципом» наполнения терминологического концепта, когда с течением времени уточняется его семантическое содержание. В качестве основной из причин подобной терминологической ситуации видится тот факт, что в силу объективных обстоятельств жизнь за три десятилетия изменяется, а профессиональные знания выходят на более высокие уровни. С нашей точки зрения, «модульный принцип» категоризации является своего рода терминологической инновацией, и позволяет гибко реагировать на запросы времени и интегрировать междисциплинарные подходы для современного терминообразования. Мы считаем, что представленные примеры модульного принципа категоризации являются показателем использования достижений когнитивистики в англоязычной терминологической номинации. Подобно модульным узлам в компьютере, которые легко заменяются на новые в случае необходимости, «модульная категоризация» позволяет при внешне стабильной концепции видоизменять ее семантическое наполнение, обновляя и уточняя содержание со временем.

Термины семантической подгруппы «consumer» репрезентируют целый комплекс знаний, необходимых для прогнозирования покупательского поведения, осуществляемого специалистами-маркетологами. Любой категоризирующий термин, обозначающий

типовую совокупность покупателей, вычленяет и описывает одновременно сложный комплекс характеристик. Междисциплинарность маркетинга как научной дисциплины, практики и искусства приводит к тому, что он объединяет достижения многих современных наук: психологии, социологии, демографии, культурологии и др. Мышление специалистов организует различные типы знаний о покупателях в типовые прогнозируемые модели поведения.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо подчеркнуть, что изучение принципов концептуализации и категоризации мира профессионалами различных специальностей и научных дисциплин представляет собой недостаточно изученную область. Чем более междисциплинарной является область профессионального знания, тем более интегрированными становятся признаки терминологической номинации, и тем более специфичным становится терминотворчество специалистов-экспертов.

Список литературы

1. Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг: учеб. для вузов. – 3-е изд. / под общ. ред. Г.Л. Багиева. – СПб.: Питер, 2007. – 736 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд-е 4-е, испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
3. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М., 1993. – 309 с.
5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
6. Киселева С.В. Сущность многозначного слова в английском языке. – СПб.: Астерион, 2009. – 216 с.
7. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. – 2-е изд. / пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 2008 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
10. Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею В.М. Лейчика. – М.; Рязань, 2003. – С. 150–154.
11. Розова Н.К. Маркетинг. – СПб.: «Вектор», 2005. – 224 с.
12. Росянова Т.С. Парадигматические ряды терминов с суффиксами – ER/OR (на материале английской экономической терминологии) // Проблемы лингвистики и лингводидактики в высшей школе. Вып. 5: Матер. Всерос. науч.-метод. конф. 16 июня 2004 г. / под ред. О.Н. Гронской. – СПб.: ВМедА, 2004. – С. 25–37.
13. Цыцаркина Н.Н. Объективация концептосферы социальных отношений в современном английском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2012. – 42 с.
14. Dictionary of Marketing Terms. Barrons (DMT), NY, 2000. – 600 p.
15. Kotler Ph., Armstrong G. Principles of Marketing. 6th ed. Pearson Education. L. 2008. – 599 p.
16. Kotler Ph., Keller K.L. Marketing management, 14th ed. , 2012. – 657 p.

**Аспектный анализ национальной специфики
наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем
русского и английского языков****Aspect Analysis of National Peculiarity of the Most Frequent
Russian and English Multi-sememe Adverbial Lexemes**

В статье проводится аспектный анализ национальной специфики наиболее частотных русских и английских многосемемных адвербиальных лексем по следующим аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности семем. Автор использует ряд формализованных параметров, предложенных в рамках сравнительно-параметрического метода, развиваемого в Воронежском Государственном университете.

The aspect analysis of national peculiarity of the most frequent Russian and English multi-sememe adverbial lexemes according to the following aspects: the aspect of lexical polysemy development, the aspect of lexical-grammatical polysemy development and the aspect of communicative relevance development of sememes is undertaken. The author uses a number of formalized parameters proposed within the framework of the comparative-parametric method developed at Voronezh State University.

Ключевые слова: лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность, коммуникативная релевантность, плотность коммуникативно релевантных семем, сравнительно-параметрический метод, индекс, шкала, национальна специфика.

Key words: lexical polysemy, lexical-grammatical polysemy, lexical-grammatical variancy, communicative relevance, density of communicative relevant sememes, comparative-parametric method, index, scale, national peculiarity.

Задачей данного исследования является аспектное описание национальной специфики наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем русского и английского языков, включающих от шести до десяти семем [8]. Материалом исследования явились многосемемные адвербиальные лексемы, вошедшие в число ста наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С.А. Шарова [10] и списка частотных наречий Британского национального корпуса [1].

В русском языке группа наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем состоит из 14 единиц: *больше, вообще, впе-*

ред, прямо, плохо, просто, сверху, спокойно, точно, тихо, тяжело, широко, ясно. В английском языке данная группа насчитывает 19 единиц: *about, all, along, around, as, before, early, directly, just, like, now, only, there, together, very, when, where, why, yet.*

Национальная специфика была изучена по следующим трем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, под которой понимается полисемия на уровне частей речи [8] и аспекту коммуникативной релевантности семем.

Для аспекта развития лексической полисемии оказались релевантными:

- **индекс лексической полисемантической в группе** – отношение количества семем в группе, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантемах группы семем [4].

- **индекс денотативной и коннотативной лексической полисемантической в группе** – отношение количества денотативных / коннотативных семем, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых группой семем, демонстрирующих лексическую полисемию [там же].

Для характеристики аспекта развития лексико-грамматической полисемии были использованы следующие индексы:

- **индекс лексико-грамматической полисемии в группе** – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантемах группы семем [там же];

- **индекс лексико-грамматической вариантности в группе** – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству развиваемых в семантемах группы семем [там же];

- **индекс частеречной (адвербиальной / адъективной / конъюнктивной / партикулярной / предложной / субстантивной / с семой вводного слова / с семой междометия / с семой местоимения) представленности в группе** – отношение количества семем с конкретной частеречной семой в рассматриваемой группе к общему количеству семем в группе [3].

Для анализа аспекта коммуникативной релевантности семем применялись следующие параметры:

- **индекс коммуникативной релевантности денотативных и коннотативных семем в группе** – отношение количества зафиксированных употреблений денотативных и коннотативных семем в исследованной группе к общему количеству исследованных употреблений лексем группы [4];

• **индекс плотности коммуникативно релевантных семем в группе** – отношение количества коммуникативно релевантных семем к общему количеству семем в группе [6].

Для оценки степени проявления национальных особенностей были использованы шкалы, разработанные в рамках сравнительно-параметрического метода, развиваемого в Воронежском Государственном Университете [9]. Так, для определения степени выраженности исследуемых параметров была использована предложенная Л.А. Кривенко **шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров**, согласно которой, в зависимости от показателей индексов, степень развития анализируемого явления можно квалифицировать как *отсутствующую, низкую, заметную, яркую, значительную, высокую, гипервысокую и абсолютную* [3].

Для оценки степени проявления национально-специфических различий по выделенным аспектам была использована предложенная Н.А. Портнихиной и дополненная Л.А. Кривенко **шкала степени проявления национально-специфических различий**, согласно которой, в зависимости от значения интегрального индекса (среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех индексов, используемых для характеристики группы [7]), национально-специфические различия можно считать *отсутствующими, заметными, яркими, значительными* [там же] и *существенными* [3].

Для определения степени выраженности национальной специфики семантем в целом по всем выделенным аспектам нами была использована предложенная Л.А. Кривенко **шкала выраженности национальной специфики семантем**, согласно которой, степень выраженности национальной специфики семантем в целом по всем выделенным аспектам, в зависимости от значения среднего интегрального индекса, под которым понимается среднее арифметическое показателей всех интегральных индексов, используемых для характеристики семантем, можно признать *неярко выраженной, умеренно выраженной, ярко выраженной, гипервыраженной и сверхгипервыраженной* [там же].

Рассмотрим аспект развития лексической полисемии. Как показало исследование, в группе русских многосемемных адвербиальных лексем наблюдается *высокая* степень лексической полисемантическойности – показатель **индекса лексической полисемантическойности** равен 81%. В аналогичной группе английского языка значение данного индекса равно 41%, что указывает на *яркую* степень развития данного явления.

В качестве примера развития лексической полисемии приведем лексему *легко*. В состав ее семантемы входят восемь адвербиаль-

ных семем: семема D1¹adv «незначительно, неощутимо по весу» (*Хлопок как жизнь. Берешь мешок, вешаешь на шею – легко*)² и 7 семем K1adv: «необильно (о еде)» (*Можно легко позавтракать, выпив натошак яблочный или яблочно-свекольный сок*), «ловко, изящно, быстро» (*На этих ступнях-ладонях она двигалась легко, проворно, чуть изгибаясь...*), «просто, несложно» (*Как трудно создавать и как легко разрушать!*)» «незначительно, немного, слабо» (*Мы были легко одеты, мама, взяв меня на руки, закрывала своим телом от ветра*), «неопасно, без труда, излечимо» (*Ранен был всего два раза, и оба раза легко*), «беззаботно, беспечно» (*Широкая натура, ей было даже приятно, что я кормлю эту ораву, не мелочная, беспечная, легко на все смотрела, легко жила*), «безмятежно, спокойно» (*Ей на секунду вдруг стало легко и тихо на душе, но это чувство продлилось недолго*).

Что касается денотативной лексической полисемантической, то в группах наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем как русского, так и английского языков степень развития данного явления является *низкой*, что подтверждают показатели **индекса денотативной лексической полисемантической в группе** – 7% и 5% соответственно. Показатели **индекса коннотативной лексической полисемантической в группе** составили 93% и 95% соответственно, что свидетельствует о *гипервысокой* степени развития коннотативной лексической полисемантической.

Перейдем к рассмотрению аспекта лексико-грамматической полисемии. Анализ русских многосемемных адвербиальных лексем выявил *заметную* степень развития данного явления, что подтверждает значение **индекса лексико-грамматической полисемии**, равное 19%. В рассматриваемой группе английского языка показатель вышеупомянутого индекса равен 39%, что свидетельствует о *яркой* степени развития лексико-грамматической полисемии.

В качестве примера лексико-грамматической полисемии рассмотрим лексему *like*, которая проявляет лексико-грамматическую полисемию на уровне союза в семеме K1cj «как» (*Why didn't you bring me home like you promised?*)³, существительного в семеме K1n «чье-либо подобие, такой же человек» (*I shall not look upon his like again*) и прилагательного K1adj «равный, одинаковый» (*It is applicable to any ratio of like quantities*).

Исследование развития *лексико-грамматической вариантности* в анализируемых группах показало, что в группе наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем русского языка данное явление не наблюдается. Однако в английском языке боль-

¹ Используется терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой [2].

² Источник примеров – Национальный корпус русского языка [5].

³ Источник примеров – Британский национальный корпус [1].

шинство изученных лексем лексико-грамматическую вариантность демонстрируют: **индекс лексико-грамматической вариантности** в группе наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем английского языка составляет 20%, что позволяет говорить о **заметной** степени развития данного явления.

Примером проявления лексико-грамматической вариантности может послужить лексема *around*, в состав семантемы которой входит семема Д1adv/prep¹ «вокруг, кругом» (*He looked around/ The market place was the growing point of most towns, and they have taken their shape around it*), а также две семемы К1adv/prep «повсюду» (*There would be no problem passing the news around/ Then I strolled around the city for a couple of hours, knowing that Dana would not be awake before noon*), «неподалеку, вблизи, около» (*No one seemed to be around/ As Olivier's health deteriorated it was his wish to become the perfect family man, to have his family around him*).

Для определения особенностей лексико-грамматической полисемии исследуемых многосемемных адвербиальных лексем были использованы **индексы частеречной представленности в группе**. Показатель **индекса адвербиальной представленности** в группе русских многосемемных адвербиальных лексем равен 84%, что указывает на **высокую** степень проявления данного параметра в группе. **Представленность семем с семой частицы, союза, междометия, предлога, существительного и вводного слова** в данной группе является **низкой**, о чем свидетельствуют показатели соответствующих индексов: 8%, 3%, 2%, 1%, 1% и 1%.

Что касается группы многосемемных адвербиальных лексем английского языка, то **адвербиальная представленность** семем в группе является **значительной**, о чем говорит показатель соответствующего индекса, равный 53%. Исходя из показателей индексов – 16% и 13% соответственно, **представленность семем с семой прилагательного и союза** можно квалифицировать как **заметную**. **Представленность семем с семой предлога, междометия, существительного и местоимения** можно охарактеризовать как **низкую**, что подтверждают показатели соответствующих индексов: 9%, 4%, 3% и 2%.

Перейдем к **аспекту коммуникативной релевантности**. Как показал анализ, коммуникативная релевантность денотативных семем в группе наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем русского языка оказалась **заметной**, что подтверждает показатель **индекса коммуникативной релевантности денотативных семем в группе**, равный 26%. В группе наиболее

¹ Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи [8].

частотных многосемемных адвербиальных лексем английского языка коммуникативная релевантность денотативных семем является *значительной*, о чем свидетельствует показатель соответствующего индекса, равный 54%.

В качестве примера высокой коммуникативной релевантности денотативных семем приведем семему D1adv «очень, весьма» лексемы *very* (*This kick may be very fast, but it can be detected by an opponent much earlier than many other kicks in karate*) с показателем индекса коммуникативной релевантности, равным 94 %.

Исследование показало, что в группе русских наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем значение **индекса коммуникативной релевантности коннотативных семем в группе** оказалось равным 74%, что говорит о *высокой* степени их коммуникативной релевантности. В группе наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем английского языка показатель данного индекса равен 46%, что указывает на *яркую* степень коммуникативной релевантности коннотативных семем в семантемах.

В качестве примера высокой коммуникативной релевантности коннотативных семем приведем лексему *тяжело*, у которой значение индекса коммуникативной релевантности коннотативных семем равно 98,6%. В семантеме данной лексемы присутствуют семема D1adv «не под силу, трудно» (*И она сказала Бякову: «Тебе тяжело. Давай я тебя подвезу»*) с индексом коммуникативной релевантности 1,4% и девять семем K1adv: «плохо, мучительно, трудно (о душевном состоянии)» (*И пошел к себе спать на диване, но не мог от горя. Ах, как тяжело!*) с индексом коммуникативной релевантности 21,8%, «плохо, мучительно, трудно (о физическом состоянии)» (*Как ни тяжело было в вагоне, как ни немела спина, вскоре предстояло покинуть эти стены и эту крышу*) с индексом коммуникативной релевантности 0,3%, «тяжеловесно, неуклюже» (*Ваши стихи звучат слишком тяжело и высокопарно*) с индексом коммуникативной релевантности 0,2%, «медлительно, неповоротливо (о движениях, походке)» (*Он пошёл тяжело, неуклюже, кряжисто, как танк*) с индексом коммуникативной релевантности 15,6%, «тягостно» (*До этого я даже представить себе не мог, как может быть тяжело рядом с человеком, которого так любишь*) с индексом коммуникативной релевантности 3%, «много, сильно» («Я не в курсе», – отвечал я, чувствуя, как лицо тяжело и неуправляемо наливается краской) с индексом коммуникативной релевантности 3,3%, «крайне серьезно, опасно» (*Луч погас, видение пропало, передо мной снова был хрипящий, надсадно кашляющий больной, который болеть не умел, потому что болел редко, и оттого болел тяжело*) с индексом коммуникативной релевантности 11%, «с трудом, затруднительно» (*Я чувствовал себя немного не в своей тарелке.*

Работа шла тяжело) с индексом коммуникативной релевантности 43,2%, «неприятно для обоняния» (*Вцепившись в Ольгу, тяжело дыша чесночным соусом, главная семинаристка замерла, выдерживая паузу*) с индексом коммуникативной релевантности 0,2%.

Что касается плотности коммуникативно релевантных семем, то в группах многосемемных адвербиальных лексем как русского, так и английского языков была выявлена *гипервысокая* степень данного явления, что подтверждают значения **индекса плотности коммуникативно релевантных семем в группе**, равные 95 % и 90 % соответственно.

Как показало проведенное исследование, по аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности национально-специфические различия семантем наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем следует признать *яркими*, исходя из показателей интегральных индексов национально-специфических различий – 15%, 11% и 20% соответственно.

Средний интегральный индекс национально-специфических различий по всем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности семем составил 15%, что позволяет квалифицировать национальную специфику семантем наиболее частотных многосемемных адвербиальных лексем как *умеренно выраженную*.

Список литературы

1. Британский национальный корпус – [Электронный ресурс]: www.natcorp.ox.ac.uk.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989. – 190 с.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.
4. Малыгина Н.И. Полисемия английского глагола: автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013. – 23 с.
5. Национальный корпус русского языка – [Электронный ресурс]: www.ruscorpora.ru.
6. Никитина И.Н. Национальная специфика семантем русской и английской глагольной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.
7. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 24 с.
8. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999. – 159 с.
9. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014. – 114 с.
10. Частотный словарь С.А. Шарова – [Электронный ресурс]: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.

К вопросу об аксиологии в лингвистике
On the question of axiology in linguistics

Статья представляет собой аксиологический анализ английских газетных сообщений с целью определения явных и скрытых оценочных смыслов по отношению к событиям на Украине.

The article deals with the analysis of the situation in Ukraine from axiological point of view to study attitudes, evaluations and assumptions reflected in the English mass media.

Ключевые слова: аксиология, лингвистика, ценность, оценка, суждение, средства массовой информации.

Key words: axiology, linguistics, value, evaluation, judgment, mass media.

В последнее время категории и термины, связанные с аксиологией, появляются в новейших исследованиях по лингвистике. В связи с этим многие известные исследователи (А.А. Ивин, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, С. Г. Павлов, Е. Ф. Серебрянникова) настаивают на выделении лингвистической аксиологии. Аксиологическую лингвистику можно считать исследовательским подходом, применяемым в рамках ряда лингвистик: этнолингвистики, лингвокультурологии, анализа социального дискурса, политической лингвистики и др. Объектом лингвистической аксиологии С. Г. Павлов считает комплекс «язык – сознание – общество – культура – человек». Лингвоаксиологический предмет – язык как средство формирования и выражения ценностей. Задачей аксиологического исследования является выявление ценностного компонента языковой единицы или высказывания. Цель аксиологического анализа языка – реконструкция аксиосферы языковой картины мира и аксиосфер разных социальных групп и идиолектов [8, с. 58–59].

Лингвоаксиология совместима с изучением любых текстов, включая мысленную речь самого исследователя. В качестве направлений исследования можно выделить лингвистическую аксиологию художественного и нехудожественных типов текста (дискурса); социальную аксиосферу конфессиолекта, сословий, классов, партий, гендерные, возрастные ценности; ценности профессиональных групп и субкультур; индивидуальную аксиосферу.

Одним из первых особое внимание ценности информации уделил И. Р. Гальперин, выявив закономерность, что тексты, обладающие высокой эстетической ценностью, являются всегда и высокоинформативными. Этим можно объяснить, например, непреходящий интерес к великим произведениям литературы, независимо от того, в каком веке они создавались [3, с. 27].

В лингвистике анализ ценностных предпочтений открывает возможности для исследования национального языкового сознания, построения модели языковой личности. Язык фиксирует и отражает систему ценностей, настроения, оценки определенного социума. В настоящее время проводится много экспериментов, направленных на выявление вербального отражения ценностей. Например, в результате сравнительного исследования русского и английского языков С. Г. Тер-Минасовой, были выделены важные для этих обществ качества личности и социальные отношения. Лингвист отмечает, что в английском языке преобладают следующие ценностные смыслы: честность, осторожность, трудолюбие, профессионализм, ответственность, сдержанность в речи, бережливость, эгоизм, свобода личности, консерватизм, материальное благополучие, закрытость семейной жизни. В русской же идиоматике большее место занимают понятия опытность, общительность, корпоративность, патриотизм, справедливость. Анализ языкового материала свидетельствует о большой роли эмоциональной оценки у носителей русского языка, тенденции к переоценке, в отличие от английской недооценки, недосказанности. Для русского языка характерно большое количество предикатов эмоциональной оценки, широкое употребление восклицательного знака, большое количество уменьшительных и ласкательных суффиксов, и др. [10, с. 166].

Одним из центральных понятий в лингвистической аксиологии является оценка. Определение оценки формулируется как социально устоявшееся и закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта [6, с. 183]. В. В. Квашина доказывает, что лингвистический аспект категории оценки составляет вся совокупность средств и способов ее выражения – фонетических, морфологических, лексических, синтаксических. Лингвист считает, что в первую очередь оценка актуализируется лексико-семантическими средствами языка, выражающими ее эксплицитно и имплицитно, денотативно и/или коннотативно, прямыми номинациями, определениями-характеристиками и через характер совершаемых действий (глагол-сказуемое). В словообразовании положительная или отрицательная оценочная модальность, как правило, реализуется суффиксами

субъективной оценки. Фонетические и синтаксические языковые средства самостоятельно не оценивают объект, поэтому обнаруживаются на фоне ведущих смыслообразующих элементов. Следовательно, значение положительной или отрицательной оценки выражается ими только имплицитно через лексико-семантические оппозиции и контекст [6, с. 184].

Другая точка зрения представлена А. А. Ивиным. Автор указывает, что языковое выражение ценностного отношения в научной литературе чаще всего фиксируется утверждениями с явным или подразумеваемым «должно быть»: «ученый должен быть критичным», «всякое явление должно иметь причину», формами «хорошо (плохо, безразлично), что это и то», или опять-таки с «должно быть». В явных сравнительных оценках используются наречия «лучше» («предпочтительнее»), «хуже» и «равноценно». К выражениям оценочного характера автор относит также стандарты, правила, образцы, конвенции, аналитические высказывания, номинальные определения и т. п. Очевиден, по его мнению, оценочный характер традиций, советов, пожеланий, требований, предостережений, просьб, обещаний и т. п. [4, с. 69].

С конца 1980-х гг. интерес к аксиологическим проблемам в нашей стране возрастает. Одной из самых известных работ, посвященных проблемам оценки, стала монография «Функциональная семантика оценки» Е. М. Вольф. Исследуя семантические особенности оценки, Е. М. Вольф рассматривает ее как один из видов модальности, важнейшей особенностью которого является присутствие субъективного фактора [2, с. 11]. Вслед за Е. М. Вольф, природу оценки исследовала Н. Д. Арутюнова. Она анализирует лингвистические аспекты механизма оценки: грамматические характеристики предложения, роль прилагательных, асимметрию «лучше и хуже» и т. д. Лингвист подчеркивает антропоцентричность оценки, считая, что природа оценки отвечает природе человека, что оценивается то, что нужно человеку [1, с. 73].

Общетеоретическим проблемам ценности посвятили свои публикации 80–90-х гг. такие литературоведы, философы, стилисты, как О.И. Генисаретский «Художественно-ценностные истоки стиля», А.Н. Покровская «Художественные ценности в изменяющемся мире», Ю.Н. Куликов «О сущности и природе художественной ценности», Л. Ю. Фуксон «Проблема интерпретации и ценностная природа литературного произведения».

Развитие лингвоаксиологии значительно продвинулось вперед с открытием профессором В.И. Карасиком при Волгоградском университете научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика», где была осуществлена первая попытка изложить

теоретическую программу описания ценностного фрагмента языковой картины мира и культурных доминант [5].

Одной из последних фундаментальных работ в области аксиологической лингвистики можно считать коллективную монографию под руководством Е.Ф. Серебрянниковой «Лингвистика и аксиология: этносимметрия ценностных смыслов», которая обобщает теоретические и методологические основы лингвоаксиологии на материале межкультурной коммуникации [7].

Факультет журналистики СПбГУ в 2009 году выпустил коллективную монографию «Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины», где обосновывается целесообразность дисциплины «Аксиология журналистики» в связи с необходимостью всестороннего ценностного анализа материалов прессы и других СМИ [9].

Рассмотрим на базе практического материала лингвистические способы выражения оценки в текстах печатных СМИ. Нами были проанализированы статьи из британских и американских газет на тему событий на Украине. Тема Украины сейчас активно освещается зарубежными СМИ, но по многим вопросам точка зрения российских периодических изданий отличается от мнения, выраженного в зарубежной прессе. Эти различия в основном и заключаются в оценках, даваемых событиям на Украине, а также расстановке акцентов на определенных политических ценностях.

Бытие политических ценностей в контексте реалий сегодняшней общественно-политической ситуации характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, акцентируется высокая значимость демократической (т.е. западной, американской, европейской) модели развития государства, которая выступает эталоном прогрессивной формы общественного устройства. СМИ активно продвигают определенные ценности в политике для создания требуемого образа политика или государства. Так, Британия и Америка продвигают положительный образ Украины – образ развивающейся молодой демократии, страны-борца за демократические ценности, которая в будущем, имеет все шансы стать полноправным членом европейского сообщества. Отсюда присутствие в статьях фраз полной поддержки курса и действий Украины со стороны европейских и американских политиков:

Shrugging off Russian threats and burgeoning civil war, Ukraine signed a landmark trade deal Friday binding it to the European Union, a monumental step that came in defiance of months of Kremlin efforts to prevent the country from turning westward (Washington Post, 27.06. 2014).

The E.U. agreements are "milestones in the history of our relations and of Europe as a whole," European Council President Herman Van Rompuy said at Friday's ceremony. "In Kiev and elsewhere, people gave their lives for this closer link to the European Union. We will not forget them." (New York Times, 27.06.2014).

В этих двух цитатах ассоциация с ЕС описывается как «landmark deal», «monumental step», «milestone in the history», акцентируя, что это чуть ли не самый важный шаг в истории Украины со дня ее независимости. В первой цитате проводится противопоставление ЕС и Кремля, выделяя, что Украина сделала правильный выбор. При этом подчеркивается, что этот выбор дался Украине большой ценой («in defiance of months of Kremlin efforts to prevent the country from turning westward», «people gave their lives»).

For the first time since Ukraine's independence in 1991 the nation has the opportunity to evolve into a true European democracy, thanks to the recent election of a pro-European constitutional majority to Parliament. A pro-reform and pro-European Parliament and government are now in place, and a politically reset Ukraine has been empowered to make permanent changes that have been long awaited by the Ukrainian people and by the international community (Wall Street Journal, 23.11.2014).

In a statement, US president Barack Obama said: "This election is another important step forward in the efforts of the Ukrainian government to unify the country and reach out to all of its citizens to ensure their concerns are addressed and aspirations met," he said (Guardian, 25.05.2014).

В цитатах выражено одобрение по поводу выборов, как парламентских, так и президентских. Выбор Украины считается правильным, потому что он про-европейский, и значит Украина станет настоящей демократией. Отмечается, что это соответствует надеждам и ожиданиям населения.

Авторы монографии «Аксиология в журналистике» выделяют три основные политические ценности, получившие поддержку в СМИ: ценность внутренней безопасности, ценность территориальной целостности и ценность президента как сильного лидера. Очевидна взаимосвязь всех ценностей и их зависимость от сложившейся в определенный момент политической обстановки [9, с. 64]. Так, значение ценности внутренней безопасности, многократно возросло для граждан Украины после событий в Крыму весной 2014 года и после начала антитеррористической операции на востоке страны. Для охваченных страхом граждан вопрос о защищенности от возможных захватов территории приобрел первостепенное значение. В общественном сознании выдвигание ценности внутренней безопасности на первый план было неразрывно связано с другой ценностью – территориальной целостностью страны. Гарантом реализации обеих ценностей выступил Порошенко, чей медиаобраз конструируется на основе мифологем «Сильный лидер», «Надежда нации». В связи с этим, война на Донбассе стала одной из лидирующих тем в СМИ. Эта война, вернее ее освещение в периодических изданиях, и позволила нарисовать портрет Порошенко как эффективного государственного руководителя, отстаивающего мир и процветание своей страны:

Petro Poroshenko told the reporters that he would move quickly to bring peace and stability to the country (Washington Post, 26.05.2014).

Ukraine's president took advantage of a fragile cease-fire to tour a once embattled port city Monday and tell backers that his forces would never yield the territory to pro-Russian rebels. It served as a message to the rebels – and their supporters in Moscow – that Ukraine's military was prepared to defend the strategic area if the truce imposed last week unravels (Washington Post, 08.09.2014).

Из этих примеров видно, что Порошенко обещает стабильность и мир, то есть именно то, что хотят люди. Кроме того, он как настоящий герой сразу едет на Донбасс, демонстрируя, что его слова не пустые обещания.

Ukrainians who voted for Poroshenko in more stable regions of the country expressed hope over the weekend that his experience – and the lesser nature of his corruption, compared with that of his peers – would give him an edge in resolving the nation's conflict (New York Times, 26.05.2014).

Здесь приводятся мнения самих украинцев, которые видят в их новом государственном лидере выигрышные отличия от прошлой власти (меньшую склонность к коррупции) и потенциал для благоприятного разрешения конфликта на востоке.

Poroshenko talks of making Ukraine a partner of both the West and Russia, of signing an association agreement with the European Union and a free trade agreement with Moscow. He says he'll use force to clear Russian-sponsored separatists militants from the two eastern provinces where they occupy government buildings, but he'll also move quickly on constitutional reforms that would decentralize power to those regions (Washington Post, 25.05.2014)

On the campaign trail, Poroshenko has cast himself as the man who can rescue Ukraine from its numerous afflictions: break-up, corruption, a rampant shady economy and lousy governance (Guardian, 23.05.2014).

For a man with presidential ambitions, it was not a propitious scene. Petro Poroshenko stood atop a bulldozer between a line of police and an angry crowd chanting expletives at him. Shouting into a loudhailer he urged calm, asking protesters to desist from storming the presidential headquarters in Kiev (Guardian, 23.05.2014).

В этих цитатах Порошенко предстает как супер-герой, который способен решить все проблемы Украины. В последнем примере также видна его отвага и решительность. Так создается образ спасителя нации и страны.

Продвигая политические ценности СМИ часто прибегают к приему антитезы, являя аудитории образцы антиценностей в контрасте с ценностями. Так, стремление Украины в Европу расценивается как стремление поддержать демократические ценности, т.е. Европа приобретает положительное оценочное значение. Одновременно со стремлением в Европу Украина старается отдалиться от России. России придается отрицательное оценочное значение:

Ukrainians were opting for freedom, not fear, choosing democracy, not dictatorship, and believing in the future, not the past (Wall Street Journal, 23.11.2014).

The EU was embroiled in an ideological battle between two worlds – one based on democracy, human rights and the rule of law, and the other on fear, intimidation and oppression (Guardian, 12.09.2014).

Соответственно здесь все положительное (freedom, democracy, future, human rights, rule of law) ассоциируется с Европой, а все отрицательное (fear, dictatorship, past, intimidation and oppression) с Россией.

Sunday's vote is a resounding endorsement of Ukraine's efforts to break free of Kremlin influence and shift hard toward Europe (New York Times, 26.10.2014).

With anti-Russian sentiment spiking in Ukraine, parliamentary election results showed a crushing victory for pro-European parties (Washington Post, 27.10.2014).

В этих цитатах также Европа противопоставляется России, при этом подчеркивается выбор Украины («shift hard toward Europe»; «a crushing victory for pro-European parties»)

В приведенных выше примерах можно наблюдать, как развивается пропагандистская риторика «свой-чужой». Роль «чужих», врагов украинской нации, играют и внешние силы – Россия, и внутренние – сепаратисты, бывшие представители «Партии регионов». Эти силы дискредитируются в СМИ с использованием отрицательной оценочности:

Kiev and the west have asserted that Moscow is fuelling the separatists insurgency in eastern Ukraine by providing arms and personnel (Guardian, 03.10.2014).

Fighting has flared at several flashpoints in the run-up to Sunday's vote, which Ukrainian and Western officials fear will be used by Russian-backed rebels to legitimize their grip on power in territory they have seized in Ukraine's Luhansk and Donetsk regions (Daily Telegraph, 31.10.2014).

Much of eastern Ukraine lies in ruins six months after the separatist rebellion began....Control is often tenuous and mortar shelling in the past few days thwarted attempts by some towns and villages to organize voting to the parliament in Kiev (Daily Mail, 26.10.2014).

В этих цитатах явно выражено, что британские СМИ видят в России пособника сепаратизму на Украине. При этом указывается, что сепаратисты насильно удерживают контроль над территорией при поддержке российского вооружения, мешая жизни обычных людей в этом регионе. Данная точка зрения преобладает во всех главных британских и американских печатных изданиях (Times, Guardian, Daily Mail, Daily Telegraph, Week, New York Times, Washington Post, Wall Street Journal).

Most Ukrainians living away from the fighting staunchly support the troops and the volunteer battalions fighting the insurgency (Washington Post, 22.10.2014).

В этой цитате выражена поддержка народа Украины вооруженным силам, которые борются с сепаратистами. Соответственно подразумевается, что они против сепаратизма и за единую Украину.

Opposition Bloc's success has appalled those who see the party as unvarnished reincarnation of the once-ruling Party of the Regions, whose critics associated it with cronyism that dragged down the country (Washington Post, 28.10.2014).

В данном примере дискредитируется прошлая украинская власть, которая описывается как источник всех экономических проблем страны.

Номинация при помощи определенно лексической единицы также играет важную роль в формировании оценки. Так, украинские политики часто именуют вооруженных людей на востоке страны террористами. Зарубежные издания передают это же наименование, соглашаясь с данной точкой зрения.

The Ukrainian foreign minister, Pavel Klimkin, blamed the separatists for Thursday's attack: "I have only one question. Do the terrorists have any idea of what humanity is all about when they shell the Donetsk office of the ICRC, whose only aim is to help people?" (Guardian, 02.10.2014).

Образ же «своих», то есть разделяющих такие же ценности, всячески поощряется. В приведенных примерах часто позиция Украины совпадала с позицией Европы, таким образом делая их «своими» друг для друга. «Свои» также готовы прийти на помощь и разделить проблемы:

Martin Schulz, the European parliament president, said Ukraine's problems were Europe's problems (Guardian, 12.09.2014).

Из приведенного выше практического материала видно, что риторика освещения политических событий на Украине выдержана в образе Украины – «друга», «своего» для Америки и Европы. Образ «своего» создается при помощи акцента на одних ценностях, разделяемых жителями и, самое главное политиками, и антиценностях, ими совместно осуждаемых.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УССР, 2002. – 280 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
4. Ивин А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А. А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – № 1 (4). – С. 66–78.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – С. 166–205.
6. Квашина В. В. Проблемы аксиологии в современном языкознании / В. В. Квашина // Вестник Челябинского Государственного педагогического университета. – Челябинск, 2013. – № 2. – С. 181–189.
7. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е. Ф. Серебрянниковой. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
8. Павлов С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С. Г. Павлов // Вестник Минского университета. – Мн., 2013. – № 2. – С. 56–68.
9. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины / В. А. Сидоров, С. С. Ильченко, К. Р. Нигматуллина. – СПб., 2009. – 174 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

**Семантические изменения в синкретических формах
существительное/ прилагательное в английском языке
(на примере ЛСГ «материалы»)**

Semantic changes in syncretic forms noun/adjective in English

В статье затрагиваются вопросы, касающиеся эволюционных процессов, происходящих в значениях синкретических форм. Рассматривается имплицативный потенциал, определяющий способность слова к продуцированию новых значений.

The article deals with the evolutionary processes in syncretic forms' meaning. Implicative potential is considered as a determinant of word's ability to produce new meanings.

Ключевые слова: синкретизм, лексическое значение, эволюция семантики.

Key words: syncretism, lexical meaning, evolution of semantics.

Слова английского языка, как впрочем, и других естественных языков, являются преимущественно многозначными. Д.Н. Новиков говорит о том, что полисемия объясняется природой мышления – «стремлением и умением видеть подобное, подсознательной потребностью все сравнивать» [3, с. 36]. Кроме того, полисемия способствует языковой экономии. Академик В.В. Виноградов пишет: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...» [1, с. 18].

Изучению «бесчисленного множества значений» и посвящена данная статья, в частности, изучению изменения значений синкретических форм типа существительное / прилагательное на материале лексико-семантической группы «материалы». Под синкретическими формами понимаем языковые единицы, которые совпадая по форме, принадлежат к разным языковым категориям. Например: **pearl** – *сущ.* a hard smooth lustrous typically rounded structure occurring on the inner surface of the shell of a clam or oyster (*жемчуг*) / *прил.* of or pertaining to pearls (*жемчужный*); **iron** – *сущ.* a

strong, hard magnetic silvery-grey metal, much used as a material for construction and manufacturing (*железо*) / прил. of, relating to, or made of iron (*железный*). Синкретические формы типа существительное / прилагательное были отобраны из лексикографических источников, таких как словарь Вебстера (Webster's Third New International Dictionary), Новый большой англо-русский словарь под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна и др. Выбранные лексические единицы были распределены по лексико-семантическим группам («животные», «растения», «материалы», «цвета» и др.). В состав ЛСГ «материалы» вошли существительные, обозначающие металлы, драгоценные камни, ткани и т.д. Слова, содержащие словообразовательные морфемы (e.g. **adhesive** – a substance that causes something to adhere, as glue or rubber cement (*липкий, клейкий или вязкий материал*) / coated with glue, paste, mastic, or other sticky substance (*липкий, клейкий; вязкий*)) не включены в материал исследования, так как наличие аффиксов оказывает существенное влияние на семантику слова.

Существительные ЛСГ «материалы» преимущественно многозначны. При необходимости назвать новый предмет или явление человек проводит аналогии, сравнивает полученную информацию с имеющейся, в результате у слов появляются дополнительные значения. Изменение значения слова происходит при участии определенных механизмов. О.И. Просянникова выделила два ведущих механизма образования одних значений слова от других: механизм по внешнему сходству и по сходству функциональному [4].

Внешнее сходство определяется языковой личностью исходя из чувственного опыта, приобретенного благодаря зрению, слуху, вкусу, обонянию и осязанию. В то время как функциональное сходство прослеживается в ходе предметно-практической деятельности, когда человек использует различные объекты окружающей действительности аналогичным способом.

Перечисленные механизмы способствуют раскрытию имплицативного потенциала слова. М.В. Никитин представляет лексическое значение как совокупность семантических признаков, образующих структуру. Данная структура состоит из двух частей: интенционала и импликационала. Интенционал является содержательным ядром лексического значения, в то время как импликационал представляет собой периферию семантических признаков, окружающую ядро. Импликационал является источником развития, так как он представляет собой открытую вероятностную структуру неконечного множества признаков [2, с. 109]. Если слово обладает разветвленной сетью значений, значит имплицативный потенциал слова высокий, если же значения слова малочисленны – имплицативный потенциал низкий.

Приведем примеры. Существительное **satin** – a fabric of silk, rayon, etc, closely woven to show much of the warp, giving a smooth glossy appearance (*атлас*) обладает низким имплицативным потенциалом. Существительное не развило дополнительных значений, вероятно, в связи с тем, что данная ткань редко использовалась. Имплицативный потенциал существительного, **stone**, напротив, высокий. Существительное возникло еще до 900 г. и со временем приобрело дополнительные значения: 1) the hard substance, formed of mineral matter, of which rocks consist (*камень*), 2) precious stone (*драгоценный камень*), 3) something resembling a small piece of rock in size, shape, or hardness (*косточка сливы, вишни и т. п.*), 4) any of various dull grey colours (*светло-бежевый цвет*), 5) a playing piece in the game of dominoes, checkers, or backgammon (*косточка домино, шашка, фишка (в играх)*), 6) any small, hard seed, as of a date (*зёрнышко плода*), 7) a calculous concretion in the body, as in the kidney, gallbladder, or urinary bladder (мед. *камень*), a disease arising from such a concretion (*каменная болезнь*), 8) a grindstone (*точильный камень*), 9) a gravestone (*надгробная плита*), 10) a millstone (*жёрнов*), 11) a hailstone (*градина*), 12) (in lithography) any surface on which an artist draws or etches a picture or design from which a lithograph is made (*литографский камень*). Высокий имплицативный потенциал существительного **stone** послужил ресурсом для развития дополнительных значений. Такие вероятностные признаки как цвет, размер, форма, свойства, входящие в импликационал исконного лексического значения, проявились в дополнительных значениях существительного при участии механизма по сходству.

Развитие значений по внешнему признаку является характерным для ЛСГ «материалы». В приведенных ниже примерах выделены компоненты лексического значения, содержащие указание на тот признак, который служит основанием для появления дополнительного значения слова:

coral – 1) the calcareous or horny skeletal deposit produced by anthozoan or rarely hydrozoan polyps; especially: a richly **red** precious coral secreted by a gorgonian (*коралл*), 2) light yellowish **red** (*коралловый цвет*), 3) the unimpregnated roe or eggs of the lobster that when boiled take on the color of **red** coral (*укра рака, омара*); **copper** – 1) a malleable, ductile, metallic element having a characteristic **reddish-brown** color (*медь*), 2) the **reddish-brown** colour of copper (*медно-красный цвет*), 3) any of various small widely distributed butterflies of the genera *Lycena*, *Heodes*, etc, typically having **reddish-brown** wings (энт. *червонец*); **diamond** – 1) a pure or nearly pure, extremely hard form of carbon, naturally **crystallized in the isometric system** (*алмаз*), 2) a figure having **four sides of equal length** forming two acute angles and two obtuse angles; rhombus (*ромб*), 3) the area delimited by the **four bases** of a baseball field, forming a square **shape** (*площадка для игры в бейсбол*), 4) a red **rhombus-shaped** figure on a playing card (*бубновая масть*), 5) Printing. a 4½-point type of a **size** between brilliant and pearl (*шрифт диамант*); **emerald** – 1) a rare variety of beryl that is colored **green**

by chromium and valued as a gem (*изумруд*), 2) emerald **green** (*изумрудный цвет*), 3) Printing. (in Britain) a 6½-point type of a **size** between nonpareil and minion (*шрифт имеральд*), 4) Ornithology. any of numerous **small** bright **green** hummingbirds of the genus *Chlorostilbon* (*изумрудный колибри*); **gold** – 1) a **yellow precious** metal, used in jewellery and decoration and to guarantee the value of currencies (*золото*), 2) **money**; wealth (*деньги, богатства, сокровища*), 3) something **precious**, beautiful, etc. such as a noble nature (высокие (моральные или физические) качества), 4) a deep **yellow** colour, sometimes with a brownish tinge (*золотистый цвет*), 5) archery: the bull's eye of a target, scoring nine points (usually of **yellow** colour) (*центр мишени при стрельбе из лука*); **silver** – 1) a precious shiny **greyish-white** metal (*серебро*), 2) a brilliant or light **greyish-white** colour (*цвет серебра*); **brick** – 1) a **rectangular block** of clay mixed with sand and fired in a kiln or baked by the sun, used in building construction (*кирпич*), 2) any **rectangular block** (*брусок, брикет мыла, чая, мороженого и т. п.*), 3) Brit. a child's building **block** (*детские кубики*), 4) an electronic device that has become completely nonfunctional (*вышедший из строя электронный прибор*), 5) a badly missed shot in basketball («кирпич» – неудачный бросок в баскетболе), 6) a **block** of marijuana (*пакет марихуаны весом 1 килограмм*), 7) a semisoft cheese with numerous small holes, smooth texture, and often mild flavor (*брусковый мягкий сычужный сыр*), 8) a **large, brick-shaped**, handheld mobile telephone that is a precursor to the modern cellphone (*портативный радиотелефонный аппарат*); **velvet** – 1) a fabric of silk, cotton, nylon, etc. with a thick close **soft** usually lustrous pile (*бархат*), 2) the **soft**, deciduous covering of a growing antler (*мягкая кожа, покрывающая зачатки рогов оленя*); **ruby** – 1) a **red** variety of corundum, used as a gem (*рубин*), 2) a **deep-red** port wine (*красное вино*), 3) deep **red** carmine (*ярко-красный цвет*), 4) Printing. a 5½-point type, nearly corresponding in **size** to American agate (*шрифт рубин*); **pearl** – 1) a **hard, lustrous spherical** mass, typically **white or bluish-grey**, formed within the shell of a pearl oyster or other bivalve mollusc and highly prized as a gem (*жемчуг*), 2) something **similar in form, luster**, etc., as a dewdrop or a capsule of medicine (*капля росы, слезинка, зёрнышко, тех. гранула. мед. капсула, ампула*), 3) a **pale greyish-white** colour, often with a bluish tinge (*бледный голубовато-серый цвет*), 4) Printing. a **size** of printer's type, approximately equal to 5 point (*шрифт перл*).

Существительные, обозначающие материал, со временем стали обозначать и изделия, производимые из него:

coral – something **made of** coral, as an ornament, piece of jewelry, or a child's toy (*украшение из коралла, игрушка из полированного коралла для грудных детей, у которых прорезываются зубы*); **diamond** – a ring or other piece of jewelry **containing** such a precious stone, especially an engagement ring (*алмазное украшение*), a tool **provided with** such an uncut stone, used for cutting glass (*алмаз – инструмент для резки стекла*); **gold** – a coin or coins **made of** this metal (*золотая монета*); **silver** – coin **made of** this metal (*серебряная монета*), table articles **made of** or **plated with** silver, including flatware and hollowware (*серебряные изделия*); **copper** – a coin **composed of** copper, bronze, or the like, as the U.S. cent or the British penny (*медная или бронзовая монета*), chiefly Brit. a large vessel, formerly **of** copper, used for boiling or washing (*медный котел*); **iron** – a tool or implement now or originally **made of** iron (*железное изделие*), an appliance with a flat **metal** bottom, used when heated, as by electricity, to press or smooth clothes, linens, etc. (*утюг*), a golf club with a **metal** head (*клюшка для гольфа*), Slang. a pistol (*легкое огнестрельное оружие*), a harpoon (*гарпун*), shackles or fetters (*кандалы, цепи*).

Появление некоторых значений существительных не столь очевидно. К примеру, у существительного **buff** 1) a stout dull yellow leather with a velvety surface (*буйвололовая кожа*) возникло разговорное значение 2) fan, enthusiast (*любитель, приверженец, энтузиаст*) благодаря ассоциациям по сходству с кожаной униформой волонтеров-пожарных: earlier *buff* an enthusiast about going to fires; perhaps from the buff overcoats worn by volunteer firefighters in New York City *ab* 1820 [7]. Новое значение слова мотивировано ближайшим к нему значением: буйвололовая кожа > униформа пожарных > добровольный помощник пожарных > энтузиаст, любитель. Аналогичным образом возникли переносные значения существительных **cloth** – woven or felted fabric made from wool, cotton, or a similar fibre (*ткань, сукно*) > the clothes worn by a clergyman (*чёрный материал, идущий на одежду духовенства*) > the clergy (*духовенство*); **silk** – the soft, lustrous fiber obtained as a filament from the cocoon of the silkworm (*шелк, шелковая ткань*) > Brit. the gown worn by a Queen's (or King's) Counsel (*мантия королевского адвоката*) > informal. a Queen's (or King's) Counsel (*королевский адвокат*).

Свойства материалов послужили причиной для появления переносных значений у ряда существительных. К примеру, характерными особенностями железа и стали являются их прочность, твердость, отсюда и переносные значения:

iron – something *hard, strong, rigid, unyielding* or the like (*сила, твёрдость, суровость, жестокость*), **steel** – the quality of *hardness*, esp with regard to a person's character or attitudes (*твёрдость, суровость*). Такие свойства кирпича как надежность, прочность послужили причиной для появления переносного значения **brick** – informal a *reliable, trustworthy*, or helpful person (*славный парень, молодчина, «молоток»*). Полагаем, что переносное значение существительного **velvet** – money gained through *gambling* (*выигрыш*) возникло по ассоциации с бархатным покрытием столов в игорных заведениях. Золото – благородный металл, является проверенным и долгосрочным хранилищем благосостояния, со временем у существительного **gold** развилось значение – something *precious, beautiful, etc, such as a noble nature* (*высокие (моральные или физические) качества*). Изящество жемчуга послужило причиной для возникновения у существительного **pearl** значения a person or thing that is like a pearl, esp in *beauty or value* (*нечто изысканное, ценное, великолепный образец*).

Существительных ЛСГ «материалы» развили дополнительные значения преимущественно по внешнему сходству. Как было сказано выше, внешнее сходство определяется с помощью зрительных, слуховых, вкусовых, обонятельных и осязательных ощущений. Для развития значений существительных исследуемой ЛСГ зрительное ощущение оказалось наиболее значимым (цвет, блеск, форма, размер), отдельные существительные развили дополнительные значения благодаря осязательным ощущениям (прикосновение к поверхности: твердость, мягкость).

В исследуемых синкретических формах типа существительное / прилагательное первичным значением обладает существительное. Категориальное значение имени прилагательного возникло в результате наблюдения за материалами и манипуляции с ними. Значения прилагательных непосредственно связаны с первичными значениями существительных.

Большинство значений синкретических форм прилагательных ЛСГ «материалы» выражают признаки, воспринимаемые органами чувств. Это, в первую очередь, цвет:

gold – золото / of the color of gold (*золотого цвета*); **pearl** – жемчуг / resembling a pearl in color (*голубовато-серый*); **coral** – коралл / resembling coral, especially in color; yellowish-red (*кораллового цвета*); **buff** – буйволова кожа / having the color of buff (*цвета буйволовой кожи*); **copper** – медь / reddish-brown (*медно-красный*); **silver** – серебро / having the color silver (*серебряный, седой*). Встречаются единичные случаи развития значений по форме: **diamond** – алмаз / having the shape of a diamond (*гранёный, ромбоидальный, ромбовидный*); **pearl** – жемчуг / resembling a pearl in form (*зерновидный, зерненный*), having or reduced to small, rounded grains (*гранулированный*); звуку: **silver** – серебро / clear and soft (*серебряный, звонкий, мелодичный*), **iron** – железо / irritating or harsh in tone (*металлический, резкий о звуке*); и свойству поверхности: **velvet** – бархат / resembling or suggesting velvet (*бархатистый, как бархат*), **iron** – железо / resembling iron in firmness, strength (*твёрдый, жесткий*).

Отдельные синкретические формы прилагательных развили переносные значения, выражающие эмоциональные характеристики: **iron** – железо / inflexible; unrelenting (*несгибаемый*), stern; harsh; cruel (*строгий, суровый, жестокий*); **steel** – сталь / like steel in hardness, or strength (*твёрдый, жестокий, неумолимый*). Такие свойства металлов как твердость, прочность послужили причиной для развития дополнительных значений перечисленных прилагательных.

По сравнению с существительными большинство прилагательных ЛСГ «материалы» обладает слабо развитой системой значений, а значит и имплицативный потенциал данных прилагательных низкий. Существительные ЛСГ «материалы» обладают многочисленными лексико-семантическими вариантами и высоким имплицативным потенциалом. Дополнительные значения существительных возникли по внешнему сходству. Механизм по сходству срабатывал при сопоставлении новой информации, воспринятой при помощи зрения и осязания с уже имеющейся. В исследуемых синкретических формах основой развития значений и существительных и прилагательных стали внешние признаки материалов, а также их свойства. Основные модели развития значений существительных данной группы следующие: «материал > цвет/ предмет / человек/ качество характера». Дополнительные значения синкретических форм прилагательных выражают признаки, воспринимаемые

органами чувств, а также эмоциональные характеристики человека. Синкретические формы существительное/ прилагательное связаны общей семантикой.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 33–50.
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – Изд. 2-е. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
3. Новиков Л. А. Избранные труды. – Т. I. Проблемы языкового значения. – М.: РУДН, 2001. – 672 с.
4. Просяникова О.И. Направления развития значений синкретических форм существительное / глагол на материале ЛСГ // European Social Science Journal – № 7. – 2011. – М.: 2011. – С. 137–145.
5. [НБАРС] Новый большой англо-русский словарь под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна (онлайн версия) (<http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-98840.htm>)
6. Collins English Dictionary – Complete & Unabridged 10th Edition 2009 <http://dictionary.reference.com>
7. [OED] Douglas Harper. Online Etymology Dictionary, 2001–2011. (<http://www.etymonline.com>)
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 1980.
9. [WTNIDU] Webster's Third New International Dictionary, Unabridged. Merriam-Webster, 2002. <http://unabridged.merriam-webster.com>

**Типы модификационного значения префиксальных глаголов
характеризованной речевой деятельности**

**Types of modified meaning of prefixed verbs
of characteristic speech activity**

Модификационное словообразовательное значение принято трактовать как значение, которое формируется на базе производящего путем его видоизменений различного рода, в то время как мутация направлена на коренное изменение его внутренней структуры. Модификация, соотносимая с понятием способа глагольного действия, рассматривается на примере префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельности.

The modified derived meaning is usually treated as a meaning, which is formed on the basis of the derivational meaning by means of modification of various kinds, whereas mutation is aimed at basically changing its inner semantic structure. The article deals with the modification of the verbal action derivation type on the example of prefixed verbs of characteristic speech activity.

Ключевые слова: словообразование; словообразовательное значение; модификационные значения; мутационные значения; префиксация; способы глагольного действия; лексико-семантическая группа.

Key words: word derivation; derivational meaning; modified meanings; mutation meanings; pre-fixation; verbal action derivation; lexico-semantic group.

В современной словообразовательной теории одной из самых актуальных задач является классификация типов отношений между производящей и производной основами в соответствии с характером словообразовательных значений. Решение этой задачи многие годы строилось на основе исследований деривационных отношений, характерных для существительных и прилагательных. Именно на этом материале выделяются довольно четко типы модификационных и мутационных значений. В результате в АГ-80 представлены 7 групп существительных с модификационным значением и 4 группы прилагательных с модификационным значением [11, с. 200–219, 332]. При этом в научной литературе сложилось устойчивое представление о том, что модификационные и мутационные значения различаются «по направленности трансформации лексического значения исходной единицы» [12, с. 15]. Исходя из этого, модификационное значение трактуется как значение, которое формируется

на базе производящего путем его видоизменений различного рода, а мутация направлена на коренное изменение его внутренней структуры.

Что касается глагольного словообразования, характерного для русской языковой системы, то оно изучено в этом плане еще мало и, несмотря на продолжительную дискуссию по этому поводу, единого мнения по вопросу разграничения модификационных и мутационных глагольных образований нет. Речь идет прежде всего о префиксально-глагольном словообразовании, поскольку оно лидирует среди других способов глагольного словообразования, и при изучении семантических закономерностей префиксально-глагольной деривации приобретает важное значение вопрос о том, к какому типу словообразовательных значений оно относится – модификационному или мутационному.

Основные положения разграничения модификационных и мутационных глагольных словообразовательных типов были разработаны чешскими и польскими учеными. Однако в настоящее время не все ученые соглашались с некоторыми из этих положений. Так, например, подвергается критике тезис М. Докулила о том, что внутриглагольное словообразование почти полностью находится в рамках модификации (М. Докулил, 1961). Он, рассматривая внутриглагольное словообразование, относит все префиксальные дериваты к модификационному словообразованию. В связи с этим он отмечает, что «для категории действия особенно важны различные его модификации: пространственные, временные, фазовые». [Цит. по: 7, с. 276]. Эту точку зрения поддерживают и некоторые российские ученые, например, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, М. Н. Янценецкая и др., которые вообще отрицают наличие мутационных значений у префиксально-производных глаголов и относят подобные дериваты к области модификации. Например, М. Н. Янценецкая говорит по этому поводу: «Мотивация существительных существительными может сопровождаться возникновением как модификационных, так и мутационных значений, а мотивация прилагательных и глаголов словами той же части речи вызывает семантические преобразования лишь модификационного порядка» [15, с. 47].

Однако исследования ученых в этой области в последние десятилетия убедительно доказывают, что модификация и мутация для префиксально-глагольных образований так же характерна, как и для существительных и прилагательных. В связи с этим актуальным становится вопрос о критериях разграничения модификационных и мутационных значений, возникающих в процессе внутриглагольного словообразования, прежде всего – префиксально-глагольного словообразования. В научной литературе при исследовании глагольно-

го словообразования неоднократно поднимался вопрос о таких критериях (Карцевский 1962, Апресян 1974, Авилова 1976, Арутюнова 1992, Вараксин 1996, Петрухина 1998, 2000, Королева 2006, Лебедева 1999 и др.). Одним из основополагающих критериев, на которые указывают многие ученые, является наличие в модификационных глагольных значениях уточнения количественно-временной характеристики или уточнения достижения, результата действия, выраженного исходным глаголом, т.е. понятие модификационного значения соотносится с понятием способа глагольного действия, так как способы действия – «это семантические разряды глаголов, которые выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия» (Маслов 1959). О таком соотношении говорится и в РГ-79: «Модификационные словообразовательные значения присущи семантико-словообразовательным группировкам глаголов, представляющим собой способы глагольного действия» [10, с. 558]. Отсюда выявляется еще один критерий для разграничения модификационных и мутационных значений, который заключается в том, что при выражении модификационного значения производный глагол сохраняет интенциональную перспективу исходной основы [13, с. 243]. Вместе с тем при модификации в значении деривата появляются дополнительные семантические оттенки: «начало действия, окончание его, ограничение действия во времени, доведение действия до какого-либо предела, предельная исчерпанность действия, повторность его и многое другое» [1, с. 317]. Об этом говорит и Л. А. Вараксин, отмечая, что «если те или иные глаголы входят в группировки с начинательным, ограничительными, финитивным, однократным, дистрибутивным и т. д. значением, то они являются результатом модификационного преобразования исходной основы» [4, с. 42].

Таким образом, модификационное значение связано с уточнением количественно-временных характеристик и уточнением специфических характеристик достижения результата действия, обозначенного исходным глаголом.

Исходя из характера семантического наполнения глагола с модификационным значением, ученые выделяют разные способы действия: начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный и др. Большинство из них характерны для исследуемых нами префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельности, имеющих модификационный характер семантики. Остановимся на тех способах действия, которые наиболее представлены в данной группе глаголов.

Прежде всего следует выделить *начинательный способ действия*, так как практически почти все глаголы данной группы образуют глаголы относящиеся к этому способу действия.

Глаголы со значением начинательности занимают значительное место среди глагольных лексем в современном русском языке. Как отмечает А. Н. Тихонов, в русском языке насчитывается около двух тысяч начинательных глаголов [14, с. 45].

Специализированными морфологическими показателями значения начинательности служат глагольные приставки **за-**, **по-**, **вз-**, **воз-**, **раз-**. Среди этих префиксов с начинательным значением приставка **за-** играет лидирующую роль в деривационном процессе. На это указывали многие ученые (В. В. Виноградов, А. В. Исаченко, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Ю. С. Маслов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, и др.). О преобладании глаголов именно с приставкой **за-** говорит Р. Г. Карунц, приводя данные о количестве начинательных глаголов с приставкой **за-** в разных словарях: в словаре Даля-более 900, в словаре Ожегова -140, в словаре Ушакова- более 400, в МАС также более 400 и в БАС- более 800 [6, с. 118]. На наш взгляд, причину такого большого количества начинательных глаголов с приставкой **за-** можно объяснить следующим образом. Во-первых, глаголы с начинательным значением характерны для многих лексико-семантических групп глаголов: глаголов звучания, глаголов речи, глаголов движения и т. д. Во-вторых, глаголы с приставкой **за-**, относящиеся к начинательному способу действия, имеют неоднородную семантическую структуру, включающую в себя разнообразные вариации и оттенки. Однако следует иметь в виду, что эти частные значения и оттенки обусловлены и характером семантики производящей основы глагола, которая взаимосвязана с грамматической категорией вида. К тому же производные глаголы с приставкой **за-** в большинстве случаев способны реализовать все или большинство значений, оттенков и специфических употреблений своих производящих.

На основе соотношения семантики производных и производящих глаголов характеризованной речевой деятельности мы выделили среди них два типа модификаций. К первому типу относятся глаголы, передающие значение только начала действия, обозначенного производящим глаголом, без дополнительных семантических оттенков. Эти глаголы в толковых словарях обычно имеют дефиницию, построенную по модели: начать + название действия, выраженного формой инфинитива. Например:

Заахать – «Разг. Начать ахать». *Отлично!* – **заахала** продавщица.

- *Вылитый папа! Словно сговорились все!* Т. Тронина. ; **Задрезбездать** – «Начать дребезжать». *Старик опять задрезбезджал своим ласковым и в то же время непрерывно раздражающим голосом.* Гл. Усп.; **Зашепелявить** – «Разг. Начать шепелявить». – *Не сердись, – вдруг быстро зашепелявил он, точно испугавшись чего-то.* Г. В. Иванов. Третий Рим.

Глаголы с начинательным значением, относящиеся к I типу, обычно не имеют дополнительной лексической поддержки своего значения ни в дефиниции, ни в тексте. Отсутствие ее как раз и подчеркивает чаще всего именно «чистое начало действия».

Следует отметить, что глагол **говорить** (сказать, произносить-произнести) выступающий в качестве базового глагола в данной лексико-семантической группе (глаголы характеризованной речевой деятельности), образует глагол **заговорить** со значением «начать говорить», который довольно часто выступает в дефинициях данных глаголов с начинательным значением вместо словосочетания *начать+инфинитив*. При этом основную характеристику действия, заложенную в семантике производящего глагола, берет на себя, как правило, однокоренное с производящим глаголом наречие, которое чаще всего фигурирует как в дефиниции производящего глагола, так и дефиниции производного глагола, например: **Шептать** – «1. Говорить, произносить, очень тихо, шепотом». **Зашептать** – «Разг. Заговорить шепотом». **Частить** – «Поспешно, торопливо говорить, произносить». **Зачастить** – «5. Заговорить или начать произносить что-либо быстро, учащено». **Гнусить** – «Произносить звуки, говорить, петь с носовым призвуком»; **Загнусить** – «Разг. заговорить гнусаво». – *Господа казаки, – загнусил он, – чую, вы при капиталах, вы деньги у горбача меняли, я в окошко подглядел*. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. **Картавить** – «Произносить неправильно, нечисто звуки *р* или *л*»; **Закартавить** – «Разг. Заговорить картаво». *А где же родитель мой? – закартавил наследник. – Что... что... с ним?* В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая.

Ко второму типу относятся начинательные глаголы, обозначающие начало действия, выраженного производящим глаголом, вместе с различными оттенками его протекания, что отражено в дефинициях через толкования глаголов посредством синонимов, а также различных наречий и наречных сочетаний. Отличительной особенностью данного типа является также и то, что идентификатором в дефинициях этих глаголов почти всегда выступает глагол **заговорить** со значением «начать говорить». Такая имплицитность начинательности в толковании производных глаголов, на наш взгляд, дает возможность в большей степени акцентировать внимание на характеристике самого речевого действия. **Забубнить** – «1. Простореч. Заговорить невнятно». – *Это не глупости, а правда жизни, – недовольно забубнил Арсений Никитич*. Т. Тронина. Как видим из приведенного примера, в дефиниции отражено не только значение начала действия, обозначенного производящим глаголом (заговорить = «начать говорить»), но и дана дополнительная характеристика действию посредством наречия (невнятно).

Однако, такой тип глаголов в группе характеризованной речевой деятельностью встречается реже, потому что значение производящей глагольной основы, которое практически полностью входит в семантику префиксального деривата, уже содержит достаточный объем семантики, передающей специфический характер речевой деятельности, поэтому чаще всего подобный дериват (с префиксом **за-**) передает лишь начальную фазу действия, обозначенного производящим глаголом, без дополнительных оттенков, и поэтому представляет I тип рассматриваемых глаголов с приставкой **за-**.

Среди префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельностью, имеющих модификационный характер семантики, выделяется также *ограничительный способ действия*. Этот способ характерен для глаголов со значением: «действие, названное мотивирующим глаголом, совершаемое в течение некоторого времени (чаще недолгого)» [8, с. 1990]. По мнению многих аспектологов (А. В. Бондарко, А. А. Зализняк, Ю. С. Маслов, А. Д. Шмелев, и др.), считается, что в русском языке формальным показателем ограничительного способа действия является приставка **по-**. Е. В. Петрухина говорит: «Во всех славянских языках дериваты с приставкой **по-** выражают действие, ограниченное временными рамками, но не доведенное до конца, до результата (причем продолжительность действия часто оценивается как незначительная)» [9, с. 225].

Однако некоторые ученые указывают на более сложную семантику глаголов, относящихся к ограничительному способу действия. Как отмечают А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин, приставка **по-** передает не только значение ограниченного во времени действия, но и одновременно значение полноты его проявления (иногда лишь в каком-либо одном отношении) [3, с. 16]. При этом следует отметить, что бинарная семантическая структура глаголов с ограничительным значением может проявляться не у всех глаголов, а лишь у глаголов, обозначающих такое действие, которое может длиться ограниченное время и в то же время проявляется в большей или меньшей степени. В таких случаях, как в дефинициях, так и в контекстах находим лексические поддержки такой глагольной семантики в виде наречий: *слегка, чуть-чуть, немного, и др.* Например, **орать-поорать** – *А подорвался он во время разведывательно-поисковых действий, у него ногу оторвало. Ну поорал чуть-чуть, да и все.* Елена Яковлева. Притяжение войны.

Как показывают наши наблюдения, целые лексико-семантические группы глаголов характеризуются тем, что большая часть глаголов с ограничительным значением имеют только бинарную или только моноструктурную (временную) семантику. Например, трудно себе представить бинарную семантику у большинства

глаголов движения: *ходить-походить; бегать-побегать; летать-полетать* и др. Здесь налицо лишь временное ограничение.

Среди префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельности большинство из них имеют моноструктурную семантику с ограничительным значением, что позволяет построение дефиниций этих глаголов по одной и той же модели: *инфинитив исходного глагола + некоторое время*, например, **Погалдеть** – «Прост. Галдеть некоторое время». **Подиктовать** – «Разг. Диктовать некоторое время». **Помолчать** – «Молчать некоторое время».

В некоторых случаях можно обнаружить, что глаголы характеризованной речевой деятельности могут в речи передавать и значение ограничения в полноте проявления действия, например: **Поворчать** – «Ворчать некоторое время. *Жуковский, ожидавший на батарее, слегка поворчал на них за опоздание.* **Поболтать**² – «Разг. Провести некоторое время в болтовне, *поговорить* о чем –л. незначительном, несерьёзном». *Они выпили чаю, поболтали немного, и Аксиния ушла домой – отсыпаться после дежурства.* Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. Хотя дефиниции префиксальных дериватов отражают лишь моноструктурность семантики данных глаголов (*инфинитив + некоторое время*), но в текстах, как видно из примеров, находятся лексические средства, отражающие оттенок неполноты действия (*слега* и *немного*).

Еще один способ глагольного действия можно отметить среди глаголов характеризованной речевой деятельности – это *длительно-ограничительный способ*, который уточняет характер протекания действия глагола во времени. Как отмечает М. А. Шелякин, этот способ глагольного действия «выражает проявление действия в сравнительно длительные и определенные отрезки времени» (Шелякин 2003). Действие таких глаголов охватывает определенный промежуток времени, а с точки зрения говорящего, этот промежуток времени представляется ему довольно длительным и одновременно имеющим временной предел. Специфика глаголов длительно-ограничительного способа действия состоит в том, что «в самом способе действия заключена связь с внешним пределом» [2, с. 46].

Глаголы, выражающие значение длительно-ограничительного способа действия образуются чаще всего при помощи приставки **про-** и обычно означают, что окончившееся действие охватывает значительный по длительности период времени. Как правило, в предложении это подчеркивается лексически при помощи определенных наречий и различных словосочетаний с временным значением (*долго, весь день, целый год* и т. п.).

Среди глаголов характеризованной речевой деятельности большинство образовано тоже при помощи приставки **про-**. Эти глаголы обычно в толковых словарях имеют дефиницию, построенную

по модели: название действия + *в течение какого-л. времени*. Под словом *какого-л.* скрывается сема 'определенное' время, выраженное конкретным, чаще всего количественно-именным словосочетанием (три секунды, пять минут, весь вечер и др.), а также различными лексемами со значением времени. Это относится прежде всего к базовому глаголу данной лексико-семантической группы (говорить), ср.: **говорить** – **проговорить** – «2. Говорить в течение какого-л. времени». *Они проговорили до часу ночи, и она стала просить его уйти домой, но он не уходил.* Теодор Драйзер. Гений. А также глаголы: **Прокричать** – «4. Кричать в течение какого-л. времени». [*Груша:*] *Девушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проездим, песни прокричим.* А. Остр. **Пробредить** – «Бредить в течение какого-л. времени». *Он до утра пробредил* С. Я. Эфрон. Записки добровольца. **Промолчать** – «2. Молчать в течение какого-л. времени». *Федя покосился на часы, отметил, что промолчал немногим больше часа, и перевел взгляд на окно.* Ляшко, Минучая смерть.

Таким образом, префиксальные глаголы характеризованной речевой деятельности соотносятся со многими способами глагольного действия, так как модификация значения исходного глагола, принадлежащего к данной группе, является его внутренней сущностью, отражающей различные нюансы протекания действия, связанного с ситуацией речевого общения.

Список литературы

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык / В. А. Белошапкова. – М.: Высш. школа, 1981. – 317 с.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко. – М.: УРСС, 2003. – 348 с.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
4. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации / Л. А. Вараксин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 177 с.
5. Глагольные суффиксы / М. Н. Янценецкая // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1978. – Вып. 2. – С. 17–33.
6. Карунц Р. Г. Систематизация глаголов начинательного способа действия в толковых словарях русского языка / Р. Г. Карунц // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 117–132.
7. Королева Ю. В. К вопросу о модификационной и мутационной глагольной номинации (на материале русских многоприставочных глаголов) / Ю. В. Королева // Актуальные проблемы русского словообразования. – Томск: Изд-во Том ун-та, 2006. – С. 276–281.
8. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Петрухина Э. В. Соотношение глагольных и контекстных средств выражения аспектуальной семантики в русском и чешском языках / Э. В. Петрухина //

Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 219–232.

10. РГ-79 – Русская грамматика – Прага, 1979. Ч. 1. – 558 с.

11. РГ-80 – Русская грамматика. – М., 1980. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

12. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 218 с.

13. Скоумалова З. Категория способов глагольного действия / З. Скоумалова // Русская Грамматика. Т.I. – Praha, 1979. – С. 240–266.

14. Тихонов А. Н. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке / А. Н. Тихонов // Труды Узбекского гос. ун. им. Алишера Навои. Новая серия № 95. – Самарканд, 1959. – С. 43–75.

15. Янценецкая М. Н. Заметки о суффиксальном значении: Глагольные суффиксы / М. Н. Янценецкая // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1978. – Вып. 2. – С. 17–33.

**Соотношение именных и глагольных значений
в синкретических формах****The relation of nominal and verbal meanings in syncretic forms**

В статье рассматривается именная и глагольная семантика в тождественных формах, именуемых синкретическими, которые в английском языке представляют собой пример вторичного синкретизма. Соотношение значений проводится с привлечением классификаций, имеющих общий принцип, который является максимально обобщенным признаком категоризации и позволяет иметь результаты, полученные на общей основе.

The article deals with nominal and verbal semantics in identical forms called syncretic which in the English language perform an example of the secondary syncretism. The relation of the meanings is considered on classifications with the common principle of the most generalized categorization that allows to obtain results on a common basis.

Ключевые слова: синкретизм, синкретические формы, именная семантика, глагольная семантика, тождественные формы.

Key words: syncretism, syncretic forms, nominal semantics, verbal semantics, identical forms.

Синкретические формы, представляющие тождественность формы и связанные семантически, существуют в различных языках. Истоки синкретичности формы и содержания обусловлены особенностями мышления и сознания на ранних этапах развития человека. В нашем исследовании поддерживается точка зрения С.Л. Чаркова, который полагает, что синкретические формы сохраняют в себе черты архаичного синкретизма, которому была присуща нерасчлененность формы и значения. Первичный синкретизм знаменовался тем, что синкретические формы уже имели морфологическую маркированность, свойственную определенному грамматическому классу. Вторичный синкретизм, к которому относятся синкретические формы, существующие в современном английском языке, связан с возникновением новых синкретических форм из уже морфологически оформленных слов [1]. В английском языке, в частности, синкретические формы представляют собой отражение вторичного синкретизма в виде продуктивного способа словообразования, известного как конверсия.

Для того чтобы выявить, как именные значения синкретических форм соотносятся с их же глагольной семантикой, используются классификации, основа которых предполагает схожий подход. Только в этом случае можно ожидать относительно объективные результаты. Классификация существительных, предложенная С.Л. Чариковым, на наш взгляд, представляет категориальный подход к разделению существительных [2, с. 8–9]. В первую очередь, это классификация всех реалий, явлений, объектов, состояний, преломляющаяся в восприятии человека и соотносящаяся с его физическими, физиологическими и психологическими характеристиками. Характер этих реалий отражается в их наименованиях и определяет их грамматические свойства. Автором выделен принцип классифицирования – предметность/абстрактность, на основании которого существительные делятся на четыре группы: предметные, предметно-конкретные, не предметно-конкретные и отвлеченные.

Традиционной классификацией глаголов является разделение их на семантические группы, такие как, глаголы движения, глаголы речи и т. п. Как в классификации существительных используется максимально обобщенный принцип, так и в наименовании действий, обозначаемых глаголом, должен применяться максимально обобщенный признак категоризации. Кроме того необходимо учитывать и степень конкретности /отвлеченности, которая в этом случае проявляется в наименовании вначале наиболее простых действий и далее более сложных. Таких типов глагольных действий было выявлено пять: а) действие при помощи предмета, обозначенного основой, б) действие, направленной на предмет, обозначенный основой, в) действие самого предмета, обозначенного основой, г) действие, обозначающее производство предмета, названного основой, д) действие, происходящее в сфере предмета, обозначенного основой [3, с. 22]. Рассмотрение значений глаголов внутри каждой группы существительных позволяет проследить формирование и эволюцию категории глагола. Исходной точкой формирования глагола может быть признана первая модель, представляющая собой наименование предмета и действие с ним. Имена получали те предметы, которые были наиболее значимы в повседневной жизни и соответственно действия с ними. Нерасчлененное изначально имя предмета и действие с ним при выделении категориального значения обозначало характерное возможное действие этим предметом. Наиболее простым оказывается инструментальное действие. Возникновение второй модели также предопределено наличием предмета, на который может быть направлено действие. Третья модель действие самого предмета возникает тогда, когда сформировано само понятие действия, и на раннем этапе отражало только типичное для предмета действие. Модель производство предмета подра-

зумевают предмет как результат действия и вероятно в силу своей более опосредованной сути возникла позже. Что касается пятой модели, то ее продуктивность связана с отвлеченными именами и свидетельствует о возникновении таких глагольных значений на уже более высоком уровне.

Разделение существительных в рамках одной группы на ЛСГ было сделано для удобства исследования. Необходимо было выделить механизмы, по которым происходит развитие значения существительных, для чего просматривались значения каждого слова, включенного в группу, и определялся механизм изменения значения.

Вторая группа, в которую входит ЛСГ «природные реалии», представляет предметно-конкретные существительные, определившиеся по таким признакам как реальные объекты, но не представляющие вещи в обыденном понимании. Главным категориальным признаком для них является неманипулятивность, существительные обладают признаком предметности, но вещью как таковой не являются, с их помощью никаких действий производить невозможно. Поэтому сюда входят существительные, обозначающие природные и ландшафтные объекты.

Анализируя происходящие в слове изменения его значения, было выявлено, что существительные ЛСГ «природные реалии» в большей степени развивают значения по сходству на основе таких признаков, как форма, облик, очертания. Анализ дефиниций, которые представляют собой словарные статьи англо-английских словарей, подтвердил наличие одинаковых семантических компонентов, так называемых маркеров, в которых фиксируется общий признак. По признаку «форма» развиваются значения следующих существительных:

bank – 1) a **mound, pile, or ridge** raised by natural processes or artificial means above the surrounding level (*куча, груда, штабель*), 2) **something piled** or accumulated **in the form of a mound** and often having a broad or long base and flat top (*насыпь*), 3) the margin of a watercourse: **the rising ground** bordering a lake, river, or sea or forming the edge of a cut or other hollow (*берег*), 4) a steep acclivity (as the side of a **hill, pile, or mound**) (*крутой склон*);

channel – 1) **the hollow bed** where a natural body or stream of water runs or may run (*канал*), 2) the **deeper part** of a moving body of water (as a river, harbor, or strait) where the main current flows or which affords the best **passage** (*русло*), 3) a strait or **narrow sea** between two close land masses (*пролив*), 4) a long gutter, **groove**, or furrow (*канава, проток*) (форма);

hill – 1) a natural **elevation of land** of local area and well-defined outline (*возвышенность, холм*), 2) a **heap or mound of earth** or other material reared by human or animal agency (*куча, груда*), 3) an **incline** especially in a road (*пригорок*) (форма);

pit – 1) **a hole**, shaft, or cavity **in the ground** formed naturally (as by erosion) or artificially (as by digging) (*яма, впадина*), 2) **a scooped-out place** used for burning something (*углубление*), 3) a usually **open deep excavation** or shaft that has been dug for taking a mineral deposit from the ground or for quarrying stone (*шахта, котлован*), 4) **an area dug out** as a shelter against gunfire (*окоп*) grave (*могила*),

5) the **ground floor** of a theater; *especially* : the part of this area at the rear (*яма оркестровая*) (форма);

ridge – 1) a range of hills or mountains or **the upper part** of such a range : an extended elevation between valleys (*горный хребет*), 2) a top or **upper part** especially when long and narrow a small raised line on the surface of metal, cloth, or bone (*рубчик*), 3) the back or backbone of a man or an animal (*ребро*), 4) the line of intersection **at the top** between the opposite slopes or sides of a roof (*конек (арх.)*), 5) a **raised line or strip** (as of ground thrown up by a plow between furrows (*гребень борозды*)) (форма);

snow – 1) a descent or shower of snow crystals (*снег*), 2) **white** hair – often used in plural (*седина*), 3) a dessert made of stiffly beaten **whites** of eggs, sugar, and fruit pulp (*взбитые белки*), 4) any of various congealed or crystallized substances resembling **snow in appearance** (*наркотик в порошке*), 5) small transient **light or dark spots** on a television or radar screen resulting from the same causes as those that produce static in radio (*помехи на экране*), (цвет) [4, 5].

Как видно из пояснений в скобках, внешнее сходство проявляется в различных характеристиках: форме, размере, объеме, цвете. Именно такие параметры являются, с одной стороны, внешними для объекта, а с другой стороны, зрительно воспринимаются человеком, который и является генератором новых значений в своей познавательной деятельности. Помимо приведенных выше примеров в ЛСГ «природные реалии» вошли также существительные **mire** – *болото, трясина, грязь, слякоть* (внешний вид), **mist** – *туман, дымка, мгла*, (непрозрачность), **moon** – *луна, лунка на ногте* (форма), **mound** – *насыпь, курган, холм, куча, груда* (форма), **mount** – *возвышенность, холм, гора, бугор* (форма), **pond** – *пруд, запруда, водоем* (форма), **pool** – *лужа, заводь, омут*, (форма), **ramp** – *скат, уклон, пандус, съезд* (форма) [4].

Развитие значений по сходству функций у существительных, обозначающих природные явления, представлено следующими примерами: **pass** – 1) an opening, road, channel, or other way that is the only means by which a barrier may be passed or **access** gained to a particular place (*проход, путь канал*), 2) a **navigable** channel in a delta (*фарватер*), 3) a narrow opening between two islands or **through an obstruction** (*пролив*) (компоненты дефиниций *access, navigable, opening through obstruction* объединяют значения по функции «открыть путь через что-л., к чему-л.»);

pit – 1) an area dug out or sunk into the ground as **a place of imprisonment** (*яма*), 2) a hole in the ground usually covered over with something (as brushwood) and designed **to serve as a trap** into which wild animals may fall and so be captured (*западня*), 3) **an enclosure** in which animals are kept or are made to fight each other as a sport (выделенные слова объединяет функциональная сема закрытое место);

ramp – 1) the stairway by **which passengers enter** the main door of an airplane (*сходни*), 2) a contrivance (as of blocks or wedges of wood) laid parallel in a roadway **for passing traffic** over lines of hose (*скат*), 3) an inclined roadway connecting two thoroughfares (as in an interchange) or serving as **a means of access** to or exit from a bridge, a tunnel, or a parking area (*аппарель*) (*enter, passing, access* объединены общей семой доступ, вход);

shore – 1) the **land bordering** a usually large body of water (*берег*), 2) land as **distinguished from** the sea (*земля*), 3) **a boundary** or the country or place that it bounds (*страна*) (функция отграничить, отличить от чего-л.);

sluice – 1) an artificial **passage for water** (as in a millstream) fitted with a valve or gate for stopping or regulating **the flow** (*шлюз*), 2) a device for **letting water** in or out or holding it back (*затвор*), 3) a **stream flowing** through a floodgate *водовод* (*to pass, to let, to flow* связаны функциональной семой направить поток);

surface – 1) the **exterior** or outside of an object or body (*поверхность*), 2) the **outward appearance** or characteristics of something (*внешность*) (выполняемая функция внешняя сторона чего-л.) [4, 5].

В представленных примерах, таких как **pass, pit, sluice** функция обозначаемых существительными объектов логично исходит из их строения: **pass** (*проход*) – это своего рода средство для достижения какого-либо объекта, поэтому логично возникло значение *фарватер* как путь безопасного прохождения судов. Шлюз (**sluice**) сооружается для того, чтобы регулировать движение воды, в чем заключается его функция. Что касается остальных примеров, то они требуют комментариев, т.к. функциональность объектов, обозначаемых этими существительными, не лежит на поверхности. Значение слова **park** в настоящее время – это «a tract of land maintained by a city or town as a place of beauty or of public recreation» (*предназначенная для отдыха открытая озеленённая территория*). От первоначального значения сохранилось такое, как *огороженное место* ("enclosed preserve for beasts of the chase," from O.Fr. *parc*, probably ultimately from W.Gmc. **parruk* "enclosed tract of land" (cf. O.E. *pearruc*, root of *paddock* (2), O.H.G. *pfarrih* "fencing about, enclosure," Ger. *pferch* "fold for sheep," Du. *park*) [6]. Функция *огороженного места для чего-либо* отмечается в современном значении **park** – a parking lot (*стоянка для автомобилей*), a large enclosed area used for sports (*спортивная площадка*).

Отличительной особенностью этой группы является большее число значений, возникших на основе действия механизма по сходству. Природные реалии чаще продуцируют операции сравнения по зрительно воспринимаемым параметрам. Глаголы, образованные от существительных этой группы отличаются в первую очередь отсутствием такого типа действия, как действие предметом, которое невозможно, так как обозначаемые существительными реалии не являются предметами в собственном смысле этого слова, хотя и представляют материальные объекты. Действие, направленное на предмет, несвойственно этой группе, хотя теоретически возможно. Зафиксирован такой тип действия в следующих глаголах **earth** – to draw soil about (*окапывать, окучивать*), **puddle** – to stir up, make muddy (*мутить воду*) [4, 5].

Наличие глаголов, описывающих тип действия самого предмета, в группе «природные реалии» объясняется тем, что неру-

котворные явления проявляют себя в действии, т.е. самореализуются – дождь идет, туман стелется: **gulf** – engulf / *поглощать*, **mist** – *to be or become misty*, **to become** moist or blurred / *туманить*, **rain** – to fall as water in drops from the clouds, **shower** – to wet (as with water) in a spray, fine stream, or drops, **sleet** – to shower sleet, **snow** – to cause to fall like or as snow, **stream** – to flow in or as if in a stream, **shallow** – *to become* shallow, **surge** – to rise and fall actively [5]. Значение глагола **snow** – to cover with snow формально можно отнести к типу действие самого предмета на том основании, что в словосочетании присутствует предлог, указывающий на причастность предмета (снега) к выполнению действия, но надо учитывать, что такое действие выполняется самим предметом, поэтому глагол подпадает под тип действие самого предмета, обозначенного основой.

В ЛСГ «природные реалии» невелико количество примеров действия, обозначающего производство предмета, к тому же часть примеров демонстрирует подразумеваемое наличие лица, выполняющего действие: **cave** – *to form* a cave in or under / *выдалбливать*, **forest** – to *cover with* trees or forest / *сажать лес*, **hill** – *to form* into a heap / *сооружать холм*, **mound** – *to gather into* a heap / *сооружать насыпь*, **park** – *to make* a park of, **pit** – *to make* pits in / *рыть ямы*, **pond** – to cause (as a stream) *to form* a pond / *образовывать пруд*, **puddle** – *to make* a puddle / *образовывать лужу*, **shallow** – *to make* shallow / *делать отмель*, **ridge** – *to form* into a ridge / *делать конёк на крыше, нарезать борозды* [4, 5].

В группе «природные явления» глагольные значения с типом действие в сфере предмета, обозначенного основой, представлены следующими примерами, в которых предложное словосочетание маркирует пространственные отношения: **bog** – to submerge *in a bog*, **coast** – to move *along or past the side* of skirt, **channel** – to move *in a channel*, **earth** – to hide (as oneself) or cause to hide (as an animal) *in the earth* or in a burrow or den, **forge** – to work *at a forge*, **land** – to set or put *on shore* from a ship or other watercraft after a voyage or water trip, **mire** – to cause to stick fast in or as if *in mire*: plunge or fix *in mire*, **mount** – to go *up a hill*, **pit** – to put into or as if *into a pit*, to store (as vegetables) *in a pit*, **puddle** – to dabble or wade around in a puddle, **shore** – to move or drag *onto a shore*, **sky** – to raise, throw or hit aloft *into the air*, **sluice** – to throw or pour *through a sluice*, to wash *in a sluice* in mining, **sun** – to warm, dry, etc. *in the sunshine* [4, 5].

Такие глаголы как **channel**, **earth**, **park**, **pit**, **ridge**, **puddle**, **surface** в глагольных значениях передают по два типа действия: **channel** – *прокладывать канал, пускать по каналу* (действие по производству предмета/в сфере предмета), **earth** – *окапывать, окупывать, зарываться в землю* (действие на предмет / в сфере предмета), **park** – *разбивать парк, ставить на стоянку* (действие по

производству предмета/в сфере предмета), **pit** – *рыть яму, класть в яму* (действие по производству предмета /в сфере предмета), **ridge** – *морщиться, делать конек на крыше, борозды* (самопроизводство / производство предмета), **puddle** – *мутить воду, образовывать лужи, барахтаться в лужах* (действие на предмет / производство предмета / в сфере предмета) [4].

Переносные значения синкретических форм в ЛСГ «природные явления» основываются также на сходстве функции. В синкретической форме **ground** – *земля, основание/основывать, обосновывать* основой развития значения и существительного, и глагола стало, во-первых, свойство земли «твердость» (solid bottom), которое может рассматриваться как функция, и, во-вторых, значение «основание», пришедшее из готского языка (*grunduwaddjus* – foundation wall) [6]. В слове **mount** – *to become aroused or amplified / усиливаться (о гневе)*, в глагольном значении прослеживается функция роста, увеличения, поскольку гора представляет собой положительную форму рельефа, т.е. поднимающуюся вверх. Движение волны «подниматься – опускаться» свойственно различным явлениям: **surge** – *to rise, heave, blow, sound, or otherwise move with a surge or in surges / вздыматься, подниматься неожиданно, волноваться (о толпе)*, действие болота, его функция, – затоплять: **swamp** – *overwhelm numerically or by an excess of something (засыпать, заваливать)*. Переносное значение **pit** – *to set (as gamecocks) into or as if into a pit so as to fight / стравливать (особ. петухов), бороться*, вероятно, возникло в связи с тем, что поединки устраивались в углублении, сделанном в земле [4, 5].

Глагольная семантика этих форм определяется семантикой существительного, что подтвердилось в выделенных типах действия. Действие предметом, обозначенным основой, для данной группы синкретических форм невозможно, так как обозначаемая реалья не является предметом в собственном смысле слова, хотя имеет конкретное материальное воплощение. Действие на предмет, обозначенный основой, возможен, но реализуется в единичных случаях, так как предметно-конкретные существительные представляют собой не столько предметы, сколько реальные объекты, не поддающиеся воздействию. Действие самого предмета, обозначаемого основой, реализуется в этой группе конкретно-предметных существительных, и особенно свойственно существительным, обозначающим природные реалии, так как это действие представляет неотъемлемое свойство предмета, или существенное его свойство с точки зрения носителей языка. Тип действия производство предмета также представлен глаголами, образованными от существительных этой группы. Семантически это, прежде всего, результаты действия человека, либо самореализация предмета, представляю-

щего явление природы. Самое большое количество глаголов представляют тип действия в сфере предмета, что закономерно, так как предметы выражены существительными, обозначающими сооружения или природные объекты, в пространстве которых совершается действие.

Список литературы

1. Чареков С.Л. К происхождению языка: моногр. – СПб., 1997. – 84 с.
2. Чареков С.Л. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках: моногр. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. – 116 с.
3. Чареков С.Л. Эволюционная морфология. Ч. II. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках. – СПб.: Наука, 2000. – 166 с.
4. [НБАРС] Новый большой англо-русский словарь под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна (онлайн версия) (<http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-98840.htm>)
5. [WTNIDU] Webster's Third New International Dictionary, Unabridged. Merriam-Webster, 2002. <http://unabridged.merriam-webster.com>
6. [OED] Douglas Harper. Online Etymology Dictionary, 2001–2011. (<http://www.etymonline.com>).

**На перекрестке когниции и коммуникации:
динамика глагольной синонимии**
**Intersection of cognition and communication:
dynamics of verbal synonymy**

Существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивировано интерпретацией наблюдателя, а одним из когнитивных механизмов с помощью которого оперирует обыденное сознание является лексический прототип. В статье показывается, что динамичный характер и залог развития языка во многом обусловлены самой способностью языковой Личности к интерпретации полученных знаний о мире и переосмыслению уже усвоенных. Целью статьи является изучение становления синонимического ряда, выражающего положительную оценку с древнеанглийского по современный период.

Synonymic rows in the natural language are always motivated by the interpretation of an observer on the basis of defining a lexical prototype. The article shows that the dynamic character and the base for the development of the language are specified by the ability of Language learner to interpret the acquired knowledge and to reconsider the extant one. The goal of the article is to show the development of a synonymic row with the positive emotional charge from Old English to Modern English.

Ключевые слова: наблюдатель, когнитивное взаимодействие, лексический прототип, Языковая Личность, коммуникация.

Key words: an Observer, cognitive interaction, lexical prototype, Language-learner, communication.

Одной из главных тенденций гуманитарных наук в 21 веке, сопровождающей процесс их дифференциации и внутреннего развития, стал поиск точек соприкосновения и междисциплинарный подход для комплексного решения научных задач. В этой связи исследователи всё чаще обращаются к выработке синтетического метода к использованию данных смежных наук. В языкознании таким подходом и методом стала когнитивная наука, которая поставила вопрос о связи языка и познания, включив в свою научно-исследовательскую парадигму данные таких наук как: нейробиология, психология, философия. Именно данный ракурс создает своеобразную «метанауку», способную изучить когнитивные языковые структуры, отражающие способы познания человеком действительности.

Формирование представления об антропоцентричности языка как преломлении реального мира в сознании субъекта и фиксации его в языке в виде субъектно-ориентированных представлений, образов, концептов заставило пересмотреть соотношение синхронического и диахронического факторов в лингвистике. В последней четверти XX в. лингвистика вышла на тот рубеж, на котором обозначилась необходимость видеть и изучать не только историческую изменчивость языка, его сложную системную организацию, но и «язык в человеке и человека в языке». Безусловной стала актуальность, прежде всего, диахронической семантики. Е.С. Кубрякова среди недостатков раннего этапа лингвокогнитивистики отмечает то, что «существенным ограничением являлось нежелание когнитологов рассматривать языковые явления в диахроническом аспекте. Между тем последующие исследования в данной области выявили явные преимущества синхронно-диахронного изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [7, с. 29–30].

Целью статьи является рассмотрение механизма становления и развития глаголов синонимического ряда, выражающих положительную эмоциональную оценку в диахронии. Материалом для исследования послужили глаголы, выражающие базовую человеческую эмоцию любви «to love», «to cherish», «to treasure», «to value», «to appreciate». Данный ракурс исследования, позволит по-новому посмотреть на причины становления и изменения семантики лексических единиц с учетом позиции субъекта – наблюдателя.

На понимание реального для человека мира всегда влияли оценки, эмоции, желания. Проблема связи эмоций и когниции неоднократно обсуждалась как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. Когниция неотделима от эмоций [4, с. 199]. В языковой картине мира отражен эмоциональный мир человека, что проявляется в обилии и многообразии арсенала языковых средств, призванных обозначать и выражать эмоции.

Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов (М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Долгое время ученые расходились в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) считали центральной функцией языка выражение эмоций. Следует отметить, что традиционно рассматриваются две семиотические системы эмоций: «body language» и «verbal language». В общих чертах уже установлено, что первич-

ная семиотическая система превосходит вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качества выражения и коммуникации эмоций. Однако на современном этапе развития, когнитологи считают и эмоции, и язык, и тело неизменными формами, участвующими в выражении чувств. Эмоции могут быть рассмотрены как определенный культурный концепт языка. По мнению Ш. Балли, эмоциональные компоненты существуют на всех уровнях языка, что подтверждается современной лингвистикой эмоций [13, с. 15] Традиционно причины лексических утрат связывают с семантическими изменениями, происходящими в группах взаимосвязанных групп словаря: омонимах, синонимах, гипонимах.

Связи в триаде «действительность – язык – человек» надо рассматривать в историческом ракурсе, поскольку на разных этапах эволюции человека они подвергались существенным изменениям. Менялось и познание мира, и роль языка в познавательных процессах, и само содержание таких понятий, как среда и действительность. Преобразовались и принципы членения и категоризации мира в разных сообществах людей, и принципы номинации и вербализации отдельных единиц в концептуальных системах человеческого сознания. «Как только мы вводим в гипотезы о генезисе языка историческое измерение, наши реконструкции этого процесса затрагивают все большее количество разнообразных факторов, требуют привлечения все большего количества источников сведений об эволюции человека и его переходе к существу, отличному от других живых существ, ибо он становится не просто *homo sapiens*, а *homo loquens* и *homo cognisans*» [8, с. 40–41].

Таким образом, в диахронических исследованиях следует учитывать роль концептуальной картины мира конкретного коммуниканта. Рассмотрение лингвистических изменений с учетом позиции говорящего/слушающего в процессе коммуникации, позволит создать целостную картину становления словаря английского языка. Немаловажным является уточнение характеристик когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний в исторической перспективе. Слова и их значения «не возникают и изменяются», но все это делают языковые личности, которые ведут своё общение с миром так или иначе именно потому, что так воспринимают мир. Следовательно, именно на этом основании, очевидно, нужно искать объяснения как природы языка, так всех его особенностей и механизмов.

Отличительная способность естественных языков состоит в том, что они представляют собой знаковую систему с неограниченным числом сообщений. Поскольку человек живет в постоянно изменяющемся мире, его язык должен быть устроен так, чтобы на нем можно было бы сказать все, обозначить любой, до этого еще не названный предмет, любую ситуацию. Эта универсальность языка в

плане выражения, его способность именовать что угодно, передать любую информацию, является столь же необходимой для эволюции человека как биологического вида, как и его языка. Следует заметить, что важную идею развития значений в ходе коммуникации впервые упоминает Г. Пауль, родоначальник теории «смены поколений». В основе этой теории лежит постулат о том, что изменение языка происходит чаще всего в момент его начального усвоения, таким образом, реальной причиной языковых изменений является речевая активность отдельного человека. Г. Пауль подчеркивает, что не существует другого способа научного изучения языка, кроме исторического [12, с. 150]. В синхронном анализе также можно увидеть отношения между элементами целого. Однако, составить глубокое и всестороннее представление можно лишь рассматривая явление в динамике. Таким образом, существует необходимость сочетать различные способы видения вещей и явлений, в их относительной неподвижности и постоянном движении.

Говоря о факторах языковых изменений, Э. Косериу выдвигает тезис о субъективной целенаправленности языковых изменений. В тех случаях, когда движение в языке замечается современниками, оно классифицируется или как «ошибки», или как стилистические отклонения от нормы. Однако то, что представляется стилистическими особенностями или архаизмом, сегодня оказывается архаизмом или нормой завтра. На синхронном срезе языка заметить какие-то отклонения очень сложно. Только с течением времени, подобные свидетельства являются признаком изменения и движения в языке. Таким образом, парадокс языка [5, с. 143] вызван хронологической позицией автора: точка зрения наблюдателя синхронных во времени языковых событий приводит к убежденности в неподвижном и устойчивом характере языка. Точка зрения ретроспективного сравнительного анализа языковых состояний дает представление о движении в языке, и чем больше хронологически отрезок наблюдаемого состояния языка, тем более общие суждения может сделать наблюдатель. Язык изменяется, оставаясь самим собою, и в этом парадоксе – ключ к пониманию природы языка как одной из форм материи.

Р.А. Будагов придерживается такой точки зрения, согласно которой плодотворнее всего исследовать лексику как систему, находящуюся в движении, соответственно чему учитываются факторы развития общества, представляющего определенную структуру социальных отношений [2, с. 27–46]. Развитие или изменение языка проявляется в языковых изменениях, которое может рассматриваться в двух аспектах. Первый аспект – это те изменения, которые приводят когнитивную структуру к новому виду и находят отражение в языковых изменениях. Вследствие действия второй силы появля-

ются новые формы, но исходные структуры остаются неизменными, что создает условия определенных традиций и единства. Действие этой второй силы проявляется в языковом варьировании [8].

Многие лингвисты сходятся во мнении, что языковые изменения могут происходить в результате процесса коммуникации. Появление новой формы (нового элемента) в языке связано с нуждами коммуникации, т. е. с необходимостью передачи нового содержания, уточнения выражения или дифференциации значения. Если существует потребность выразить новое содержание и отсутствует специальная форма для ее выражения, именно в данном противоречии и кроется источник постоянного движения в языке.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых форм предполагает такое их описание, которое учитывает как формирование когнитивных структур, лежащих в основании семантики языковых форм, так и учет причин выбора языковой формы в конкретных коммуникативных целях; именно «на перекрестке когниции и коммуникации» происходит адекватное описание языкового явления [8, с. 28]. В коммуникации выделяются два основных аспекта. Первый аспект – это внутренний аспект взаимодействия когнитивных систем коммуникантов, событие на уровне деятельности сознаний языковых личностей в процессе речевого взаимодействия [1, с. 108]. Второй аспект – это внешний поведенческий аспект (конкретных наблюдаемых особенностей) порождения и восприятия речи. Таким образом, коммуникативное взаимодействие с одной стороны, целиком пронизано значением. С другой стороны, оно вызывает «к восприятию, то есть к Наблюдателю» [3, с. 50].

Согласно нашим представлениям, ведущим фактором закрепления/исчезновения глаголов-синонимов, является выбор языковой личности Наблюдателя во время акта коммуникации. Каждый человек стремится создать простую и ясную картину мира. На эту картину мира и ее оформление человек переносит центр тяжести своей жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность. Следовательно, любое знание о мире относительно. Язык несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком. Живой язык не является создателем, а непрерывно создается языковой деятельностью наблюдателя.

В последние годы в рамках когнитивной науки появилось множество исследований, посвященных рассмотрению когнитивных и лингвистических аспектов явлений окружающего мира, сущности концептуализации и категоризации, как основных познавательных процессов. Когниция рассматривается учеными как деятельность всего человеческого организма, осуществляемая в ходе взаимодей-

ствия со средой с целью адаптации к среде для выживания. Такой поворот начался во второй половине XX века, когда были сформулированы основные принципы и положение биологической теории познания представленной чилийскими биологами У. Матураной и Ф. Варелой [10, с. 105].

Одно из основных положений является понимание того, что человек и его среда не могут рассматриваться как отдельные, независимые друг от друга сущности, но только как единство, характеризующееся сложной когнитивной динамикой, как система с круговой организацией. Суть теории познания заключается в том, что языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде. Такой подход делает принципиально невозможным постижения сущности языка в отрыве от творческой интерпретации человеком окружающего мира.

Синонимия, являясь конституитивным свойством языка, несомненно, связана с познанием и обозначением важных для человека областей мироздания. В явлении синонимии М.В. Никитин видит доказательство того факта, что словарный состав языка – это не хорошо упорядоченная система, а «конгломерат единиц, которые память свела вместе из разнообразных источников и которые вовлекаются в соотношение и функции системы по мере необходимости» [9, с. 97]. Другими словами, появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается не внутрилингвистическими факторами, а потребностями говорящего. Таким образом, существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивированно.

Они говорят о том, что это относительное знание опосредовано человеческой природой структурой человека как живого организма, его внутренней динамикой и характером его взаимодействий с внешним миром. Важной представляется мысль У. Матураны и Ф. Варелы о том, что мир человека есть «с необходимостью» мир, который он создает сам вместе с другими [10, с. 116]. Таким образом, концептуальная картина мира – это образ или глобальная презентация мира, творимого человеком в процессе его взаимодействия с окружающей средой и другими людьми. Понимание онтологической первичности наблюдения играет решающую роль в понимании феномена познания» [там же, с. 115]. Наблюдатель как перцептивный субъект давно и активно привлекается в языкознании в качестве аналитического инструмента [3, с. 49]. Наше понимание Наблюдателя обусловлено той ролью, которую ему приписывает биокогнитивная теория языка и познания [11, с. 158–170]:

Наблюдатель – это субъект широкого и универсального статуса – перцептивно-когнитивного. Такой субъект способен охватить восприятие высшего когнитивного порядка, включающего в себя оценочные и аффективные уровни (аспекты) категоризации [3, с. 60–63]. Каждый отдельный Наблюдатель существует в своем феноменологическом мире, порождаемым областью когнитивных взаимодействий (в том числе и языковых), или консенсуальной областью, представляющей собой наложение или пересечение ниш отдельных наблюдателей. В данном случае можно говорить о процессе с круговой организацией, участники которого связаны сложной динамикой взаимной каузации. Этот процесс, направленный на поддержание равновесного содержания системы организм-среда и есть познание [11, с. 120].

Познание происходит не только при взаимодействии индивида с физическими сущностями ниши. Нервная система человека расширяет его когнитивную область, включая в сферу возможных взаимодействий с собственными внутренними состояниями. Это явление известно науке как абстрактное мышление. Подобное расширение границ когнитивной области также делает возможным нефизические взаимодействия между людьми, в процессе которых они ориентируют один другого на взаимодействия внутри когнитивных областей друг друга [там же, с. 103–105]. Таким образом, основной функцией любого вида деятельности, в том числе и языкового, является повышение эффективности адаптации индивида к опытному миру для поддержания его жизнеспособности [там же, с. 230].

Когниция динамична и ситуативна обусловлена [4, с. 198]. Она сопряжена с коммуникацией и опирается на опытное знание. Познавательная деятельность связана с воспринимаемыми аспектами среды, корреляция с которыми ведет к приобретению опыта. Организм человека активно взаимодействует со средой, при этом все чувственные анализаторы участвуют в когнитивном взаимодействии с тем или иным компонентом среды. Эти репрезентации имеют устойчивый характер, и происходит накопление репрезентаций разной уровни сложности, образующий ментальный инвентарь памяти. [6, с. 114]. Этот инвентарь составляет основу механизма восприятия как когнитивного взаимодействия со средой, имеющего ориентирующий характер. Один организм предопределяет последующее поведение другого – именно такое поведение лежит в основе дружбы и любви. Подобные отношения часто имеют положительный эмоциональный фон и выражаются лексикой с позитивной коннотацией.

Главная особенность человеческого мышления заключается в способности реагировать на различные раздражители, в том числе и на звуковые – слова. Благодаря языку человек воспринимает и познает мир в процессе общения. При этом следует помнить, что

наши социальные стратегии основываются на выражениях эмоций и языка [4, с. 199]. Люди, определенным образом приспособляются и ассимилируются, и так создают основу для совместного действия.

Выбранные нами глаголы *to* «*to love*», «*to cherish*», «*to treasure*», «*to value*», «*to appreciate*» выражают положительную оценку. Оценочная деятельность является неотъемлемой частью человеческого сознания. Употребляя глаголы с положительной оценкой, наблюдатель выражает отношения любви или дружеского расположения к другому человеку. Эмотивная лексика, объединенная в синонимические ряды, представляет собой определенную категоризацию окружающего мира.

Синонимические ряды постоянно изменяются, так как один и тот же объект, находящийся в зоне человеческого взаимодействия может меняться и соответственно у наблюдателя меняются и реакции на него. В концепции натурализации, слова рассматриваются как сущности, присущие человеческой деятельности. Таким образом, знак становится стимулятором поведения и ориентирует человека в определенной нише, адаптирует его к среде. Положительные эмоции определяют жизнеспособность человека в мире. Социальная природа человека заставляет его вступать в коммуникацию с другими индивидами для адаптации в области своего существования [10, с. 160–161].

Таким образом, дружба – это своего рода симбиоз, взаимодействие, направленное на поддержание друг друга. Друзья часто помогают друг другу, совершают альтруистические действия, которые вызывают положительные эмоции. Самое часто встречающееся слово со значением *friend* в древнеанглийском языке это «*freond*». Данное существительное образовано с помощью суффикса причастия настоящего времени от глагола «*freogan/Freon*» со значением *to* «*honour*», «*to love*». Этот глагол восходит к общеиндоевропейскому корню «*prei*» («*to love*») [ASD]. Можно сделать вывод, что в основе отношений, которые в человеческом обществе принято называть *friendship*/дружба лежат такие чувства как любовь, уважение к другому человеку, а отглагольная природа свидетельствует об активности предпринимаемых действий. Внутренняя прототипическая форма лексемы отражает универсальные черты положительных эмоций.

В среднеанглийский период существовали следующие глаголы омонимы с положительной эмоциональной оценкой, выражающих чувства любви и дружеского расположения: 1 «*loven*¹» происходит от *da lufian* – «*To feel affection or friendship for*»-«чувствовать дружеское расположение» 2 «*To love (God, Christ), feel the emotion of love; behave in a loving manner*» – «любить» 3 «*to love each other or one another, be or become friends*» - «любить друг друга», «быть друзьями».

«Loven2» происходит от да «lofian».: 1 To praise (sb. or sth.) usually for a specific act or favor, – «восхвалять», «хвалить» 2 «To approve (sth.), agree to; consent to (an action); recommend» – «одобрять», «соглашаться» 3 «to appraise» «соглашаться, назначать цену»; «loven3» «To sail close to the wind; *fig.* take unnecessary risks» – «идти под парусом», «рисковать без надобности».

Можно увидеть, что значения всех трех глаголов близки. У первого глагола присутствует сема любви к людям, к Богу, к миру. «Loven2» своим значением связан с «loven1» так как объект любви обычно восхваляется и превозносится. Глагол «Loven3», вероятно, также опосредованно связан с двумя другими глаголами, так как чувство любви и привязанности, которую один человек испытывает по отношению к другому может нести в себе риск быть отверженным. В СА период существовали французские заимствования: «*apprécier*» употребляется с 1650 года «to esteem or value highly» – «ценить»; *tresuren* (14век) «высоко оценивать»; «*cherishen*» (14 век) – «быть близким», «*value*» (середина 15 века) – «стоять, оценивать» [MED]. Форма слова, не несущая в себе никакого содержания, является максимально эффективным сигналом для коммуникантов и запускает в их сознании один и тот же механизм формирования системного значения, а также вывода актуального значения из него. Значение, которое хранятся у человека в сознании, характеризуют индивидуальную систему языка и носит название лексического прототипа. Он является первой осознаваемой реакцией на форму слова. Тождественность формы приводит к неудобству, в реальных речевых актах может возникнуть определенная сложность в понимании другого коммуниканта. Таким образом, у Наблюдателя был выбор – использовать форму «loven» для выражения понятия «любить» или использовать глаголы «to appreciate», «to treasure», «to cherish», «to value», которые являются уникальным способом передачи эмоций любви и дружбы. В формах рассматриваемых глаголов можно увидеть наличие общего прототипа – «выражение привязанности к другому человеку». Глаголы «*apprécier*», «*tresuren*», «*cherishen*», «*valuen*» имели специфичные формы выражения. Эти глаголы существовали на протяжении длительного времени наряду с формами Loven123, являясь удовлетворительным средством выражения эмоционального состояния дружеского расположения. Все глаголы отличаются степенью интенсивности и передают различные оттенки чувств: от осознания ценности человека или мира, принятия, до любви и последующего восхваления и почитания. В семантике глаголов содержится оценочный компонент, что свидетельствует о наличии интерпретатора, который не является субъектом описываемого речевого акта и часто выступает в роли наблюдателя. Кроме того, обозначая особые нюансы человеческой

речи, каждый из этих трех глаголов имел свои собственные валентности, закрепившиеся еще в древнеанглийском периоде, а также образовывал определенный набор устойчивых словосочетаний и пословиц. Такая частотность глаголов говорит о предпочтении этих форм наблюдателем.

В результате, наблюдателю приходится делать выбор между несколькими языковыми средствами. Глаголы *Loven*²³ исчезают из языка, а их значения передают французские заимствования. Представляется, что именно коммуникант или наблюдатель, играет основную роль в выборе того или иного слова, а следовательно употребление глагола определяет его частотность и дальнейшее закрепление в языке. Согласно концепции натурализации, слова рассматриваются как сущности, присущие человеческой деятельности. Ориентирующее поведение человека в режиме реального времени связывает вербальное поведение и социальный опыт.

Таким образом, знания о многозначных словах отливаются в нашем сознании как результат жизненных наблюдений над ними в ходе коммуникации. По мере своего развития как члена языкового сообщества коммуникант постоянно решает насколько адекватно слово соответствует условиям передачи получаемого и передаваемого смысла, и в чем при этом заключается специфика его значения на фоне имеющихся в наличии синонимических средств. Этот анализ выполняется в рамках фундаментального механизма познания – сравнения – и, в частности, сопоставления «нового», то есть постоянно поступающих в данной ситуации сигналов из внешней среды с тем, что уже известно субъекту из прошлого опыта коммуникации и, прежде всего, в аналогичных ситуациях [1, с. 110].

В диахронических исследованиях следует учитывать роль концептуальной картины мира языковой личности. Познание в данном исследовании рассматривается не как представление мира в готовом виде, а как непрерывное сотворение мира. В этом смысле когнитивная наука предстает как технология знания, и одновременно как онтология мышления. Она вписывает мышление в картину реальности. В когнитивной науке познание обретает онтологическую размерность, это подчеркивали У. Матурана и Ф. Варела, характеризующие познание как жизненность [11].

Список литературы

1. Архипов И.К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia Linguistica cognitiva*. – Вып. 2. – Иркутск, 2009. – С. 100–153.
2. Будагов Р. А. История слов в истории общества. – М., 2004. – 256 с.
3. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «Наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*, Вып. 1. – М.: Гнозис, 2006. – С. 45–65.
4. Коули Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления. – *Studia Linguistica cognitiva*. – Вып. 2. – Иркутск, 2009. – С. 192–228.

5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. Пер. с исп. – Изд. 3. – Издательство Едиториал УРСС, 2010. – 208 с.
6. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск, 2001. – 261 с.
7. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – № 1, 2001. – С. 28–34.
8. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – Тамбов, 2004. – С. 30–46.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: уч. пособие. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
10. Матурана У.Р. Биология познания. // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 95–142.
11. Матурана У.Р. Варела Ф.Х. Древо познания. Перевод с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 223 с.
12. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.- Издательство иностранной литературы, 1960. – 501 с.
13. Шаховский В. И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах Текст / В.И. Шаховский // Русистика. – Киев, 2001. – Вып. 1. – С. 13–19.

Список лексикографических источников

1. Merriam-Webster's Online Dictionary-[http://www m-w.com/dictionary/](http://www.m-w.com/dictionary/).- Merriam
2. Curath Middle –English Dictionary <http://www.gutenberg.org/ebooks/>
3. Bosworth-Toller An Anglo-Saxon Dictionary <http://www.gutenberg.org/ebooks/>

**Система когнитивного анализа сообщений,
включающих понятия функционального вида****A system of cognitive analysis of contexts
in which a notion of functional mode occur**

Данная статья посвящена проблеме понятий функционального вида. В ней представлена система, состоящая из шести когнитивных областей и пяти когнитивных схем, позволяющая проводить анализ различных контекстов, в которых встречаются понятия функционального вида. В качестве примера, в статье рассмотрено понятие “hammer”.

The article is devoted to the notions of functional mode. It presents a system consisting of six cognitive zones and five cognitive schemes that permit of the analysis of various contexts in which a notion of functional mode occur. To illustrate the operation of the system, the notion “hammer” is employed.

Ключевые слова: понятие функционального вида, артефакт, анализ, когнитивная схема, множество, когнитивная область, гипо-гиперонимические отношения.

Key words: notion of functional mode, analysis, cognitive scheme, set, cognitive zone, hyponymy.

Цель данной статьи – представить вниманию читателя систему когнитивного анализа для текстов, в которых фигурируют понятия функционального вида (артефакты). Данная система основана на двух когнитивных процессах, а именно: категоризации в соответствии с гипонимией и осознании множества с учетом особенностей восприятия человеком информации из окружающего мира.

Прежде всего, нам следует рассмотреть те принципы, на основе которых формируется понятие гипонимии. Как известно, гипонимия предполагает наличие понятий более высокого уровня и более низкого уровня абстракции, которые выражаются либо разными словами, например, «животное – кошка», либо словом и тем же словом, дополненным словами, отображающими некое дополнительное свойство, например, «кошка – «кошка, сидящая на коврик»». В любом случае, при гипонимии наблюдается присутствие понятия с большим объемом понятия (предметов в реальном мире, которые обозначаются данным понятием) и понятия с меньшим объемом

понятия (экстенсионалом) и, соответственно, включение одного объема в другой.

Принимая во внимание данные принципы, Д.А. Круз предложил следующий диагностический тест для определения гипонимии: «мы скажем, что X является гипонимом Y (или Y является гиперонимом X), если $A - f(X)$ влечет за собой $A - f(Y)$ и обратное не возможно» [7, с. 89]. Где, $f(X)$ – это выражение, несущее минимум синтаксической нагрузки, в котором X является аргументом.

В качестве примера такого выражения приведем следующее предложение: «Это – кошка» влечет за собой «Это – животное» и обратное невозможно, т. е. из предложения «Это – животное» не следует предложение «Это – кошка».

На основе данного подхода к гипонимии формируется правило, устанавливающее принадлежность гиперонима и его гипонимов к одной части речи, таким образом, гиперонимом понятия, выраженного существительным, является понятие, актуализированное с помощью существительного, глаголом – глагол, прилагательным – прилагательное и т. д. Безусловно, наблюдаются некоторые исключения, возникающие из особенностей того или иного языка. Например, гиперонимом понятия «зима», которое выражено существительным, является понятие «время года», т. е. словосочетание (в английском языке понятие «время года» обозначается существительным “season”). В качестве гиперонима понятия «красный», выраженного прилагательным, выступает понятие «цвет», представляющее из себя существительное, и т. д.

Далее, из логики и лингвистики известна связь между содержанием понятия или контенсионалом (совокупность признаков класса, отраженных в понятии) и его объемом (экстенсионалом), а именно, чем больше контенсионал, тем меньше экстенсионал, и, соответственно, наоборот. Данное соотношение позволяет выявить связь между понятиями различного уровня абстракции, и сформировать контенсионал понятия более низкого уровня абстракции путем включения в него понятия более высокого уровня абстракции, т.е. гиперонима. Этим способом формируются так называемые явные дефиниции, или как их еще обозначают – определения через род и видовое отличие. «Их общая схема: «А есть В и С». Здесь А – определяемое понятие, В – понятие, более общее по отношению к А (род), С – такие признаки, которые выделяют предметы, обозначаемые А, среди всех предметов, обозначаемых В (видовое отличие)» [2, с. 93]. Таким образом, в данном типе определения родовое понятие делится на видовые понятия, при этом «при каждом делении на некотором его уровне должно браться лишь одно основание» [1, с. 68].

В соответствие с данными принципами анализируется такое явление как гипонимия. В результате, с некоторыми оговорками, о которых мы уже говорили выше, существует гипонимия существительных, отдельно от нее рассматривается гипонимия глаголов и т. д. Говоря о гипонимии глаголов используется термин «тропонимия», притом, что принципы исследования такие же, как и для существительных, например, пилить – резать пилой, т. е. гипоним определяется через гипероним и видовое отличие.

Однако, в свое время, при исследовании гипонимии Д.А. Круз отметил, что дефиниции, построенные таким образом прекрасно подходят для описания одних понятий и совершенно неадекватны для образования дефиниций других понятий. Он разделил понятия на природные и номинальные на том основании, что дефиниции понятий номинального вида “correspond in a fairly precise way to analytic definitions containing a superordinate with a modifier” [7, с. 140] (например, котенок – молодая кошка), в то время как отношение между гипонимом и гиперонимом в понятиях природного вида не является столь однозначным.

Можно провести некую параллель между этими идеями и рассуждениями М.В. Никитина о понятиях о классах, которые он разделяет на «явные и скрытые стохастизмы». «В значениях явных стохастизмов, образующихся как индуктивные обобщения – их примером служат имена биологических видов, нет жесткой границы между интенциональными и импликационными признаками, в интенционале четко определяются лишь родовые признаки (гиперсема) в то время как видовые, дифференциальные признаки (гипосема) нельзя установить с определенностью, и на этом участке интенционал незаметно переходит в сильный импликационал... Напротив, лексические значения скрытых стохастизмов, формирующих класс по признаку, достаточно четко различают интенциональную и импликационную части, а в структуре интенционала – родовую и видовую части» [4, с. 108].

Позже, среди понятий натурального типа, Д.А. Круз выделил понятия функционального вида, т.е. понятия, обозначающие артефакты (предметы, созданные человеком): “Many nouns incorporate functional features in their definitions and it is not infrequently the case that the function, or at least an aspect of it, is captured by the meaning of a hyperonym. This is the case with, for instance, gun: weapon, hammer: tool, jacket: garment, beer: beverage, violin: musical instrument” [6, с. 19].

Если же принять во внимание то, как человек воспринимает информацию из окружающего мира, а именно, например, тот факт, что мы видим белое, поскольку существует сравнение с черным, то становится очевидным, что каждое понятие отображается через комбинацию. Данная комбинация представляет собой имя понятия и

его свойства, соединенные посредством синтагматической связи в некую единую капсулу информации. Значение каждого значимого слова в такой капсуле определяется не неким постоянным значением, которое стоит "за" тем или иным словом, но полностью зависит от окружения, т.е. от тех слов, которые формируют данную совокупность. Это значит, что значение отдельного слова определяется и в свою очередь определяет значения других слов в данной совокупности слов. Таким образом, гипонимия может рассматриваться не только в связи со словами, принадлежащими к одной части речи, но и для предложений.

При этом следует отдавать себе отчет в том, что на практике выписать всю совокупность слов, т.е. представить ее в явном синтагматическом виде подчас не представляется возможным, но для нас имеет значение именно сама возможность представления всей совокупности слов.

Таким образом, для представления понятия на первый план выходит контекстуальная дефиниция. «Всякий отрывок текста, всякий контекст, в котором встречается интересующее нас понятие, является в некотором смысле неявным его определением. Контекст ставит понятие в связь с другими понятиями и тем самым косвенно раскрывает его содержание» [2, с. 88].

Поскольку нами рассматриваются комбинации имени и свойств (контекст), то, следовательно, существует такая комбинация, которая является дефиницией понятия, и, соответственно, сама мысль о наличие такой комбинации является когнитивной областью. Данное предположение позволяет нам говорить о наличие других когнитивных областей, поскольку не каждая комбинация является дефиницией.

Данную систему областей мы представим на примере анализа понятия "hammer", представляющего собой один из возможных артефактов.

Область № 1. «Признаки, формирующие дефиницию понятия артефакта».

В данной когнитивной области представляется возможным выделить пять когнитивных схем, соответствующих пяти способам восприятия множества. «Каждый артефакт следует рассматривать с позиции ... трех способов восприятия множества: 1) как нечто единое в явлениях – это принцип, 2) как объект, 3) как функция» [3, с. 96]. К вышеупомянутым трем способам мы добавили еще два: «структура» и «ячейка».

А) В каждом артефакте заложен принцип действия, поэтому существуют свойства, характеризующие артефакт как принцип. Для понятия hammer принцип отображается такими свойствами, как: "force amplifier", "conversion of mechanical work into kinetic energy and

back”, “mass”, “velocity”, “deliver energy”, “increase linearly (geometrically)”, “impact”, “lever” “deformation” и т. д.

Таким образом, принцип раскрывается информацией о необходимой плотности ударной части, о массе, о необходимой протяженности (т.е. о необходимом свойстве формы), о скорости и об энергии, причем благодаря учету синтагматического аспекта учитывается и объединение свойств в нечто единое.

Б) Артефакт является не только принципом, но и вещью, т. е. обладает конкретностью (имеет конкретную форму и сделан из конкретного материала). Если язык принципа – это формулы, (как например, формула кинетической энергии для принципа молотка), то вещь получается при подстановке в формулу чисел, в результате чего получают конкретные параметры. Вся лексика, которая не является ни формулой, ни числом, указывает и на принцип, и на вещь. Например, в свойстве «рукоятка сделана из сосны», слово «сосна» говорит о необходимой твердости материала для успешного выполнения такого действия как удар (принцип), но с другой стороны, данное слово говорит о конкретном материале (вещь). В свою очередь, если само слово, обозначающее принцип, а именно «твердость», имеет конкретное числовое значение в некой системе измерения, то это уже вещь.

В качестве примера приведем следующий отрывок: “But inside the bag he found a device to unlock cars, a pair of bolt cutters, a two pound hammer and all the equipment needed to steal car radios” [8]. “A two pound” – это свойство представляет собой конкретное число и, следовательно, характеризует понятие однозначно как вещь.

В) Каждый артефакт имеет свою функцию, т.е. он сделан для некой цели. Таким образом, он не просто конкретная вещь, «за ним» стоит целое множество подобных предметов, объединенных некой функцией. Таким образом, молоток предстает как функция, т.е. как нечто происходящее во времени, и данная функция может быть представлена, например, таким свойством: “hit nails into wood”.

Г) Многие предметы являются не простыми, а составными, и каждая составная часть, деталь – это тоже некий предмет, представляющий и как принцип, и как вещь, и как функция. Для рассматриваемого нами понятия hammer такими частями являются: рукоятка (handle) и ударная часть (hammer head), представляющие собой два различных понятия. В результате объединения данных двух понятий как принципов, вещей и функций получается новое понятие, а именно, hammer, при этом синтагматическая связь адекватно отражает это объединение понятий, в результате чего, как уже было сказано, получается новое понятие, обладающее своими принципами, функциями и представляющее как новая вещь.

Данный тип дефиниции мы обозначим «понятие как структура».

Многие артефакты имеют сложную структуру, например, телевизор, с одной стороны, состоит из внутренних деталей (транзисторов, резисторов и т.д.), с другой стороны, обладает внешним видом (кинескоп, корпус, кнопки и т. д.) и при этом является не только соединением всех этих элементов.

Вся эта сложная ситуация описывается с помощью, во-первых, представления каждой детали как принципа, вещи и функции, во-вторых, отображения любого соединения элементов как структуры, т. е. как нового понятия (принцип, вещь, функция), принцип которого благодаря синтагматической связи учитывает соединение принципов деталей, вещь – соединение вещей, функция – соединение функций. Если говорить об интернете или компьютере, то благодаря представлению понятия как структуры появляется возможность отразить и соединение виртуального артефакта, например, программного обеспечения (принцип, вещь и функция) с материальным носителем (принцип, вещь, функция).

Д) В свое время Анна Вежбицка отметила, что «невозможно изобразить или представить себе «вообще-фрукты» или «вообще-овощи», равно как «вообще-мебель», «вообще-игрушки». С другой стороны, можно изобразить «вообще-часы», «вообще-стол» [5, с. 20].

Различие в восприятии понятий объясняется именно тем, что такие понятия как «часы» или «стол», в первую очередь, образуются как принцип, вещь, функция, структура, т.е. на основе подобия предметов реального мира, которые причисляются нами к тому или иному понятию. Понятия, образующиеся на основе уподобления, можно обозначить как понятия «низшего» уровня. К данному уровню относятся, например, такие понятия как «стол», «молоток», «яблоко» и т. п.

Однако другие понятия, как например, «инструмент», служат в первую очередь для указания на разнообразие предметов реального мира, которые подпадают под данное понятие, и воспринимаются нами как «ячейки», которые следует заполнять разнообразным содержанием. Такие понятия можно обозначить как понятия «высшего» уровня.

Эти понятия тоже отражены через имя и свойства, соединенные синтагматической связью. Все понятия (здесь имеются в виду только артефакты), относящиеся к «высшему» уровню, представляется возможным свести к трем основным сферам: инструмент, оружие, все другие артефакты. Значение данных имен понятий определяется только свойством, с которым они стоят в синтагматическом отношении, и наоборот, т.е. «инструмент создает», «оружие разрушает», все другие «артефакты находятся в контакте с человеком» (данную группу можно уточнить: «игрушка развлекает», «предмет мебели предоставляет комфорт» и т.д.).

В качестве примера приведем следующий материал:

“The carpenter should be the man who knows which tool he can use most efficiently in building a house” [9].

“he is going to abandon his teaching in order to take up a weapon and kill enemy troops” [9].

Область № 2. «Взаимодействие понятий одного уровня абстракции».

А) область взаимозаменяемости понятий нижнего уровня.

Принцип и функция каждого понятия являются неизменными, следовательно, взаимозаменяемость может происходить только в сфере понятия как вещи. Специфика представления понятия в качестве вещи заключается именно в том, чтобы передать независимость существования предмета реальной действительности от его принципов и его функции, которая выражается в том, что он может использоваться не по назначению, и в том числе для целей, которые указаны в дефинициях понятий других артефактов. Значит, характерной особенностью данной области является наличие в единой капсуле информации, описывающей ситуацию, свойств, присутствующих в дефинициях разных артефактов. Степень взаимозаменяемости понятий может быть разной. В предложении: “He had been bludgeoned with a hammer” [10], происходит взаимозаменяемость понятий “hammer” и “bludgeon”. У данных понятий один и тот же общий принцип, а именно принцип удара. Однако данные понятия, помимо того, что они разные как «вещь», имеют разные функции и, значит, молоток как «вещь» используется в качестве дубинки. При этом в ситуации “hammer bludgeons” молоток придает с учетом синтагматической связи значение глаголу bludgeon, которого нет в “bludgeon bludgeons”, но употребление этого слова имплицитно подразумевает понятие «дубинка».

Здесь наблюдается высокая успешность применения молотка как дубинки.

Также представляется разумным рассматривать свойство “bludgeon somebody” как синонимическое выражению “beat somebody”, которое представлено в функции уже целого ряда понятий, например, “club”, “war hammer” и т.д. и, следовательно, как вещь понятие “hammer” взаимозаменяемо и с данными понятиями.

Б) взаимодействие понятий «высшего уровня».

Такое взаимодействие происходит, когда к имени одного понятия добавляется для описания ситуации свойство из дефиниции другого понятия, например, “tool destroys”:

“Most tools can also serve as weapons, such as the hammer and the knife. Similarly, people can use weapons, such as explosives, as tools” [9].

Область № 3. «Взаимодействие лексики различных уровней»

Для описания ситуации используются лексика из дефиниций понятий разных уровней, вследствие этого «имя гиперонима» может сочетаться с любым из свойств из дефиниции любого из своих гипонимов и, соответственно, любое имя гипонима может сочетаться со свойством/ами из дефиниции своего гиперонима.

Поскольку понятие “hammer” имеет в качестве своего гиперонима понятие “tool”, то, следовательно, понятие “hammer” нами рассматривается через призму идеи созидания, однако свойства отражающие данную идею (construct, make, create...) не входят непосредственно в дефиницию понятия “hammer”, а принадлежат дефиниции понятия «высшего» уровня, а именно “tool”. Данные свойства, как и имя “tool” представляют, соответственно, когнитивную схему «ячейка», поскольку в отличие от свойств, входящих в дефиницию понятия “hammer”, отображают идею разнообразия.

“traditional construction with wood, hammer and nails” [9].

“But I don't want you to use anything but a hammer when you build it” [9].

“You can use a hammer to build or bludgeon” [9].

Свойства “construct” и “build” принадлежат к понятию верхнего уровня, а именно, “tool”.

Область № 4. «Перекрестное взаимодействие уровней», т.е. комбинация имени гиперонима со свойствами «не своего» гипонима и наоборот.

Это область взаимодействия двух уровней, где имена гипонимов комбинируются со свойствами из дефиниции «чужого» гиперонима, и наоборот, имена гиперонимов сочетаются со свойствами из дефиниций «чужих» гипонимов. Присутствие, например, такого имени как “weapon” или таких свойств как “destroy”, “kill” и т.п. рядом с именем “hammer” говорит нам о том, что “hammer” в данном контексте используется не для созидания (гипероним “tool”), а несет идею разрушения, т.е. отображает понятие “weapon”, которое является понятием «высшего» уровня, но не гиперонимом понятия “hammer”.

Для иллюстрации приведем следующие примеры:

“The offender drove up behind the victim as she was walking in the street one evening with her daughter, aged two and a half, and attacked her with a hammer” [8].

“On Saturday two masked youths, one armed with a hammer and the other with a butcher's knife, went into the sub post office at Lamplash Crescent, Glasgow, threatened the staff and stole a three-figure sum of cash” [8].

“I feel very inclined to start going about my business with bow bent and hammer in my girdle, intent on doing harm to anyone who plants an unnecessary signal or a sign, a bollard or a barrier” [10].

Область № 5. «Общие внешние свойства, описывающие бытие объекта».

Данные свойства не входят в дефиницию ни одного объекта, поэтому они обозначаются нами как внешние и их можно приписать понятию любого уровня абстракции.

Появление данных свойств, по нашему мнению, связано с противопоставлением по смыслу бытия объекта: «находящийся в активной фазе бытия» – «находящийся в неактивной фазе бытия», что, в свою очередь, характеризует отношение человека и объекта. Когда объект задействован человеком, он находится в активной фазе бытия и свойства, определяющие эту фазу, входят в дефиницию понятия. Например, «молоток бьет», однако молоток в реальности может и не бить, т.е. находиться в неактивной базе бытия.

Таким образом, данное противостояние порождает целую область свойств, не входящих в дефиницию понятий.

Для артефактов, такие свойства могут быть, например, «в хорошем состоянии» – «рухлядь». Молоток может быть в хорошем состоянии, а может быть рухлядью (поэтому и не бьет); инструмент может быть в хорошем состоянии, а может быть рухлядью (поэтому и не создает).

Именно данную группу свойств следует отнести к понятиям, которые Д.А. Круз обозначил, как понятия «номинального вида».

Например:

“I borrowed a hammer from one of the allotment holders” [8].

“I am not currently in a position to buy the hammer” [9].

“The mere fact that someone owns a hammer and a saw doesn't make them a carpenter” [9].

Область № 6. «Указание одного понятия на другое».

А) Прямое указание.

Данную когнитивную область образуют в основном понятия, описывающие игрушки, и произведения искусства (картины, скульптура), поскольку они в большинстве случаев имитируют предметы реального мира.

В качестве примера проанализируем следующий отрывок:

“Proud until I took the tools from the display card and then pride turned to disappointment for I had expected that the tools would be scaled down versions of Dad's but the saw was just a piece of tin stamped out - it wouldn't cut paper and the hammer was similarly made” [8].

В данном случае упоминается игрушечный молоток, который обладает достаточно низкой степенью указания на профессиональный молоток, поскольку отображает лишь принцип, и достаточно схематично свойства понятия как вещи, а именно форму и материал (только на некую твердость материала) профессионального молотка.

При этом он совсем не указывает на понятие молотка как структуры, и как функции, поскольку он не предназначен забивать гвозди.

Б) Косвенное указание.

В данную область входят свойства, не присутствующие в явном виде в дефиниции, но косвенно указывающие на свойство из дефиниции того или иного предмета.

Например следующие ситуации:

“The **hammer** lies there on the floor” [9] (косвенное указание на форму).

“I feel very inclined to start going about my business with bow bent and **hammer** in my girdle, intent on doing harm to anyone who plants an unnecessary signal or a sign, a bollard or a barrier” [10] (косвенное указание на вес, размер и форму).

“Bob (-----) died after brandishing a **hammer** at the youth who was slashing car tyres in South London” [8] (косвенное указание на вес, размер и форму).

Данные свойства, как видно, обладают низкой степенью указания.

В заключение, в краткой форме изложим принципы, формирующие данную систему: 1) понятие любого артефакта отображается через дефиницию (имя соединенное синтагматической связью с совокупностью характеризующих признаков); 2) понятия суперординатного уровня тоже представлены, дефинициями; 3) взаимодействие понятий осуществляется посредством взаимодействия дефиниций. В результате получается система, позволяющая анализировать тексты, в которых упоминается тот или иной артефакт, с целью адекватного раскрытия заложенной в них ситуации.

Список литературы

1. Гетманова А.Д. Логика. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. – 712 с.
2. Ивин А.А. Современная логика. – Фрязино: Век 2, 2009. – 384 с.
3. Киселева С.В., Сапронов Ю.В. К вопросу о когнитивных основаниях формирования дефиниции понятий функционального вида // HomoLoquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. статей. – Вып. 5 / под ред. И.Ю. Щемелевой. – СПб.: НИУ ВШЭ, 2013. – С. 92–99.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 820 с.
5. Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация / гл. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
6. Cruse D.A. Hyponymy and its varieties // The semantics of relationships An interdisciplinary perspective / Ed. By Rebecca Green. – The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 3–21.
7. Cruse D.A. Lexical semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 310 p.

Корпусы

8. British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>. Дата обр.: 29.12.2013.
9. Corpus INTERNET-EN. URL: <http://smlc09.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html#>. Дата обр.: 29.12.2013.
10. Corpus NEWS-GB. URL: <http://smlc09.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html#>. Дата обр.: 29.12.2013.

**Метафора как средство достижения
политического конформизма****Metaphor as the means of political conformism achieving**

В данной статье метафора рассматривается как когнитивный механизм, способствующий достижению политического конформизма в американском обществе. Лингво-когнитивный анализ архетипических представлений о мире осуществляется на примере так называемых «мертвых» метафор, утративших свою образность и концептуализирующих политические события так, чтобы не «провоцировать» читателя на самостоятельное мышление, независимую оценку и объективный анализ окружающей реальности. Метафора, таким образом, может являться не только средством целенаправленного манипулирования общественным сознанием, но и способом достижения политической толерантности.

In this article metaphor is considered to be a cognitive mechanism, which works to achieve political conformism in the American society. The lingo-cognitive analysis of archetypical images of the world is realized on the examples of so-called “dead” metaphors, which have lost their image power and conceptualize the political events in order not to “provoke” a reader to think independently, to give their own assessment and objective analysis of the reality around. Thus, metaphor can serve to be not only the way of public conscience manipulation but the means of achieving political tolerance as well.

Ключевые слова: метафора, архетип, общественное сознание, когнитивный анализ, политические события, концептуализация, манипулирование сознанием.

Key words: metaphor, archetype, public conscience, cognitive analysis, political events, conceptualization, conscience manipulation.

Известны традиционные функции метафоры, заключающиеся в придании образности высказыванию, обеспечении познания и понимания окружающего мира и оказания целенаправленного воздействия на сознание реципиента. Менее распространена точка зрения, согласно которой метафора может рассматриваться как средство достижения политического конформизма.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы попытаться понять, насколько правомерна вышеупомянутая позиция и в чем заключается прагматическая ценность данного подхода.

Объектом исследования послужили речи американского политического лидера, президента Б. Обамы, посвященные его инаугу-

рации, позиции США, занимаемой в отношении двух государств – Ливии и Израиля, и лидера организации «Аль-Каида» Бен Ладена, ответственного за многочисленные террористические акты, осуществленные на территории США в последние десятилетия.

Предметом научного интереса стали, в первую очередь, так называемые «избитые» или «мертвые» метафоры, не вызывающие визуального образа, и воспринимаемые как обычные словосочетания.

Оказалось, что их количество составляет более 60% из общего числа метафор, используемых говорящим. Случайно ли это, и если нет, то каков прагматический смысл выбора автором речи метафор, не вносящих ясность в происходящее, а, скорее, наоборот, «усыпляющих» сознание реципиента?

Может быть, дело в том, что в наше время «текст на политическую тематику – это всегда некачественный, дурно написанный текст. А если в каких-то случаях данный факт не подтверждается, значит, это скорее исключение из правила, где автор, подобно бунтарю, выражает свою личную точку зрения, расходящуюся с "линией партии"? [1, с. 2].

Политический текст, по мнению писателя, как правило, «лишен ярких, неожиданных и оригинальных оборотов речи, зато полон устойчивых, ни о чем не говорящих словосочетаний, типа *iron heel* (железная пятка), *bloodstained tyranny* (кровавый деспотизм), *stand shoulder to shoulder* (стоять плечом к плечу), заставляющих мыслить общепринятыми, безжизненными и искусственными образами» [там же].

Чтобы согласиться или не согласиться с данным утверждением, обратимся к анализу метафорических образов, используемых президентом Б. Обамой в речи.

Наиболее репрезентативной в количественном отношении оказалась природная метафора. Так, сложности политической ситуации, имевшие место в США в разные исторические периоды, выражаются посредством таких словосочетаний как *“gathering clouds”* (сгущающиеся облака), *“raging storms”* (яростные шторма), *“ground has skittered beneath them”* (земля провалилась под ними), *“the still waters of peace”* (спокойные мирные воды), *“winter of our hardship”* (суровое время лишений), *“rising tides of prosperity”* (на волне растущего благосостояния), *“icy currents”* (ледяные течения) и т.д.

«Forty-four Americans have now taken the presidential oath. The words have been spoken during *rising tides of prosperity* and the *still waters of peace*. Yet, every so often the oath is taken amidst *gathering clouds and raging storms*» [2, с. 5].

«What the cynics fail to understand is that *the ground has shifted beneath them* – that the *stale political arguments* that have consumed us for so long no longer apply» [4, с. 3].

Обращение к архетипическим образам природных явлений есть апелляция к устойчивым представлениям любого человека об окружающем мире, независимо от его национальной, расовой, культур-

ной или религиозной принадлежности. Такое манипулирование «избитыми» фразами не может способствовать активизации мыслительной деятельности реципиента, как и не дает шанса интерпретатору «заподозрить» говорящего в излишней глубине и оригинальности суждений.

С точки зрения К. Юнга такие архетипы можно отнести к внеисторическим, вневременным представлениям, которые отражают конфликт как непреходящий атрибут развития человечества, неизбежный как любое природное явление, предотвратить или повлиять на которое невозможно в силу его объективности.

Следовательно, можно предположить, что имплицитный смысл использования такого рода «образов» заключается в том, чтобы «вложить» в сознание реципиента идею о невозможности повлиять на ход событий, происходящих в стране, и необходимости принять сложившиеся обстоятельства как данность.

На втором месте по частотности употребления так называемая метафора пути, довольно часто встречающаяся в текстах политического характера.

В речи американского президента используются такие словосочетания как “our journey” (2 раза), “peace is the path”, “chose the path”, “the long ragged path”, “the road that unfolds before us”, “turn back”, “move forward”, “the international community moved swiftly” и т.д., метафорическая природа которых раскрывается в ниже представленных контекстах.

“This is *the journey* we continue today” [3, с. 4].

“It is a hard-headed recognition that *a genuine peace is the only path* that will ultimately provide for a peaceful Palestine as the homeland of the Palestinian people and a Jewish state of Israel as the homeland of the Jewish people” [5, с. 4].

«*Our journey* has never been one of short-cuts or settling for less. *It has not been the path* for the faint-hearted – for those who prefer leisure over work, or seek only the pleasures of riches and fame. Rather, it has been the risk-takers, the doers, the makers of things – some celebrated but more often men and women obscure in their labor, who have carried us up *the long, rugged path towards prosperity and freedom*» [2, с. 6].

«Where the answer is yes, *we intend to move forward*. Where the answer is no, programs will end» [4, с. 3].

As we consider *the road that unfolds before us*, we remember with humble gratitude those brave Americans who, at this very hour, patrol far-off deserts and distant mountains” [4, с. 5].

«Qaddafi *chose the path* of brutal suppression» [4, с. 5].

«In the face of this injustice, the United States and the *international community moved swiftly*» [4, с. 6].

«*The world is moving too fast. The world is moving too fast. The extraordinary challenges facing Israel will only grow*» [5, с. 4].

Метафорическая концептуализация исторического развития страны актуализируется в этом случае посредством апелляции к другому архетипу – восприятию временных промежутков в терминах

пространства, что позволяет реципиенту осознавать историю страны (абстрактную категорию, осознаваемую в терминах времени) в виде материального объекта (пути, дороги), по которой можно перемещаться вперед или назад (развиваться или деградировать).

Та же архетипическая дихотомия (пространство есть время) наблюдается при использовании говорящим словосочетаний метафорического характера "shape the future" (формировать будущее), "days lie ahead" (дни «лежат» впереди) и т. д., «избитость» и смысловую пустоту которых трудно не заметить.

Представляется, что такая концептуализация, «встроенная» в сознание читателя с незапамятных времен, несомненно, облегчает работу его мозга, не давая пищи для появления каких-либо свежих мыслей и идей. Сознание читателя «пробуксовывает», так как никакой новой, требующей усвоения и достойной внимания информации он не получает.

Следующие метафорические словосочетания позволяют концептуализировать политические события в терминах азартной игры (или деловой сделки): "face challenge" (принять вызов), "struggle to win" (бороться, чтобы победить), "has a stake" (делать ставку в игре) и другие.

Приведем контексты, в которых данные словосочетания встречаются.

«Because we understand *the challenges Israel faces*, I and my Administration have made the security of Israel a priority. It's why we've increased cooperation between our militaries to unprecedented levels» [5, с. 2].

«*No one has a greater stake* in the outcome of events that are unfolding today than your generation, and it's inspiring to see you devote your time and energy to help *shape that future*» [5, с. 4].

Такая вербализация основана на общепринятом представлении о политике как об игре, в которой задействованы разные противоборствующие силы, каждая из которых стремится к реализации собственных интересов и достижению своих целей.

Какова прагматическая ценность подобного рода высказываний? Обращение к стереотипам, сформированных в общественном сознании на протяжении веков и заключающихся в том, что любая общественная деятельность носит характер игры, в которой ее участники делают ставки, разрабатывают некие тактику и стратегию, стремятся выиграть, переживают проигрыш и т. д.

Такая концептуализация политических событий не может вызывать сомнения у среднестатистического обычного человека, что позволяет ему неосознанно прийти к выводу, что президент говорит правду, ему можно верить, так как его утверждения истинны, на что, вероятно, и рассчитывает говорящий, осуществляющий выбор данных метафорических образов.

Подведем некоторые итоги. Приведенные примеры метафор, большинство из которых, несомненно, принадлежат к разряду «черствых» (stale) или «мертвых» (dead) метафор, характеризуют политические события таким образом, чтобы не провоцировать читателя на самостоятельное мышление, независимую оценку и когнитивный анализ сложившихся обстоятельств.

Трудно сказать насколько сознательно выступающий подходит к выбору подобных языковых средств. Но этот вопрос и не является предметом нашего интереса, так как выходит за пределы компетенции лингвистической науки.

Независимо от того, является ли выбор вербальных средств результатом сознательного политического манипулирования общественным сознанием либо характеризует оратора как человека, не вполне вникающего в смысл того, что он говорит, эффект его выступлений очевиден – они способствуют достижению политического конформизма, что в значительной степени происходит благодаря использованию им в речи архетипических метафор, «работающих» в этом случае на достижение социальной толерантности в обществе.

Список литературы

1. Дж. Оруэлл Политика и английский язык. Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 280–294. <http://philology.ru/linguistics1/orwell-06.htm>
2. Barack Obama First Presidential Inaugural Address "What is Required: The Price and the Promise of Citizenship", Delivered 20 January 2009 <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches>
3. Barack Obama Announces the Death of Osama Bin Laden, delivered 1 May 2011 <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches>
4. Barack Obama Address on Libya, delivered 18 March 2011 <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches>
5. Barack Obama Address to the American-Israel Public Affairs Committee , delivered 22 May 2011, Walter E. Washington Convention Center, Washington <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches>

**Перспективы изучения значения и референции
категории оценки в рамках когнитивной семантики**

**Perspectives for studying the meaning and reference
of the category of estimation as a part of cognitive semantics**

В статье рассматриваются преимущества и перспективы когнитивного подхода для изучения значения и референции категории, главной отличительной чертой которого является антропоцентрическая направленность, где познающий субъект наделен активной ролью в создании значения выражений.

The article discusses the advantages and perspectives of the cognitive approach for studying the meaning and reference of the category of estimation, the main feature of which is the anthropocentric orientation, where the knowing subject is endowed with an active role in the creation of the word meaning.

Ключевые слова: когнитивная семантика, значение и референция слова, антропоцентрический подход, категория оценки.

Key words: cognitive semantics, the meaning and reference of a word, anthropocentric approach, category of assessment.

На современном этапе когнитивный подход находит приложение в самых разнообразных областях лингвистики. Тем не менее, все направления когнитивных исследований объединяет стремление дать языковым фактам и категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают. В когнитивных исследованиях по лингвистике на первом плане находятся: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования языковых знаний.

В связи с этим когнитивная лингвистика решает следующие задачи:

- 1) репрезентация ментальных механизмов освоения языка и принципы их структурирования;
- 2) изучение когнитивных механизмов продуцирования и восприятия.

Характерной чертой когнитивной науки является ее междисциплинарность, поскольку здесь интегрируются результаты исследований ученых разных специальностей. Е.С. Кубрякова пишет о

когнитивной науке, которая представляет собой «не столько науку с точным представлением об объектах, которые она пытается анализировать, сколько «зонтиковый» термин, покрывающий собранные под «зонтиком» дисциплины для реализации ими особой междисциплинарной программы: изучения процессов, так или иначе связанных со знанием и информацией» [7, с. 35].

Следует отметить, что когнитивное направление не является преимущественным правом лингвистической науки, в рамках этого подхода происходит переориентация многих традиционных философских, логических, психологических проблем. Когнитивная лингвистика возникла в рамках когнитивной науки или когнитологии, прошедшей двадцатилетний период становления. Появившись на стыке разных научных направлений, когнитология сформировала свой подход сначала в рамках психологии, а затем и лингвистики, дав в итоге новые специализации – когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, а затем и ряд других когнитивных дисциплин.

Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются при этом сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов. Лингвистический анализ, с точки зрения сторонников когнитивной лингвистики, должен учитывать не только языковое поведение как таковое, но и психические процессы, диктующие соответствующее поведение.

По словам В.З. Демьянкова, в рамках когнитивизма «человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач» [5, с. 17]. Когнитивная наука направлена на изучение познания как процесса получения и интерпретации информации знания – результата данного процесса, репрезентированного в сознании человека в виде неких структур.

Одним из относительно новых направлений в когнитивной лингвистике является когнитивная лексикология, которая занимается изучением проблем, связанных с когнитивными аспектами формирования и использования лексического значения.

Тема настоящего исследования относится к когнитивной семантике, в одну из задач которой входит рассмотрение особенностей отражения **смысловых оценочных структур** в значениях слов. Целый ряд лингвистических проблем получает новое решение

в силу их освещения с когнитивной точки зрения, проблема значения и референции не является исключением.

Изменения в характере семантических исследований связаны с изучением соотношения значения со знаниями в картине мира индивида, мышлением и действительностью, особенностями представления структуры значения в сознании носителей языка. В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова указывают на существование вариативных направлений в рассмотрении этого вопроса. «В активно разрабатываемой области семантики предлагаются разные варианты когнитивных ее версий – прототипическая семантика, концептуальная семантика, фреймовая семантика» [9, с. 36]. Общей характеристикой для всех видов когнитивной семантики является антропоцентрическая направленность, где познающий субъект наделен **активной ролью в создании значения выражений**.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» когнитивная семантика определяется, как «эксплицитная, эмпирически заземленная субъективистская, или концептуалистская теория значения, в которой принимается, что значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый «концептуализатором» при рассмотрении ситуации и для выразительного портретирования ее» [там же]. Таким образом, теория значения, предлагаемая когнитивной семантикой, опирается на опыт, знания и намерения «концептуализатора» и способы представления их в семантике слов.

Методы когнитивной семантики ориентированы во многом на рассмотрение отдельных коммуникативных ситуаций, на изучение значения в динамике, поскольку в различных условиях речевого общения актуализацию получает большее количество семантических компонентов слова, нежели это представлено в описании значения в словарях. Г.В. Гафарова и Г.А. Кильдибекова отмечают, что «когнитивный подход опирается на выявление всех типов знаний, связанных с потребностями коммуникативной деятельности и заложенных в структуре слов, и позволяет обнаружить взаимосвязь разнообразных и разноаспектных концептов в их смысловой структуре». Благодаря такому подходу становится возможным выделить в лексическом значении «качественно новые компоненты, которые предопределяют функционирование языковых элементов» [4, с. 43].

Одним из методов выявления семантических пространств индивида как самостоятельной языковой личности или как среднего носителя языка является ассоциативный эксперимент. Отмечая двунаправленность этого метода, Е.В. Лукашевич пишет: «результаты ассоциативного эксперимента отражают как универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и

индивидуальные особенности испытуемых, содержание их личностных смыслов, позволяя таким образом получить данные о специфике этнического сознания, ментальности...» [10, с. 91].

Характерным для исследований в рамках традиционной семантики был метод компонентного анализа семантической структуры слова. Однако для когнитивной семантики, учитывая специфику ее подхода к изучению значения, этот метод не является полностью удовлетворительным. Е.Г. Беляевская так комментирует недостатки, связанные с использованием данного метода: «Несмотря на многие свои положительные стороны, компонентный анализ имеет ряд существенных недостатков – он в большинстве случаев не дает возможности выявить различия между синонимами, позволяет зарегистрировать, но не объяснить принципы контекстуального варьирования семантики единицы и, кроме того, он практически неприменим к изучению семантических приращений, возникающих в речи и обуславливающих ситуационную семантическую индивидуальность высказывания» [2, с. 8].

Но, несмотря на критику компонентного анализа, когнитивная семантика не отрицает его полностью, дополняя его другими методами. В ходе рассмотрения эффективности компонентного анализа Е.Г. Беляевская говорит о том, что недостатки этого метода можно преодолеть посредством обращения к глубинному когнитивному уровню семантики языковых единиц. Под когнитивным уровнем семантики понимается «уровень ментальных сущностей, составляющих основу семантики единиц», структурирующих их смысловое содержание. Этот уровень предполагает наличие когнитивных структур разных типов, которые можно определить как концепты в самом общем значении.

Таким образом, когнитивная семантика предстает как общая теория концептуализации и категоризации, в этом проявлении она «междисциплинарна, не ограничивается только лингвистическим аспектом, а потому вступает в соприкосновение с современными эпистемологическими концепциями...» [9, с. 39]. Связь с эпистемологическими концепциями вполне закономерна, так как концептуализация представляет собой «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в понятийной классификации поступающей к нему информации» [4, с. 26].

Язык – это не просто изолированная система, включающая набор слов с их значениями и правила построения предложений, но и система, которая отражает социокультурные характеристики его носителей. В языке проявляется специфика восприятия окружающей действительности как индивидуальным, так и коллективным сознанием. С точки зрения когнитивного подхода, человеческое мышление – это механизм обработки знаний, где все индивидуаль-

ное знание коммуникантов рассматривается как динамическая концептуальная система, которая непрерывно конструируется и модифицируется [Демьянков, 1999, Кубрякова, 2004, Langacker, 1987 и др.].

В последнее время для современных лингвистических исследований стало характерным обращение к анализу конкретных лексических единиц с целью изучения когнитивных аспектов их семантики. Это объясняется тем фактом, что лексические единицы представляют собой элементы народного сознания, в которых откладывается, аккумулируется общественно-историческая практика людей, способствуя выявлению специфики коллективного знания о определенной сфере, языковое выражение которого в дальнейшем закрепляется в словарях.

Изучение когнитивной деятельности человека в ее лингвистической репрезентации становится все более актуальным, что подтверждается большим количеством очень широких и глубоких исследований, появившихся в последнее время. По словам Е.С. Кубряковой, «язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [8, с. 9]. Когнитивная лингвистика направлена на изучение соотношения когнитивных и языковых структур, что предоставляет возможность понять, как отражено в сознании человека его видение мира и его оценки.

В жизни, как отдельного человека, так и группы людей могут возникать ситуации, когда взаимопонимание оказывается проблематичным. Даже при условии, что общение осуществляется между носителями одного языка, порой приходится прикладывать определенные усилия, чтобы донести свою мысль до собеседника без «потерь». По словам Н.И. Жинкина: «Каждый принимает речь в своих собственных словах. Личный языковой опыт у каждого человека отличен от другого. Сложившийся у каждого словарь и оттенки значения слов своеобразны» [6, с. 328].

В процессе коммуникации осуществляется перекодировка – подбор подходящих лексических единиц, наиболее точно отражающих все оттенки смысла в конкретной ситуации согласно представлению говорящего. Затруднения могут быть вызваны тем, что семантическое наполнение одних и тех же слов относительно индивидуально даже в пределах одной социо-культурной группы. Безусловно, словарные дефиниции слова не будут разительно отличаться, но для отдельно взятого индивидуума отрезок знания – концепт, вербализуемый этой лексемой, связан с определенным сенсорным опытом, ассоциатами, отличными от имеющихся у других носителей языка. Таким образом, адресанту для осуществления

продуктивного общения при перекодировке с ментального языка на язык словесный необходимо учитывать по возможности, как личностные характеристики, так и фоновые знания собеседника.

Задача построения эффективного диалога еще более усложняется, если речь идет о межнациональном общении. Язык – это не просто изолированная система, включающая набор слов с их значениями и правила построения предложений, но и система, которая отражает этнокультурные характеристики его носителей. В языке проявляется специфика восприятия и оценки окружающей действительности данным этносом. Несовпадения в видении мира у разных народов обусловлены во многом различиями во внешних условиях их существования.

На формирование представлений об окружающей действительности оказывают влияние географические, климатические условия проживания, исторические условия формирования и развития этноса, коллективный исторический опыт членов этнической группы. Все эти факторы играют значительную роль в становлении этнонациональной ментальности, которая в свою очередь находит отражение в национальном языке. «В этнической ментальности в концентрированном виде выражаются основные элементы этнической культуры и этнического сознания и самосознания. Она включает в себя образы мира, мировоззренческие и ценностные установки в этнической сфере, этнические стереотипы...» [1, с. 13].

Рассматривая вопрос о соотношении языка и мышления, один из последователей идей Вильгельма фон Гумбольдта Лео Вайсгербер ввел понятие «языковая картина мира» [3]. Языковая картина мира представляет собой материальный, знаковый способ отражения того, как воспринимается и интерпретируется объективная действительность человеческим сознанием или этнонациональным сознанием. Каждый естественный язык предлагает «свою» языковую картину мира, которая при наличии сугубо индивидуальных характеристик обладает, безусловно, и универсальными, что обеспечивает возможность межнационального общения, возможность обучения иностранным языкам. В последнее время предпринимаются активные попытки реконструкции отдельных фрагментов национальных картин мира, так как именно языковая картина мира в большой степени приоткрывает область сознания.

Представляется целесообразным обращение к анализу ключевых концептов и способов их объективации в языке, так как это будет, с одной стороны, способствовать повышению понимания национально-культурную специфику отдельного этноса, а, с другой стороны, минимизировать возможные сложности, связанные с пониманием в процессе межкультурной коммуникации.

Оценка представляет собой один из таких ключевых универсальных концептов, аккумулирующий и репрезентирующий в языке опыт социального взаимодействия как всего человечества в целом, так и специфику отдельного этноса, в частности. Когнитивное по своей природе оценочное значение обладает интерпретационным характером. Его следует понимать, как информацию, содержащую сведения о ценностном отношении субъекта речи к другому субъекту, выделенному относительно характера их взаимосвязи» [12, с. 9]. Под ... следует понимать закрепленное в языке значение выражать различные грани межличностных отношений в процессе социализации, их номинаций «с позиций устойчивых, постоянных свойств, а не случайных и временных» [там же].

Как когнитивная категория оценки тесно связана с процедурой естественного вывода. При этом основой оценочных инференций служат знания о мире, о ситуации общения, а также знания о лексических, синтаксических, стилистических языковых средствах репрезентации оценки. Когнитивный подход позволяет увидеть особенности формирования ментального образа ценности и его языковых репрезентантов как особого когнитивного процесса в контексте понятий конструирования, то есть построения с помощью языковых средств образа объекта в языке и дискурсе – в том числе по оценочному признаку в ходе оценочной категоризации и концептуализации [13, с. 115]. Кроме того, когнитивный подход к исследованию оценки может способствовать не только раскрытию познавательных возможностей оценочных средств, но дать возможность выявить устойчивые связи между когнитивными структурами, которые объективируются в языке, с одной стороны, и оценочными значениями, с другой.

«Оценка, пользующаяся на протяжении многих десятилетий пристальным вниманием различных дисциплин, приобретает с выходом ее на лингвокогнитивный уровень изучения новый статус – статус концептуальной сущности, входящей в систему когнитивных схем осмысления мира и являющей собой форму осознания и внешнего представления ценности. Существовая в границах «возможного мира», оценка находит, прежде всего, в языке способ своего актуального существования, получая свою экстерииоризацию в слове как оценочное значение и в высказывании – как оценочный смысл» [11, с. 4].

Таким образом, когнитивный подход при анализе и описании лексической системы языка выводит на качественно новый уровень осмысления связи между денотатом и называющим его знаком, когда говорящий получает возможность формировать и индивидуальную, и социальную языковую картину мира на тех основаниях, которые позволяют наиболее адекватно включиться в понимание национальной специфики лексической системы конкретного языка.

Список литературы

1. Авксентьев В.А. Феномен этнической ментальности: к методологии анализа // Этнонациональная ментальность в художественной литературе: материалы всерос. научн. конф. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 10–15.
2. Беляевская Е.Г. Принципы когнитивных исследований: проблема моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика: материалы второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 11–14 сентября 2000. – Ч. 1. – Тамбов, 2000. – 244 с.
3. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Гафарова Г.В., Кильдибекова Г.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка. – Уфа: Башк. ун-т, 1998. – 182 с.
5. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
6. Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи // Язык-речь-творчество: избр. тр. – М.: Лабиринт, 1998. – 366 с.
7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004. – 555 с.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. др. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
10. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: Эволюционно-прогностический подход. – Москва-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 233 с.
11. Солодилова И.А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы): автореф. дис. ... док. филол. наук / И.А. Солодилова. – Уфа, 2014. – 44 с.
12. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Казань, 2008. – 24 с.
13. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.

Концепт «язык» в «риторическом цикле» сочинений Цицерона
Concept “language” in Cicero’s rhetoric works

В статье рассматривается ряд относительно малоизученных аспектов лингвистических воззрений выдающегося представителя античной риторики Марка Туллия Цицерона. Отдельное внимание уделено его представлениям об обучении языку, проблемам «чистоты языка», а также языковой нормы и аномалии. Сделанные выводы представляет интерес для исследователей в области античных лингвистических учений.

The article discusses a number of relatively little-known aspects of Marcus Tullius Cicero’s linguistic views. Special attention is paid to his ideas about language learning, issues of "purity of language", as well as linguistic norms and anomalies. These conclusions are of interest to researchers in the field of ancient linguistic thought.

Ключевые слова: Цицерон, язык, речь, lingua latina, протолингвистика, аналогия, античная риторика.

Key words: Cicero, language, speech, lingua latina, protolinguistics, analogy, ancient rhetoric.

Марк Туллий Цицерон, будучи одной из знаковых, «иконических» персоналий античной эпохи, оставил след, внес вклад, приложил руку и перо к самым разнообразным областям общественной и политической жизни: как непримиримый судебный защитник, яркий форумный оратор, изощренный политик, и, наконец – незаурядный мыслитель. Кипучее трудолюбие и живой интерес к социальной действительности не могли не наложить своего отпечатка на интеллектуальное наследие Цицерона, выгодно отличающееся от «высокой» греческой философии своей «прикладной» направленностью [см. 2, 3]. В данном случае в сочинениях Цицерона особенно ярко проявляется утилитарный характер римского мировоззрения, рассматривающего философские штудии, в первую очередь, в качестве инструмента разрешения прикладных задач социальной жизни.

Не являются исключением в данном случае и те сочинения Цицерона, которые касаются различных аспектов функционирования языка и речи, внося, тем самым, вклад в историю языкознания [см. 4, 5, 6]. Трактаты De inventione, De Oratore, Orator, Brutus, Topica, De optimo genere oratorum не преследуют своей целью подробно-детальное описание структуры и грамматических принципов латин-

ского языка, как в случае с сочинением современника Цицерона, Марка Терренция Варрона «О латинском языке» (Varr. De Ling. Lat. V–X). Не являются они и попыткой философского осмысления языковых явлений, как это сделал другой мыслитель I в. до н.э., философ-эпикурец Тит Лукреций Кар в заключительной главе своего трактата «О природе вещей» (Lucret. De Rer. Nat. V. 1028–1090). «Риторический цикл» трактатов Цицерона призван, в первую очередь, стать прикладным пособием для будущего оратора [11, с. 92–135] как судебного защитника в гражданских и уголовных делах, пользующегося живым словом не в тиши тускуланской виллы, не в кругу единомышленников по платоновской академии, но как закаленным в форумных дискуссиях прикладным инструментом воздействия на умы и чувства людей.

Несмотря на вышесказанное, отдельные аспекты лингвистической теории не могли не найти своего отражения в риторическом цикле работ Цицерона: особенно, это касается столь близкой античному языкознанию лексикологии, отдельных аспектов фонетики и морфологии, а также функций языка и социальных аспектов речи. Однако рассмотрение им данных сюжетов, в свою очередь, неизбежно следует все той же утилитарной цели – ретранслировать в сознание будущих поколений накопленный прикладной опыт одного из наиболее талантливых и самобытных ораторов не только античной цивилизации, но, возможно, – всей человеческой истории.

Как известно [12, с. 3], античная протолингвистика слабо интересовалась языком как «цельным» явлением, специфической знаковой системой взаимосвязанных и взаимозависимых структурных элементов. Подобное представление, будучи плодом лингвистических изысканий более поздних исторических эпох, было, в общем, чуждо античным авторам. В каком-то смысле, их отношение к языку было сугубо номиналистическим – слово («имя вещи») рассматривалось как самодостаточная языковая единица, составная часть языкового «агрегата», своеобразной механической совокупности «имен». Будучи «плоть от плоти» эллинистической языковедческой традиции, Цицерон также не является исключением – концепт «язык» (*lingua*), знакомый римскому мыслителю, и являющийся неотъемлемой составной частью его риторического и социально-философского лексикона, не представляет, однако, для Марка Туллия самостоятельной ценности как особый предмет изучения. Тем не менее, безусловный интерес представляют отдельные суждения Цицерона о латинском языке, приведенные в разделе трактата *De Oratore*, посвященном, так называемому, «словесному выражению» речи (Cic. De Orat., 3, 38–51), своеобразным базовым требованиям, предъявляемым к используемым оратором лексическим средствам. По утверждению М.Л. Гаспарова эллинистическая традиция (начи-

ная, вероятно, с Феофраста) предъявляла к таковым четыре основных требования: ясность (σαφήνεια, *plana elocutio*), правильность (ἑλληνισμός, *latinitas*), уместность (πρέπον, *decorum*), пышность (κατασκευή, *ornatus*) [9, с. 22]. Для рассматриваемой тематики представляют ценность, главным образом, аргументы Цицерона в пользу сохранения «чистоты» и «правильности» латинского языка. Рассмотрим их более подробно.

Являясь, наряду с Цезарем, одним из признанных создателей «классического» латинского языка, Цицерон горячо отстаивает чистоту и «правильность» языковой нормы, обучение которой является неизменным свойством и первейшей обязанностью любого оратора: «мы не можем надеяться, чтобы тот, кто не владеет чистым латинским языком, говорил на нем изящно» (Cic. *De Orat.*, 3, 38). Владение языком – неизменный атрибут не только для оратора, но и вообще, любого образованного гражданина, ведь в противном случае подобного невежественного «ритора» на римском форуме и вовсе «ни считают за человека» (Cic. *De Orat.*, 3, 52). Навыки владения латинским языком необходимы «для того, чтобы люди понимали друг друга, и необходимы настолько, что это – самое элементарное требование из предъявляемых оратору» (*Ibid.*). Таким образом, коммуникативная функция языка представляется Цицерону достаточно самоочевидной.

Язык, по мнению Цицерона, хотя и «приобретается» в детстве, не является врожденным свойством человеческой природы, обучение языку происходит лишь в процессе «освоения грамоты», и развивается в дальнейшем в течении всей жизни вследствие постоянной тренировки и самосовершенствования, а также систематического чтения литературных произведений, приобщения к творчеству выдающихся ораторов и поэтов прошлого (Cic. *De Orat.*, 3, 48). Владение языком для Цицерона – своеобразный навык, развитие и совершенствование которого является самоочевидной задачей любого, кто желает вступить на поприще публичных коммуникаций (*Ibid.* 42).

Первым критерием, предъявляемый Цицероном (вслед за своими учителями – эллинистическими риториками) к грамотной речи является ее «правильность» (*latinitas*). Залогом успеха в ораторском искусстве, по мнению римского мыслителя, является безупречное соблюдение правил грамматики, правильное и корректное использование падежей, времен, рода и числа в соответствии с языковой нормой (*Ibid.* 40). То же самое касается фонетики и дикции (*Ibid.* 41). В языкознании Цицерона прослеживается также интерес к отдельным направлениям предметной сферы социолингвистики. В частности, определенный интерес представляют рассуждения римского автора относительно различных вариантов произношения. В *De*

Oratore он приводит примеры «мужицкого» произношения, которым, по его мнению, незаслуженно злоупотребляют некоторые ораторы.

Носителями языковой нормы латинского языка выступают, в первую очередь, граждане Рима, носители определенного специфического «говора» свойственного римскому народу и его столице (Cic. De Orat., 44). Будучи «нормативным», этот говор «не режет слух, не вызывает неудовольствия, не навлекает упрека, не содержит чуждого звука и привкуса. Этот говор мы и усвоим, стараясь избегать не только мужицкой грубости, но и чужеземных особенностей» (Ibid.). Закреплению и сохранению языковой нормы способствуют, в основном, представители старшего поколения – Цицерон приводит симптоматичный пример «говора» своей тещи Лелии, сохраняющую «старинную манеру говорить» (Cic. De Orat., 45). В свою очередь, разрушителями языковой традиции выступают, с одной стороны, форумная чернь («толпа» (*multitudo*), ненавидимая и презираемая Цицероном), с другой же – отдельные непросвещенные ораторы (Cic. De Orat., 46), потакающие ее грубым вкусам. Речь последних Цицерон характеризует как излишне «мужицкую», «грубую», «жесткую», противопоставляя им «сжатость» и «мягкость» (Ibid.) выговора, характерного для древних ораторов. Вполне очевидно, что имея в распоряжении достаточно примитивные средства письменной фиксации тех или иных фонем (напомним, что античность еще не разделяла понятий «буква» и «звук» [12, с. 11]), римский мыслитель не имеет возможности более глубоко развить свои рассуждения относительно фонетической «чистоты» классического латинского говора (типичный пример – упрек, предъявляемый одному из участников диалога, который, якобы, выговаривает звук «е» вместо «i» (Cic. De Orat., 3, 46)), однако его внимание к данному вопросу, на наш взгляд, не может не вызвать интереса.

Второе требование, предъявляемое Цицероном к «словесному выражению» речи (ясность, *plana elocutio*) касается лексической составляющей лингвистического арсенала идеального ратора. Цицерон не считает, что оратор имеет право злоупотреблять излишней свободой в выборе лексических средств. В известном споре между сторонниками аналогии и аномалии [см. напр. 1, р. 30–40] Цицерон горячо выступает на стороне последних. Не приемля вполне ретроградских доводов аналогистов, римский мыслитель протестует против увлечения устаревшими словами и оборотами в публичной речи: «не следует пользоваться теми словами, которые уже вышли из употребления, разве только изредка и осторожно, ради украшения» (Ibid.). Римский мыслитель неодобрительно отзывается о склонности отдельных авторов к излишнему использованию архаичных, «диких», выходящих из активного употребления слов (очевидный упрек в адрес сторонников аналогизма), требуя, чтобы

оратор избегал двусмысленностей и малопонятных форумной публике выражений: «пользуясь словами употребительными и точно выражающими то, что мы хотим обозначить и изобразить, без двусмысленности, как в отдельных словах, так и в связной речи» (Cic. De Orat., 3, 49).

Подводя итог рассмотренному сюжету отметим, что высказывания Цицерона относительно латинского языка, несмотря на определенную бессистемность и эклектичность, на наш взгляд, не только представляют собой безусловный вклад в античное языкознание, но позволяют современному исследователю более глубоко проникнуть в представления римлян о фонетической и лексической языковой норме конкретного исторического периода.

Список литературы

1. Douglas A. E. Cicero, Quintilian, and the Canon of Ten Attic Orators // *Mnemosyne*. – Vol. 9. – 1956. – P. 30–40.
2. Fantham E. *The Roman World of Cicero's De Oratore*. – Oxford, 2004.
3. Grant W. Cicero on the Moral Character of the Orator // *CJ*. 1943. – Vol. 38. – № 8. – P. 472–478.
4. Hall J. Cicero and Quintilian on the Oratorical Use of Hand Gestures // *CQ*. 2004. – Vol. 54. – № 1. – P. 143–160.
5. Hall J. Persuasive Design in Cicero's "De Oratore" // *Phoenix*. 1994. – Vol. 48. – № 3. – P. 210–225.
6. Meador P.A. Rhetoric and Humanism in Cicero // *Philosophy & Rhetoric*. – № 3. 1970. – P. 1–12.
7. Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004.
8. Schuetrump E. Platonic Elements in the Structure of Cicero, De oratore Book I // *Rhetorica*. 1988. – № 6. – P. 237–258.
9. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика. // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972. – С. 7–73.
10. Дератани Н.Ф. К вопросу об исторической обусловленности образа оратора у Цицерона // Цицерон. 2000 лет со времени смерти: сб. ст. – М., 1959. – С. 55–71.
11. Кузнецова Т. И. Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. – М., 1976. – С. 92–135.
12. Тронский И. М. Проблема языка в античной науке // *Античные теории языка и стиля* / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М.; Л., 1936. – С. 7–23.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

THE THEORY OF DISCOURSE AND LANGUAGE STYLES

УДК 81'42

Ю. В. Гулясев
Yu. V. Gilyasev

К вопросу о статусе текстов по популярной психологии

The status of texts on popular psychology revisited

В статье поднимается вопрос о статусе текстов по популярной (новой) психологии и их места в функционально-стилевой классификации текстов. В качестве материала исследования взяты англоязычные тексты 3 работ американских психологов-метафизиков. Анализу подвергается структурная, содержательная и лингвистическая составляющие работ.

Stylistic identification of texts on popular psychology as well as their typological features become the focal point of the article. The primary sources of the study are 3 works of American metaphysicians addressing certain psychological issues. The analysis concerns the structure, content and language of those texts.

Ключевые слова: научно-популярный текст, популярная психология, функциональные стили, структура текста, риторический дискурс, речевые средства изобразительности, речевые средства выразительности.

Key words: popular science, typology of texts, popular psychology, language of metaphysics, self-help books, text structure, text content.

Большинство исследователей текста сходятся во мнении, что научный стиль изложения включает в себя несколько функциональных подстилей, номенклатура которых ясно демонстрирует предназначение каждого из них. Однако в современной лингвистике постоянно появляются новые работы, посвященные научно-популярному тексту как самостоятельному типу, отличному в своем выражении от текстов сугубо научного характера. Свидетельством тому могут служить результаты наблюдений отечественных языковедов В.Ю. Иваницкого, В.Е. Чернявской, Г.Ю. Гришечкиной, М.Н. Никоновой, Э.А. Лазаревич, Н.Н. Маевского и др. Согласно доказательствам, приводимым вышеперечисленными учеными, в группу научно-популярных текстов попадают совершенно различные по форме и содержанию образцы – от книжных аннотаций до популярных энциклопедий. В каждом отдельном случае при анализе структурного и содержательного компонента текста можно обнаружить основные черты научно-популярного стиля. Особый лингви-

стический интерес представляют работы по популярной (новой) психологии, заметно отличающиеся от классических научных произведений, адаптированных для широкого круга лиц. В данной статье поднимается вопрос о функционально-стилевом статусе текстов по популярной психологии, а в качестве материала исследования рассматриваются соответствующие произведения американских авторов.

Общеизвестно, что основной целью научно-популярных текстов является популяризация научных знаний среди лиц, несведущих в определенном вопросе. Считается, что «популярно изложенное научное знание нельзя рассматривать как неквалифицированное, когда имеет место сообщение истинных, достоверных результатов, данных, заключений, полученных в ходе объективных научных исследований, но освобожденных при изложении неспециалисту от системно-связующего контекста» [5, с. 42].

Обращаясь к практической стороне дела, можно констатировать, что многие работы современных американских психологов-метафизиков формально содержат в себе свойства и характеристики, традиционно приписываемые научно-популярной литературе. Это соответствие выявляется на структурном, содержательном и языковом уровне.

По наблюдению Г.Ю. Гришечкиной, «научно-популярные произведения в своем подавляющем большинстве имеют предтексты двух видов» [2, с. 106]. Здесь идет речь о кратких аннотациях, размещаемых непосредственно в книге либо на обложке издания, и предисловиях от лица автора. Наличие данного структурного элемента можно обнаружить в следующих работах, взятых для анализа: «Искусство широкого мышления» (The Magic of Thinking Big) Дэвида Шварца, «Я создаю свой опыт. Волны созидания» (I Am Creating My Own Experience: The Creation Vibration) Барри Томаса Бечеты, «Притягивай деньги *сейчас*» (Attract Money Now) Джо Витале. Все три издания снабжены подобными предтекстами, адресованными непосвященному читателю, который знакомится с книгой впервые. Как и все книги самопомощи, письменные труды, относящиеся к области новой психологии, носят максимально прагматический характер, что явствует из предисловий и обращений автора к читателю, размещенных на первых страницах.

Основная часть научно-популярного текста является обязательной и чаще всего имеет деление на главы, разделы, параграфы. Таким образом обеспечивается связность и логичность содержательных блоков текста, которые становятся одним из первостепенных средств доказательности и убедительности приводимых рассуждений и умозаключений. Во всех трех произведениях, взятых в качестве примеров научно-популярного текста по новой

психологии, четко выделяются главы и подразделы как внутри оглавления, так и в структуре основного текстового массива.

Важнейшим элементом структурно-композиционной организации научного-популярного текста, как, впрочем, и любого другого типа текста, становится заглавие. Авторам соответствующих работ необходимо заинтересовать неподготовленного читателя, не создавая при этом стереотипного впечатления академической монументальности и недоступности для восприятия, которые зачастую ассоциируются с серьезными, сугубо научными трудами. По замечанию Г.Ю. Гришечкиной, заглавия научно-популярных произведений выделяются своей эмоционально-экспрессивной окрашенностью, поскольку их «рекламная» функция по сравнению с информативной и номинативной выходит на первый план» [2, с. 111]. При этом каждая из частей или подразделов также могут иметь яркие в стилевом отношении заголовки.

Данную особенность можно наблюдать и в выбранных для анализа текстах. В названии книги Дэвида Шварца главным фактором аттракции служит лексема *magic*, сразу настраивающая читателя на увлекательность повествования, свойственного всем сказочным и выдуманным историям. Учитывая, что речь идет все-таки о научном знании, лексическая единица типа *magic* выглядит несообразной жанру в контексте объективных знаний о реальной действительности и, таким образом, становится стилистически маркированной.

В практическом пособии по психологии Барри Томаса Бечеты нетипичное сочетание лексем *creation, vibration, experience* вызывает интерес к поставленной проблеме, а употребление личного местоимения I указывает на личностную ориентацию приводимых в книге рассуждений и умозаключений, предлагаемых читателю в качестве частного опыта, что, несомненно, имеет большой прагматический эффект. Вместе с тем, представляя исследование с позиции собственных наблюдений, автор нивелирует степень научности своей работы, переводя ее в разряд публицистической литературы.

Побудительное наклонение в названии книги «Притягивай деньги *сейчас*» явным образом стимулирует к прочтению работы Джо Витале, а контактное расположение лексем *money* и *now* еще больше увеличивает интерес к теме. Курсивное выделение слова *now* играет здесь также немаловажную роль, усиливая воздействие содержательной стороны заглавия.

Основной текст всех трех работ, как указано выше, делится на разделы и главы. Здесь авторы также прибегают к употреблению экспрессивных заголовков (ср.: *Build Confidence and Destroy Fear, Joy Is My Compass, Prosperous Spending*). В.Е. Чернявская подчеркивает, что выразительность научной речи является одним из существенных признаков научно-популярного формулирования [5, с. 45].

Анализируя содержательную сторону текстового материала, взятого в качестве примеров научно-популярной литературы, необходимо выделить наличие в них стилеобразующих черт.

Прежде всего, стоит иметь в виду, что «в некоторых научно-популярных текстах образная, занимательная составляющая является доминирующей, а научный компонент сведен к минимуму» [2, с. 81]. Отсюда, неудивительно, что в работах по новой психологии можно найти минимум фактической научной информации, полученной опытным или теоретическим путем самим автором или его предшественниками. В.Е. Чернявская верно подмечает, что в такого рода текстах «отсутствует система ссылок, сносок, библиографический аппарат. Источники информации обозначаются через приблизительные указания» [5, с. 43].

Так, в работе Д. Шварца находим: «In the next ten years the increase is conservatively estimated at 35 million. That's equal to the present combined metropolitan population of our five biggest cities: New York, Chicago, Los Angeles, Detroit, and Philadelphia» [7, с. 19]. Дж. Витале пишет: «The belief that money is evil actually stems from a Biblical reference stating that “the love of money is the root of all kinds of evil» [8, с. 33]. В работе Б.Т. Бечеты очевидных ссылок на прецедентные источники или научные данные обнаружить не удалось [6].

В подавляющем большинстве случаев авторы книг по новой психологии приводят в качестве доказательств правомерности сделанных заявлений примеры из личной практики, а также свидетельства из жизненного опыта знакомых и коллег: «When our discussions turned to getting ahead in life, W.W. was right there with his moneymaking formula» [7, с. 152], «After the service, a fellow came up to me and told me...» [6, с. 6], «It's a word my friend David Garfinkel coined to explain an amazing process for attracting whatever you want – even money» [8, с. 75].

Отсутствие эксплицитно выраженных ссылок и научно-обоснованных наблюдений в отдельных научно-популярных текстах по практической и популярной психологии можно объяснить тем фактом, что их адресаты воспринимают авторов как высокоавторитетный источник информации. «Читатели подобных текстов не испытывают острой потребности в обосновании истинности передаваемых им сведений» [1, с. 32]. Авторитет психологов подкрепляется наличием докторской степени (PhD), обычно указываемой в аннотации или приложении к тексту. В частности, на титульном листе книг Д. Шварца и Дж. Витале упоминается ученая степень авторов, что несомненно прибавляет научной весомости печатным трудам, представляемым неискушенному читателю.

Еще одним признаком научно-популярного текста можно считать использование шрифтового выделения. Данным средством

активно пользуются практически все составители работ по новой психологии. Наличие курсива находим в заглавии книги Дж. Витале. Смысловыделительная функция жирного шрифта сочетается с экспрессивной функцией заглавных букв в предложении из текста другого источника: «I Live what I Give to life **Right Now**» [6, с. 38]. Контрастное противопоставление слов, выделенных курсивом, усиливает их позиционную взаимосвязь в третьем случае: «Most of them seem to define the word *success* as synonymous with *security*» [7, с. 75–76].

Невербальные средства представления информации играют немаловажную роль в процессе доступного и понятного изложения идей и концепций. Тем не менее, несмотря на всю наглядность и информационную насыщенность данной формы репрезентации знаний, текстовое изложение преобладает в значительной степени над прочими формами сообщения. Во всех трех работах, взятых для анализа, можно обнаружить минимум графической и иной невербальной информации.

Библиография как структурная составляющая научно-популярного текста является важным, хотя и не строго обязательным его компонентом. Список литературы по теме, включающий работы авторов, упомянутых в основном тексте, присутствует в книге Дж. Витале. Печатный труд Д. Шварца завершает алфавитный указатель терминов и квазитерминов, встречающихся в основной части.

Особенностью композиции англоязычных научно-популярных книг является наличие таких элементов, как «поощрительные отзывы» и «благодарность», а также раздела «Об авторе», замечает исследователь Г.Ю. Гришечкина [2, с. 126]. Судя по анализируемым образцам научно-популярной литературы, «поощрительные отзывы», как правило, предваряют основной текст книги, тогда как статья «Об авторе» дается преимущественно в конце издания. Стоит заметить, что тексты хвалебных отзывов и рецензий составляются самими их авторами, поэтому не могут отождествляться с рецензируемой работой, хотя бы в языковом отношении.

Переходя к рассмотрению лингвостилистических особенностей научно-популярного текста, необходимо начать с того, что научно-популярная литература, описывая так или иначе научные явления и факты, «широко пользуется средствами из «арсенала» художественной литературы, ее языковую основу составляет своего рода «конгломерат» разнородных элементов, а сама она находится на стыке двух сфер употребления языка: науки и словесно-художественного творчества» [2, с. 203]. Действительно, в ряде таких работ субъективно-авторская позиция превалирует над объективно-научным изложением, что естественным образом вызывает сомнения относительно верифицируемости сообщаемой информации.

Сближаясь функционально с художественным стилем, научно-популярные тексты отличаются от сугубо академических наличием большого числа изобразительных и выразительных средств: метафор, олицетворений, эпитетов, сравнений, усилительных наречий, эмфатических конструкций, восклицательных предложений, повторов, случаев парцелляции и пр. Так авторы пытаются избежать возможных затруднений и непонимания в процессе восприятия неподготовленным читателем новой для него научной информации.

Эмоциональность и образность повествования – существенная составляющая стиля. Помимо различных тропов и фигур речи, в научно-популярном тексте находят свое применение лексические единицы, относящиеся к разговорной лексике, стилистически маркированные интенсификаторы, графические элементы [2, с. 192].

К примеру, в работе Д. Шварца многочисленны примеры разговорной лексики и фразеологизмов: *rub shoulders with people, mind food, to be nailed to paper* и мн. др. [7, с. 121–122]. Или: «*banging out my next book*», «*it makes you feel 10 feet tall*», «*chasing a dollar*» [8, с. 70–71]. Примеров экспрессивной лексики представлено в книге Б.Т. Бечеты несколько меньше: «*Just give me a few damn minutes*», «*Shut up!*», «*Life Sucks!*», «*How the hell did I create this?*» [6, с. 15].

Большое количество метафор и сравнений, приводимых авторами научно-популярных текстов, оживляет сухое изложение научных фактов и закономерностей, способствуя более естественному и быстрому восприятию информации читателем. Многочисленные примеры разнообразных сравнений и развернутых метафор находим во всех трех источниках: «*It [business] will feel like a weight around your neck and you'll dread it*» [8, с. 91]; «*You do not need to pay a moment's attention to the ranting of desperation*» [6, с. 6]; «*Walk in. The door to success is open wider than ever before*» [7, с. 20].

Как указывают исследователи вопроса (В.Е. Чернявская, Г.Ю. Гришечкина, В.Ю. Иваницкий), важной чертой научно-популярного текста является использование приемов обращения к читателю. Явление диалогизации между автором и предполагаемым реципиентом прослеживается во всех работах по популярной психологии. К подобным приемам воздействия и взаимодействия с адресатом можно отнести разнообразные вопросы риторического и контактоустанавливающего характера («*What sets them apart from the ordinary? How do they think?*» [7, с. 22]), императивные конструкции («*Think success, don't think failure*» [7, с. 20]), непосредственное обращение к читателю («*I care about you...*», «*Remember in the last chapter when I said that...*» [8, с. 12, 33]) в сочетании с прочими средствами выразительности.

Современная тенденция изложения мысли в текстах по популярной психологии представляет лично-ориентированный

подход к читателю в виде доверительной беседы или наставнической лекции, в которой автор делится не столько знаниями по проблеме, сколько излагает свое видение дела, основываясь на личном опыте и информации, почерпнутой из совершенно разных источников – от собственно научных трактатов до частных бытовых ситуаций и случаев из жизни. Личность автора в таких текстах представлена максимально эксплицитно через повествование от первого лица, повелительное наклонение предложений. Примером тому могут стать следующие выдержки из анализируемых работ: «*All I can tell them is my own experience*» [8, с. 36]; «*I have truly benefited from Barry's wisdom*» [6, с. 7]; «*Several years ago after addressing a group of businessmen in Detroit, I talked with one of the gentlemen who approached me*» [7, с. 15].

В итоге, рассматривая примеры современных научно-популярных текстов по популярной психологии, можно обнаружить практически полное соответствие структурной, содержательной и языковой сторон таких работ критериям, выделяемым для определения типа текста. И тем не менее, не каждое исследование, проводимое в области практической психологии, можно безоговорочно признать научным. Справедливым кажется замечание В.Ю. Иваницкого о ценности такой литературы, которая зависит напрямую от степени представленности научной мысли в тексте, «так как никакие словесные ухищрения, никакая внешне, даже весьма привлекательная оболочка, не может скрыть от читателя поверхностного освещения научных фактов, скрыть суррогата науки» [3, с. 4].

Сегодня многие тексты по популярной психологии, представляя собой разновидность риторического дискурса, утрачивают черты научного стиля и приобретают публицистический характер, стремясь в своем выражении к разговорной речи. Вместо повествования и описания в них преобладает рассуждение, а терминологический аппарат и точные сведения из авторитетных источников подменяются псевдотерминами и абстрактными ссылками на ученых и др. выдающихся людей без указания их конкретной работы.

К тому же, некоторые черты, свойственные научно-популярным текстам, характерны и для публицистической прозы. К ним относится в первую очередь прагматическая составляющая этих текстов, а также ярко выраженная авторская позиция. «Убежденность автора, его взгляд (в речевом плане от первого лица) на описываемые события проявляются в компетентности суждений и глубине анализа явлений» [4, с. 15], что отчасти выглядит как научный подход к проблеме.

Исходя из вышесказанного, кажется, что логичнее всего было бы выделять произведения американских психологов-метафизиков в некую отдельную категорию текстов, которым одновременно

присущи черты нескольких стилей (научного, публицистического, художественного), поскольку определение доли научности и объективности в изложении материала и представлении автором фактов порой становится проблематичным. Тем не менее, неоднозначность в интерпретации стилевой принадлежности данного рода текстов не умаляет их содержательной и практической значимости.

Список литературы

1. Бакланова И.И. Учебный и научный тексты с точки зрения постулатов речевого общения // Русский язык в школе. – М., 2010. – № 5 – С. 30–35.
2. Гришечкина Г.Ю. Научно-популярный лингвистический текст. Монография. – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. – 261 с.
3. Иваницкий В.Ю. Научно-популярная литература на современном этапе развития науки: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1968. – 15 с.
4. Кайда Л.Г. Композиционная поэтика публицистики. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 144 с.
5. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: теор. учеб. пособие. – СПб.: Наука, 2004. – 128 с.
6. Bechta, Barry Thomas. I Am Creating My Own Experience: The Creation Vibration. – Unconditional Love Books, 2009. – 82 p.
7. Schwartz, David Joseph. The magic of thinking big. – NY: Fireside, 2007. – 309 p.
8. Vitale, Joe. Attract money now. – Texas: Hypnotic Marketing, Inc., 2010. – 165 p.

О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста**To the types of transformation of the cultural concepts structure within the conceptual sphere of a literary text**

В статье описывается подход к анализу структуры лингвокультурного концепта, дополняющий наиболее актуальные из существующих в когнитивной лингвистике концепций. Данный подход позволяет исследовать типы трансформации содержания лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы художественного текста.

The paper views the approach to the analysis of the structure of cultural concepts, developing the most actual in modern cognitive linguistics conceptions. This approach allows to reveal the transformations of the cultural values structure within the individual conceptual sphere of a literary text.

Ключевые слова: концепт, концептосфера текста, когнитивная поэтика, структура концепта.

Key words: concept, conceptual sphere of a text, cognitive poetics, concept structure.

К настоящему моменту в лингвокультурологии сложился целый ряд подходов к выявлению структуры концепта. Наиболее известные в настоящее время концепции описания структуры лингвокультурных концептов, лежащие в основе целого ряда современных исследований, принадлежат Ю.С. Степанову [11], В.И. Карасику [4], И.А. Стернину и З.Д. Поповой [6, 7] и Г.Г. Слышкину [10].

Нами был предложен подход к моделированию структуры лингвокультурного концепта, уточняющий и развивающий положения описанных выше концепций. В соответствии с предлагаемым подходом структура лингвокультурного концепта включает **образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую и историческую** составляющие. Основное внимание в исследовании структур лингвокультурных концептов следует уделять, на наш взгляд, выявлению их ассоциативных, образных и ценностных составляющих, так как последние *подвергаются верификации фактами языка и наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов* [5, с. 91–104].

Ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом. *Образная составляющая* концепта может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке. Метафорическое ядро концепта ментальной сущности поддается эмпирической верификации средствами языка и во многом мотивирует ценностную составляющую концепта. *Ценностная составляющая* лингвокультурного концепта понимается нами, вслед за Г.Г. Слышкиным, как его компонент, который может быть разложим на два измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту. Наличие аспекта актуальности проверяется методом количественного подсчета [10, с 23].

Экстраполяция лингвокогнитивной парадигмы на художественный текст позволяет выявить индивидуально-авторские концепты, составляющие концептосферу писателя, и описать средства их языковой объективации. Индивидуально-авторская концептосфера понимается большинством исследователей, обращающихся в своих работах к проблемам художественной стилистики, как ментальная база идиостиля художника слова [8, 12, 13 и др.].

Активно развивающимся направлением лингвопоэтических исследований в настоящее время является когнитивная поэтика. Под термином «когнитивная поэтика» объединяется совокупность «смысловых, концептуальных и семиотических методик, направленных на выяснение когнитивной мотивации любых эстетически значимых компонентов и всего текста как целого» [3, с. 85].

Новый подход к анализу художественного текста позволяет увидеть концептуальное моделирование автором картины мира, а также исследовать трансформации содержания лингвокультурных концептов в сознании автора.

В нашем дальнейшем анализе мы будем исходить из следующих положений:

1. Индивидуально-авторский концепт – это квант структурированного знания о вторичной действительности, создаваемой в тексте художественного произведения.

2. Индивидуально-авторский концепт является динамичным компонентом культуры, процесс формирования которого обуславливается либо трансформацией культурного концепта с аналогичным именем в соответствии с личным мироощущением писателя, либо заполнением лакуны в рамках отдельной концептосферы и, как результат, созданием нового, индивидуально-авторского концепта.

3. Анализ индивидуально-авторского концепта базируется на описании трех его составляющих – образной, ассоциативной и ценностной/оценочной.

4. Индивидуально-авторские концепты, обнаруживаемые в ряде произведений одного и того же писателя, образуют индивидуально-авторскую концептосферу, определяющую все творчество данного писателя.

С этих позиций предпримем попытку анализа структуры и средств репрезентации индивидуально-авторских концептов «смерть» и «death», реализованных в повести Л.Н. Андреева «Он. Рассказ неизвестного» и новелле «Мертвые» Дж. Джойса.

Повесть Л. Андреева «Он. Рассказ неизвестного» и новелла «Мертвые» Дж. Джойса были написаны практически в одно и то же время. Повесть Л. Андреева вышла в 1913 г., новелла «Мертвые», завершающая цикл рассказов «Дублинцы», увидела свет в 1914 г. Оба писателя используют большое число символических мотивов в своих произведениях, расширяя круг ассоциаций традиционных символов. Именно это позволяет предположить, что сопоставительное рассмотрение трансформации структур лингвокультурных концептов в рамках концептосфер данных произведений будет представлять значительный интерес.

Действие новеллы «Мертвые» разворачивается в неприветливом мрачном доме престарелых сестер-музыкантш. На рождественский бал к ним и их племяннице собираются друзья и престарелые родственники. Приходит и племянник – журналист Габриел Конрой – с женой Гретой. В конце вечера Габриел видит в полумраке на лестнице Грету: она слушает старинную ирландскую песню, доносящуюся из зала. Тайна, исходящая от жены, её красота, заставляют Габриела вспомнить самые светлые эпизоды их супружества. Он с нетерпением ждёт момента, когда останется наедине с женой. Однако по дороге домой Габриел с удивлением замечает отчуждение и печаль Греты. Она признаётся: звуки песни напомнили ей юношу, Майкла Фюрея, который любил ее и умер много лет назад. Конрой осознаёт, что всё, что ранее составляло предмет его гордости – фикция, что умерший юноша более жив, чем он сам.

Метафоре, завершающей «Мёртвых», литературоведы дают различное толкование. В Ирландии, засыпаемой снегом, видят и символ объединения живых и мёртвых, и Дублина с Западом стра-

ны, где, по мнению сторонников Ирландского Возрождения, жили истинные носители гэльской культуры, но также образ духовного паралича, охватившего всю страну.

В пространстве индивидуально-авторской концептосферы, репрезентированной в новелле, в структуре ассоциативной составляющей концепта «death» индуцируются признаки «snow» и «house», не входящие в структуру одноименного лингвокультурного концепта.

Рассмотрим, как меняется символический смысл концепта «snow» на протяжении всего повествования, и как организуется вокруг него текст новеллы.

1) Снег маркирует первое появление Габриела, символизируя свежий дух улицы, который Габриел приносит в тесное, замкнутое пространство дома:

- A *light fringe of snow* lay like a cape on the shoulders of his overcoat and like toecaps on the toes of his goloshes.

- People were standing in the **snow** on the quay outside, gazing up at the lighted windows and listening to the waltz music. The air was *pure* there. In the distance lay the park, where the trees were weighted with **snow** [15].

В данных отрывках за счет употребления словосочетания *light fringe* (легкая бахрома), а также лексемы *pure* в одном контексте с ключевым репрезентантом концепта реализуется образная составляющая концепта «snow» и признак его ассоциативной составляющей – «новизна, свежесть», присущий концепту на уровне культуры.

2) В ряде контекстов в структуре концепта «snow» индуцируется признак «eternity»: снег символизирует нечто вневременное. Появляются образы-призраки: белой лошади, белого человека; снег на статуях давно умерших людей тоже служит своеобразной маркировкой вечности. Ср:

- Gabriel pointed to the statue, on which lay **patches of snow**.

- The **snow** would be **lying** on the branches of the trees and forming a bright cap on the top of the Wellington *Monument*. How much more pleasant it would be there than at the supper-table!

- The Wellington *Monument* wore a **gleaming cap of snow** that **flashed** westwards over the **white field** of Fifteen Acres [15].

3) В завершающем параграфе снег выступает как символ забвения, а также духовной смерти главного героя новеллы и всей Ирландии.

- A few **light taps** upon the pane made him turn to the window. It had begun to **snow** again. He watched sleepily the **flakes**, silver and *dark*, **falling obliquely** against the lamplight. The time had come for him to set out on his journey westward. Yes, the newspapers were right: **snow** was general all over Ireland. It **was falling** on every part of the *dark* central plain, on the treeless hills, **falling softly** upon the Bog of Allen and, farther westward, **softly falling into the dark** mutinous Shannon waves. It **was falling**, too, upon every part of the *lonely churchyard on the hill* where Michael Furey lay buried. It **lay thickly drifted** on the *crooked crosses and headstones*, on the spears of the little gate, on the *barren thorns*. His soul swooned slowly as he heard the **snow falling faintly** through the universe

and **faintly falling**, like the descent of their *last end*, upon all the living and *the dead* [15].

Лексические единицы, предикативные и атрибутивные словосочетания, являющиеся средством прямой (*snow, flakes*) и косвенной (*light taps, faintly falling, falling faintly, lay thickly drifted, falling obliquely*) апелляции к концепту «snow» употреблены в данном случае в условиях узкого контекста с прямыми (*the dead, lay buried, crooked crosses and headstones*) и косвенными (*dark, the dark, last end, lonely churchyard on the hill*) репрезентантами концепта «death». В силу этого в ассоциативной составляющей концепта «death» в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста индуцируется признак «snow».

Очевидно, что данный признак возникает в структуре концепта не произвольно, а в силу уже существующих в культуре ассоциативных цепочек:

- snow – cold – dead
- snow – white – pallid – dead
- snow – snow cover – white cover – dead

Согласно данным Британского Национального корпуса, в 38 случаях из произвольно выбранной тысячи лексема *snow* употребляется в сочетании с лексемой *cover* [14]. В западных культурах принято накрывать умерших белым покрывалом. «Снежный покров» ассоциируется с «белым покровом» и, соответственно, опосредованно с «покойником» и «смертью».

По мере разворачивания дискурса «расширяется» не только ассоциативная составляющая концепта, но и образная (перцептивный образ). Сначала это чисто визуальный образ («бахрома» / «a light fringe»), затем осязательный и аудиовизуальный (видимое + слышимое: «Легкие удары по стеклу заставили его взглянуть на окно...» / «A few light taps upon the pane made him turn to the window»), что соответствует ступеням пробуждения и обострения чувств героя.

Еще одним символом «смерти» и концептуальной доминантой репрезентированной в повести индивидуально-авторской картины мира является концепт «house». В цикле рассказов «Дублинцы» Дж. Джойса ведущей символической линией является ассоциативная линия дом – хаос. Как отмечает Ю.М. Фокина, исследовавшая индивидуально-авторские концепты Дж. Джойса, «...утрата духовного мира в доме ведет к превращению его в антидом, об этом свидетельствует утрата «своего» пространства, отличного от других; невозможность покинуть свой дом; пустота дома, духовная и вещная» [12, с. 14]. Эта линия ассоциаций обусловлена явлением индивидуального варьирования соответствующего концепта, его радикальной трансформацией в поле авторского сознания. Для концептуальной картины мира Джойса характерна отрицательная оценка образа дома, на что указывают образы некрологической

семантики на уровне микроконтекста («mourning», «dust», «coffin», «the dead», «clay», etc.); атрибутивные словосочетания негативной эмоциональной окраски («somber house», «dark house», «grey house», «poor stunted houses»); а также предикаты, в значении которых присутствует сема «центробежное движение» («to leave», «to walk away», «to go away», «to come away», «to escape»).

В новелле «Мертвые» ключевой репрезентант концепта «house» употребляется в одном контексте с целым рядом косвенных репрезентантов концепта «death»: *dark, gaunt, last long illness, dull, descending*. В силу этого в ассоциативной составляющей концепта «death» в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста индуцируется признак «house». Ср.:

- ...to live with them in the *dark, gaunt house* on Usher's Island.
- It was Gretta who had nursed her during all her *last long illness* in their **house** at Monkstown.
- The morning was still *dark*. A *dull*, yellow light brooded over the **houses**; and the sky seemed to be *descending* [15].

На наш взгляд, трансформации в условиях концептосферы текста могут подвергаться ассоциативная, образная и ценностная составляющие концепта. В ряде случаев в структуре концепта, не имеющего явно выраженной оценочности на уровне лингвокультуры, в условиях концептосферы художественного текста индуцируется оценочный аспект как часть ценностной составляющей (данную ситуацию мы наблюдаем на примере индивидуально-авторской концептосферы новеллы «Мертвые»).

В когнитивном пространстве повести Л. Андреева компонентами ассоциативной составляющей индивидуально-авторского концепта «смерть» становятся концепты «смех», «танец», «снег» и «море». Поэтика трагизма, базирующаяся на использовании мотивов-символов, является ведущим принципом изображения мира и человека в произведениях Л. Андреева. Контаминация ведущих мотивов художественной системы писателя наблюдается и в повести «Он. Рассказ неизвестного». Действие повести разворачивается в отдаленном от людей «странном» месте – в доме, который стоит на берегу моря. Главный герой повести – молодой репетитор, приглашенный для занятий с сыном хозяина дома, с первых дней начинает подозревать о существовании какой-то трагичной тайны, разделяемой обитателями дома. Молодой человек чувствует, что все окружающие его в доме люди безжизненны, опустошены, при этом внешне им по какой-то причине приходится изображать «жизнь», веселье – играть. Хозяин дома (Норден) театрализует жизнь окружающих, выступая и зрителем, и постановщиком, и актером.

Смех, неестественный, вынужденный, это своеобразная маска, надеваемая каждым из обитателей дома. Он утрачивает свое прямое назначение – быть следствием естественной радости, веселья,

становясь знаком насилия: «...я с некоторым усилием засмеялся» [1, с. 50]. В сознании героя Л. Андреева смех предстает как явление страшное, которое подтверждает и усиливает зависимость всех обитателей дома, включая детей и слуг, от прихотей Нордена. «В доме и не было шума, если по каким-то одному ему известным причинам не заводил его сам Норден, заставляя собак лаять, детей танцевать и петь и всех, у которых был рот, – хохотать» [1, с. 29].

Методом количественного подсчета удалось установить, что в тексте повести концепт «смех» реализуется 63-мя лексемами (существительное *смех* встречается в тексте 14 раз, глагол *смеяться* (*засмеяться*) – 32 раза, однокоренные глаголы (*усмехаться*, *насмехаться*, *смешить*) – 3 раза, наречие *смешно* – 5 раз, прилагательное *смешной* – 1 раз, глагол *хохотать* (*расхохотаться*) – 8 раз). Таким образом, ключевые репрезентанты концепта «смех» составляют 0,5 % от общего числа слов, что позволяет сделать вывод о его доминантном характере в концептосфере повести.

Уже в первом случае апелляции к концепту становится очевидным наличие интенсивной отрицательной оценочной составляющей в его структуре. Ср.:

«Я *засмеялся*, и, отвечая мне *смехом*, Норден неожиданно добавил: «В этом море утонула моя дочь, уже взрослая девушка»» [1, с. 22].

Ключевые репрезентанты концепта «смех» употребляются в одном контексте со словом *утонула*, объективирующим концепт «смерть», что сразу исключает признаки «покой», «радость», «веселье», «жизнелюбие», (присущие концепту на уровне национальной концептосферы) из состава ассоциатов концепта «смех» в данной его дискурсивной реализации. Этот факт подтверждается случаями атрибутивно-предикативной сочетаемости (а также употреблением в рамках общего контекста) его репрезентантов с пейоративной лексикой.: Ср:

«...И кончилось тем, что я начал хохотать, как все, – помню до сих пор тот конвульсивный, нелепый, идиотский смех» [1, с.22].

Как и многое, происходящее в таинственном доме, странным предстает перед героем и читателями любимое развлечение хозяина дома – танцы. Танец как пластическое искусство, призванное выражать радость, служить элементом веселья, в данном произведении утрачивает это значение.

Концепт «танец» реализуется в тексте повести 41-ой лексемой (существительное *танец* (*танцы*) употреблено 6 раз, глагол *танцевать* (*затанцевать*) – 13 раз, причастие *танцующий* – 1 раз, деепричастие *танцуя* – 1 раз, *танцор* – 1 раз, *бал* – 4 раза, *кружиться* (в танце) – 5 раз, варваризм *танцирен* – 9 раз), что составляет 0,3 % всей лексики текста и говорит о том, что данный концепт, наряду с концептом «смех», является ценностной доминантой, организующей индивидуально-авторскую концептосферу повести.

Танец в доме Нордена – нечто механическое, он символизирует подчиненность жизни человека каким-то непонятым, противоестественным схемам и законам. Неестественность происходящего подчеркивается частым сравнением окружающих с куклами: «И эти послушные куколки завертелись; и самая маленькая наивно открыто следила за движениями старших, скрадывая их движения, поднимая ручки и неловко перебирая короткими толстыми ножками» [1, с. 31]. По меткому замечанию критика начала века С. Б. Борисова, одним из лейтмотивов произведения, удачно передающим его метафорический смысл, является слово «танцирен», «жаждущее передать ужас земной ограниченности обитателей дома...» [2, с. 162].

Ср.: «Вероятно, он был пьян, потому что и борода его, и волосы были в беспорядке, и выражение лица у него было дикое и странное. Он стоял посередине комнаты и, потрясая кулаками, яростно вопил: – Танцирен! И кому-то грозил» [1, с. 61].

В зрелом творчестве Л. Андреева танец становится символом пустоты, ограниченности, трагической разделенности людей (в повести не описывается парный танец, каждый из героев отделен от других – нарушается основное символическое назначение танца – объединение, созидание). Неслучайно люди, танцующие в доме Нордена, представляются репетитору-рассказчику вещами: «Я уже говорил, что я не помню ни одного лица многочисленных гостей Нордена и вижу только платья без голов: как будто это не люди были, а раскрылся, ожил и затанцевал платяной шкаф» [1, с. 60].

Ценностная составляющая концептов «смех» и «танец», акцентируется в данной их фикциональной реализации использованием многочисленных тропов («Норден начинал волноваться, настойчиво рассказывал все новые и новые тусклые анекдоты, выжимая из меня смех, как воду из масла»; «...смех, который раздирал мне рот, как удила пасть лошади»; «...а дети танцевали, и мисс Молль кружилась, как цирковая лошадь на арене», «смеха, похожего на треск раздираемых в отчаянии одежд»), метафор («и эти послушные куколочки завертелись...»; «клещами тащит из меня нелепый, надорванный смех», «раскрылся, ожил и затанцевал платяной шкаф»).

Нельзя не согласиться с точкой зрения Ю.М. Фокиной, отмечающей, что «неповторимость индивидуально-авторского концепта создаются в результате модификации/трансформации лингвокультурного концепта под влиянием языковой личности писателя» [12, с. 6].

Наивысшей степени трансформации лингвокультурный концепт подвергается, если концепт меняет оценочный знак на противоположный тому, что нормативно принят в культуре (данную ситуацию мы наблюдаем в рамках индивидуально-авторской концептосферы повести «Рассказ неизвестного»). Важно отметить, что в структуре ассоциативной составляющей индивидуально-авторского концепта может индуцироваться признак, отсутствующий в структуре данного концепта на уровне лингвокультуры, но только в том случае, если

концепт имеет в структуре ассоциативной составляющей целый ряд ассоциатов данного концептуального признака, то есть путем **опосредованного ассоциирования**.

В качестве аргумента можно привести данные из «Русского ассоциативного словаря» (РАС), вышедшего в 2002 г. [9].

Статистика по запросу: всего реакций на стимул: 87, различных реакций на стимул: 47, одиночных реакций на стимул: 40.

<i>Реакции</i>	<i>Частота</i>	<i>Реакции</i>	<i>Частота</i>
слезы	14,02	улыбка	0,93
звонкий	8,41	от души	0,93
радость	6,54	пугать	0,93
грех	5,61	рефлекс	0,93
истеричный	5,61	слышен	0,93
веселый	4,67	комедия	0,93
громкий	4,67	телевизор	0,93
заразительный	2,80	услышал	0,93
анекдот	2,80	хохот	0,93
весело	2,80	хрип	0,93
глупый	2,80	ржать	0,93
детский	2,80	человека	0,93
саркастический	2,80	ха-ха	0,93
юмор	1,87	игра	0,93
горький	1,87	эмоция	0,93
гомерический	1,87	шутка	0,93
громкий	0,93	цирк	0,93
дом	0,93	счастливый	0,93
заразительный	0,93	компания	0,93
звучный	0,93	здоровый	0,93
плач	0,93	праздник	0,93
идиотский	0,93	лошадиный	0,93
жизнь	0,93	отлично	0,93
глаза	0,93		

Данные опроса доказывают, что из 47 наиболее частотных реакций на стимул смех 13 являются отрицательно оценочными. Таким образом, в структуре концепта «смех» как части лингвокультуры нет концептуального признака «смерть», однако есть признаки «горе» (слезы, плач, истеричный, горький), «страх» (пугать) и «нелепость» (идиотский, глупый), являющиеся ассоциативными признаками концепта «смерть». Именно это позволяет концептуальному признаку «смерть» индуцироваться в структуре индивидуально-авторского концепта «смех».

Еще одним символом «смерти» и концептуальной доминантой репрезентированной в повести индивидуально-авторской картины

мира является концепт «море». В тексте насчитывается множество прямых апелляций к концепту (существительное *море* употребляется 25 раз, что составляет 0,2 % всех слов повести). Символический потенциал слова *море* чрезвычайно широк. В целом ряде лирических произведений образ моря выступает символом страсти и свободы. В повести «Он» Л. Андреева, море выступает символом скуки, **уныния, вечной печали и смерти**. Ср.:

«Все мое внимание захватило **море** – мне показалось, что оно, именно оно, является главным источником той великой печали, что лежала над людьми и местом этим» [1, с. 26].

- «Как могу я забыть это мелкое, безнадежно унылое море, лежавшее так плоско, как будто земля в этом месте перестала быть шаром? Думая о море, я всегда думал и о корабле, – но здесь не показывались корабли, их путь проходил где-то дальше, за вечно смутной и туманной чертой горизонта, – и серой бесцветной пустыней лежала низкая вода, и мелко рябили волны, толкаясь друг о друга, бессильные достичь берега и вечного покоя» [1, с. 33–34].

- «Зачем вы здесь поселились? – в тот же вечер дерзко я спросил у Нордена. – Здесь ужасно скучное море!» [1, с. 35].

- «И каждое утро я надевал лыжи и шел на берег застывшего моря, к могильному холму...» [1, с. 49].

- «...но вот шли туманы с моря, низко опускалось, придушая свет, тяжелое мокрое небо» [1, с. 25].

- «серое море...» [1, с. 26].

- «...был очень сильный, почти штормовой ветер с моря: всю ночь он выл в трубах и влажно скользил по углам дома...» [1, с. 32].

- «она стояла и смотрела на разгулявшееся, грохочущее море...» [1, с. 33].

В соответствии с данными, представленными в РАС, в структуре концепта «море» как части лингвокультуры нет концептуального признака «смерть», однако есть концептуальные признаки «шторм», «буря», «глубина», «волны», «горе» [9].

Статистика по запросу: всего реакций на стимул: 523, различных реакций на стимул: 187, одиночных реакций на стимул: 124, отказов: 1.

Реакция	Частота	Реакция	Частота
синее	13,72	глубокое	1,53
Черное	9,94	мелкое	1,53
голубое	3,44	река	1,53
вода	2,87	солнце	1,34
волны	2,49	шум прибоя	1,34
соленое	2,29	покой	1,34
теплое	2,29	горе	1,15
шторм	2,29	пляж	1,15
буря	2,29	отдых	1,15
океан	2,29	простор	0,96
счастье	2,29	парус	0,96

Очевидно, что признак «смерть» возникает в структуре концепта в силу уже существующих в культуре ассоциативных цепочек (опосредованно):

- море – шторм/буря – смерть
- море – глубина – тонуть – смерть
- море – волны – тонуть – смерть

Концепт «снег», наряду с вышеописанными концептами, входит в структуру ассоциативной составляющей концепта «смерть» в рамках данной индивидуально-авторской концептосферы. Ср.:

- «...в этот день, пятого декабря, выпал первый глубокий **снег**. Он падал всю предыдущую ночь и все утро; и когда после занятий с Володей я вышел наружу - было тихо, **мертвенно-бело** и прекрасно» [1, с. 25].
- «Был невысокий **снежный** холм с мягкими округлостями камней, что-то совсем тихое и покорное, словно **умершее** вторично и уже навсегда» [1, с. 34].
- «Но читать и в этот раз не мог и скоро с книгой в руках заснул на широком и мягком диване, последним воспоминанием унося с собою в сон картину **снежного и мертвого** мира» [1, с. 36].
- «И каждое утро я надевал лыжи и шел на берег застывшего моря, к **могильному** холму, и смотрел на большие и глубокие буквы, выведенные в **снегу** и обозначавшие чистое имя: Елена» [1, с. 38].
- «Говорил я эти слова с таким выражением, как будто убеждал кого-то; и глаза мои, которыми я смотрел на бесконечную плоскую равнину, казались мне такими же **белыми, мертвыми**, ничего не отражающими, **как снег**» [1, с. 46].

В соответствии с данными РАС, из 532 реакций на запрос только 23 реакции отрицательно-оценочные [9].

холод	3,56 (19 реакций)	печаль	0,19 (1 реакция)
грязь	0,57 (3 реакции)	грусть	0,19 (1 реакция)

157 респондентов из 532 дали ответы «белый», «белизна», что составляет 29,46 % всех реакций [9]. Таким образом, в данном случае функционирует тот же механизм опосредованного ассоциирования, что и в новелле Дж. Джойса «Мертвые»:

- снег – холодный – мертвый
- снег – белый – бледный – мертвый
- снег – белый покров – покойник

Распространенными типами трансформации структуры лингвокультурного концепта в рамках индивидуально-авторской концептосферы являются приобретение оценочно-нейтральным (как правило, предметным) концептом оценочного знака и смена оценочного знака концепта на противоположный нормативно принятому в культуре. Оба процесса сопровождаются кардинальной трансформацией образной и ассоциативной составляющих, что неизбежно приводит к изменению символического потенциала концепта.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Он. Рассказ неизвестного // Дневник Сатаны: Роман. Рассказы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 272 с. – С. 19–68.
2. Борисов С. Б. “Он” и мы // Новая жизнь. – М., 1913. – № 3. – С. 157–169.
3. Бутакова Л.О. Постулаты когнитивной поэтики // Когнитивное моделирование. Обработка текста и когнитивные технологии. – Вып. 7. – Казань; Москва, 2002. – С. 84–94.
4. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
5. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – СПб.: СПбГУЭФ, 2010. – 361 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. – Вып. 8. – Воронеж, 2001. – С. 34–56.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 313 с.
8. Руднева О.В. Концептуализация природного пространства в рассказах И.А. Бунина // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – № 2. – С. 87–90.
9. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е. изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2004. – 991 с.
12. Фокина Ю.М. Особенности репрезентации индивидуально-авторской концептосферы в англоязычной и русскоязычной прозе (на материале рассказов А.П. Чехова и Д. Джойса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2010. – 21 с.
13. Яцуга Т.Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах 3. Гиппиус: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2006. – 30 с.
14. British National Corpus [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
15. J. Joyce. The dead [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://findebookee.com/j/james-joyce-the-dead>.

Когнитивная модель продуцирования и оптимизации дискурса **Cognitive model of discourse production and optimization**

В статье на основе теории речевых актов и инструментария искусственного интеллекта рассмотрена когнитивная модель продуцирования и оптимизации дискурса, позволяющая варьированием атрибутов и ограничений модели проектировать оптимальные структуры дискурсов с учетом ситуации общения, компетенций и психотипов участников коммуникации.

The article considered cognitive model of discourse production and optimization on the basis of the speech acts theory and artificial intelligence instruments. It allows us to model optimal discourse structure with regard to the situation, competence and psycho-types of communication participants by the means of the attributes variation and model limitations.

Ключевые слова: модель, дискурс, коммуникация, когнитивное моделирование, речевой акт, речемыслительная деятельность, оптимизация.

Key words: model, discourse, communication, cognitive modeling, speech act, speech-thinking activity, optimization.

Возрастание роли научно-инновационных и образовательных коммуникаций повышает значение, поддерживающих их групповых дискурсов – динамических процессов языковой деятельности как вербальной, так и письменной, рассматриваемой в социальном контексте [3, 5], позволяющих адекватно понять и описать различные сферы употребления языка, а условия коммуникации вызывают к жизни их новые типы [4]. Одна из главных когнитивных задач коммуникации в изменяющемся социуме на основе системного мышления, анализа и моделирования - коммуникативно-когнитивное моделирование дискурса [1], понимание через дискурс мира и процессов, протекающих в нем.

Цель статьи – когнитивное моделирование процесса продуцирования и оптимизации структуры группового дискурса во времени, учитывающее знания, компетенции и психотипы субъектов.

Дискурс представляет собой групповой продукт, в значительной степени независимый от единичного индивидуума. С точки зрения когнитивного моделирования дискурс как знания, вербализованные на лингвокогнитивном уровне, представляется сложным объектом, имеющим ряд параметров и когнитивно-лингвистических особенно-

стей, процессом творческого следования одной из норм, определяемой и познаваемой в многомерной картине мира, актуализированной через базисные понятия культуры, концепты и идеи, правила межличностной коммуникации, ценностные ориентации, схемы, фреймы, специальный тезаурус. Доминантную характеристику дискурса представляет диалогический аспект.

Модель дискурса включает цели, структуру и содержание деятельности, профессиональные функции и класс задач, решаемых как адресатами, так и адресантами дискурса. Понятие глобальной макроструктуры – темы, центральное в семантике и прагматике дискурса, репрезентируется набором изменяемых и сохраняемых лингвистических параметров определенной предметной области. В процессе развертывания общей темы дискурс отражает ряд локальных тем (микротем) и имеет определённые специфические особенности, обусловленные функциональной спецификой коммуникации, неоднородностью знаний и психотипов реципиентов. К параметрам микротемы (МТ), в частности, относятся: список ключевых слов, выявляющих пропозиции, когнитивные единицы хранения информации, базы знаний и лексических фреймов [7], для синтеза недостающих, но домысливаемых частей дискурса.

В процессе исследования семантики дискурса приходится выходить за пределы предложения и при описании речи в качестве ее единицы использовать речевой акт (РА) [6, с. 22–30] – минимальную единицу речевой деятельности, учитывающую коммуникативные намерения, психологию и поведение КМ. В понятийном аппарате теории речевых актов для характеристики и оценки речевого акта используются категории действия. Коммуникативная ситуация дискурса как совокупности РА характеризуется особым «форматом общения», некоторой структурой диалогового взаимодействия, некими правилами, согласно которым КМ выстраивают обмен информацией (последовательность микротем, количество в них РА, их структур и продолжительность в МТ и дискурсе) определяемой не только социально-культурными нормами общения, но и контекстной моделью и заданностью стратегии дискурса. Каждая МТ связана по смыслу хотя бы с одной другой МТ данного дискурса. Так как МТ дискурса существует не сама по себе, а для достижения определенной цели, то МТ как единицы дискурса имеют различный объем. Дискурс, таким образом, представляет собой цепочку МТ. При этом адресант планирует и реализует определенную стратегию и тактику коммуникации, используя соответствующие лингвистические и экстралингвистические средства, осуществляя взаимодействие с адресатом в рамках одной МТ как с единомышленником и в рамках другой как с оппонентом.

Для постановки задачи оптимизации дискурса необходимо введение определенного категорийно-понятийного аппарата, в котором термины и основные понятия когнитивной модели должны содержать достаточно строгий неметафорический смысл. Дискурс рассматривается в виде коммуникационного процесса, протекающего на уровнях структур распределений РА среди членов группы в определённом множестве микротем. Речевой акт является активным действием и принадлежит адресанту. Диалогичность дискурса понимается как синфазность – совмещение РА различных КМ в одной микротеме. Макроструктура РА дискурса представляет собой комплексы РА дискурса, связанных микротемами (подтемами общей темы дискурса), референциальным единством (наличием группы потенциальных участников общения). Микротемы задают фрагменты дискурса, превышающие по объёму РА с процедурами развития множественных диалогов и монологов в группе. Микроструктура РА крупных фрагментов дискурса, отличается общей микротемой, событийным и пространственным единством, частью КМ, своими РА непосредственно участвующими в ее обсуждении.

При лингвокогнитивном моделировании дискурса в первую очередь целесообразно рассмотреть концептуальную проблему взаимосвязи структуры дискурса во времени. РА – не одномоментное событие и имеет определённую продолжительность во времени, различную для разных ситуаций. В выражении «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей ...» А.С. Пушкин [7, с. 255–256], помещая динамический атрибут «краткость» на первое место, тем самым подчеркивает первостепенное значение фактора времени в письменном художественном дискурсе и, следовательно, в РМД. В свою очередь, точность так же является функцией времени, требуя среди многообразия альтернатив разумной ограниченности необходимых языковых средств и длительности РА. Слова А.С. Пушкина свидетельствуют о существовании глубинных принципов динамики построения дискурса, о влиянии времени на «вступление в будущее» и «удержание прошлого» посредством краткости и содержательности РМД.

Фактор времени – «секвенция смыслов» является существенным для дискурса как системы. Время есть бытие, структура времени – определяющая (опосредствующая) структура бытия, понимаемого как событие. Время – масштаб всех когнитивных данностей, связано с бытием, с субъектом, оно существенный фактор и условие существования общения. Экзистирова во времени, человек заступает в будущее по ту сторону бытия, удерживая свое прошлое, как необходимую часть, будущее делает возможным прошлое как «уже не настоящее», назначая ему его место уже сбывшегося [8].

Время весьма неоднородно проявляется на арене коммуникционной экзистенциальности, отражаясь в речемыслительной деятельности и оказывая влияние на создание и осмысление РА результативность и эффективность взаимодействия КМ, служит одним из атрибутов дискурса и его РА. Индивидуальный характер РА отражается в его длительности. Такие атрибуты речи как насыщенность, краткость, выразительность соотносятся с длительностью речемыслительного акта (РМА).

В когнитивном аспекте коммуникация представлена взаимной дискурсивной передачей смыслов. Акт транспортировки (передачи) единицы смысла (АПС) представляет комплекс действий, передающих смысловую единицу, единообразно истолковываемую данной группой субъектов. Он включает ментальный (1), речевой (2), и экстралингвистический (3) акты. Они реализуются как последовательно, так и взаимно налагаясь (параллельно, одновременно), а ментальный акт (МА) может простирается и на будущие РА. Последовательности актов (1, 2, 3), (1, 3, 2) являются основными для достижения осмысленного общения, последовательности (2, 3, 1), (3, 2, 1) встречаются в ритуальных и бытовых дискурсах. Речевой (2), и экстралингвистический (3) акты служат каналами передачи смысла. РА передает смысл преимущественно в вербальной форме, однако в устном дискурсе важно и множество других обстоятельств: паузы, просодия, смех, наложение РА, их незаконченность и др.

В аспекте речемыслительной деятельности АПС сводится к объединению экстралингвистического и речемыслительного актов (ЭА и РМА). РМА включает МА и РА. Значением единичного РМА является собственно объединение значений МА и РА. МА может протекать перед РА в течение РА других КМ, в процессе собственного РА, а также распространяться на будущие РА.

Темпоральный подход является основой когнитивной модели дискурса, базирующейся на координации концептов времени и бытия. РА по содержанию и времени длительности отражает сугубо индивидуальную сторону как устной, так и письменной РМД. Продолжительность речевых актов зависит от объемов индивидуальных коцептосфер, уровней компетенций КМ и содержания микротем дискурса. КМ с разными уровнями знаний и компетенций, личными психотипами имеют различные длительность РМА и для обсуждения каждой микротемы дискурса требуют определенного, хотя и нечеткого множества речевых актов, общее время которых должно быть достаточным для осмысления и продуцирования элементов дискурса и его контекста. Длительность АПС представляет объединение длительностей МА, РА и ЭА, которые могут налагаться одна на другую и определяются эмпирически или прогностически.

Введем понятия собственных длительностей РМА и их составляющих как наименьшие длительности максимально насыщенного смыслом РМА данного КМ в определённой МТ, которые определяются экспериментально статистическими методами и среди субъектов группы могут существенно различаться. Собственной длительности РМА позволяет учесть фактор человека, рассматривая личность КМ в индивидуально-психологическом аспекте. Речевые акты КМ с более высоким уровнем знаний, компетенций и креативности имеют меньшие собственные времена РА, чем КМ с низким уровнем указанных характеристик. Быстродействие ментальных механизмов значительно выше речевых, поэтому в прагматическом и бытийном дискурсах собственные длительности РМА и РА часто оказываются достаточно близкими и практически совпадающими $T_{РМА} \approx T_{РА}$.

Дискурс, в качестве коммуникативного акта, подразумевает в случае диалога, поочередное перераспределение ролей адресанта и адресата между участниками дискурса, в отличие от монолога, когда роль говорящего закреплена за одним лицом на протяжении значительной части дискурса. Поскольку структура группового дискурса предполагает динамическое распределение в группе противопоставленных ролей адресанта и адресата, постольку процесс общения должен рассматриваться в этих двух перспективах. Правила чередования РА от одного собеседника к другому, сводятся к «назначению» текущим адресатом следующего адресата, возможных пауз в диалоге (заминка, смена темы, значимое молчание), типовых последовательностей реплик, поправок, или уточнении сказанного. Исключаются наложения двух или более РА друг на друга.

Фактор ситуации учитывается в виде ограничений на структуру и объем дискурса. Задаются некоторые условия для границ интерпретационного модуля понимания дискурса определенным способом, ориентируется фокус дискурса, соотносением его с потенциальной линией общения, корректируются воздействием КМ друг на друга. Ограничения оптимизации связаны с компетентностными и психофизиологическими факторами, а также особенностями использования ИИ в лингвистических исследованиях, оказывающего влияние на развитие и переосмысление традиционных методов научного изучения языковых объектов.

Так как сетевая структура дискурса семантического языкового пространства наследует сетевую структуру речемыслительной деятельности в качестве ее результата, при продуцировании и оптимизации дискурса особое внимание уделяется макроструктуре диалога и экстралингвистическим действиям.

Коммуникативную нагрузку дискурса репрезентируют его структурные и функциональные характеристики (диалогичность, частот-

ность обращений), а семантику предметных областей – РА его микротем. Особенности РМД коммуникантов находят свое отражение в дискурсе в виде различных распределений их РА в микротемах дискурса. Каждому субъекту общения может отводиться определенное количество РА имеющих различные длительности в зависимости от обсуждаемых микротем. Количество РА в микротемах зависит от сложности и степени изученности семантики микротемы КМ. Количество РА каждого КМ зависят от тематики дискурса, ситуации общения, собственной длительности РА, следовательно, соотношение РА в микротемах и соответствующие им структуры дискурса могут существенно различаться.

При наличии цели дискурс часто создается случайным образом, в то время как построение макроструктур и микроструктур РА должно быть одной из разновидностей стратегий проектирования дискурса. Процедура конструирования дискурса дает возможность его планирования и оптимизации, и задает контуры размещения общего смысла в пространстве всего дискурса. Под задачей продуцирования оптимального дискурса мы понимаем задачу выбора наилучшего способа организации дискурса из множества допустимых вариантов (альтернатив) – мира виртуальных промежуточных дискурсов, проекций оптимального дискурса на множество его вероятных аналогов. Одной из задач проектирования дискурса становится рациональное распределение количества речевых актов КМ по микротемам дискурса при задании числа РА для каждой из микротем и общего числа РА каждого КМ.

Результатом продуцирования является определённая структура дискурса, рационально сочетающая монологические и диалоговые его формы, соответствующая реальной коммуникативной ситуации, подкрепленная количественным анализом атрибутов речемыслительной деятельности. Контуры дискурса предстают эксплицитно в множественности временных срезов, соответствующих рассмотрению МТ с реализацией уникальных пропорций РА, застывших в динамических зонах тематик. В свою очередь с учетом предполагаемой структуры дискурса корректируется семантика дискурса на основе синхронической карты застывшего времени, распределенного по осям тематик и заключенных в РА смыслов. Это теоретически открывает возможность рассматривать дискурс, помещая его моменты в более общие поля коммуникативных структур.

Процедура конструирования дискурса, дает возможность осуществлять его планирование и оптимизацию, при которой задаются контуры размещения общего смысла в пространстве всего дискурса. В процессе оптимизации РА акты КМ распределяются по КМ в зависимости от собственных длительностей РМА, их количества и их различных распределений по тематикам. Меняется структура

сообщений в зависимости от характеристик человеческих индивидов. Предварительная структуризация РА образует собой каркас, рамки для размещения семантических элементов дискурса.

Оптимизация динамики речевого взаимодействия путем варьирования числа РА каждого из КМ с применением метода линейного программирования определяет минимальное и максимальное время протекания дискурса с соответствующим распределением РА по микротемам дискурса (числа РА и времени, затраченного на обсуждение МТ) каждого из КМ при соблюдении заданного общего количества РА в каждой МТ. В аспекте оптимизации дискурса рассматриваются две задачи: минимизация времени дискурса для преимущественно однородно компетентной группы и максимизация времени дискурса для разноуровневой компетентной группы общения. Примером последней служит образовательная коммуникационная среда, в которой предполагается ситуация разнородности общих знаний и разных уровней профессиональных или специальных компетенций КМ, а целью общения – обеспечение максимальных информационных потоков к адресатам (обучаемым) и обратного потока сведений к адресантам (обещающим) о процессе усвоения знаний и формирования требуемых компетенций. Ограничения модели связаны с заданием количеств РА коммуникантов в отдельной и нескольких тематиках, в тематиках РА группы КМ, в том числе в начальных, конечных и отдельных или кластерных внутренних тематиках дискурса, например, в вводной и заключительной части дискурса. Каждому из КМ может отводиться также общее определённое количество РА различных МТ.

Применение теории РА к продуцированию реальных дискурсов демонстрируют ограниченную множественность решений, создающих принципиальную возможность различных трактовок. Результатом продуцирования является выбор определённой альтернативы – оптимальной структуры дискурса, рационального сочетания монологовых и диалоговых его частей, соответствующей реальной коммуникативной ситуации, подкреплённой количественным анализом атрибутов речемыслительной деятельности. Дискурс предстает в множественности временных срезов, причем в каждой из реализаций свои уникальные пропорции РА, застывших в динамических зонах тематик, обозначается эксплицитно, его контуры проступают вполне отчетливо. Возникает синхроническая карта застывшего времени, распределённого по осям тематик и заключённых в них смыслов. Это теоретически открывает возможность рассматривать дискурс, помещая его моменты в более общие поля коммуникационных структур.

Матрица собственных длительностей РА коммуникантов для обсуждаемых МТ содержит ячейки, в которых приводятся собствен-

ные длительности РА t_{ij} , соответствующих i -х коммуникантов j -х микротем, общее количество РА коммуникантов в каждой из микротем, общее количество РА каждого КМ в дискурсе. Каждую структурную реализацию дискурса можно оценить конкретным целым числом в соответствии с заданным отображением – функцией критерия оптимальности, в качестве которой принято общее время дискурса $X = \sum_1^N \prod_1^M t_{ij} x_{ij}$, где N – количество КМ в группе, M – число МТ в дискурсе. В качестве критерия оптимизации рассматривается наименьшее и наибольшее время дискурса общения группы коммуникантов ($X \rightarrow \min$, а также $X \rightarrow \max$).

В математическом аспекте подобные задачи оптимизации сводятся к задачам линейного программирования. Оптимизация дискурса с применением ИИ использует различные способы членения временной оси для прогнозирования дискурса. Знания, продуцируемые с помощью искусственного интеллекта (ИИ) посредством технологической актуализации дискурса, образуют основу когнитивной оценки доминант речевых актов, способствующей раскрытию содержания, воздействия на адресата. ИИ позволяет заменить разнообразные способы проектирования дискурса обобщенными формальными принципами практических задач проектирования дискурса.

Внимание и сознание КМ в процессе дискурса в каждый момент времени фокусируется на РА определённого коммуниканта(-ов) в очередной микротеме дискурса, активируя заключенную в них семантику, и этот фокус последовательно перемещается по временной оси развития в последовательных МТ дискурса к РА определённых коммуникантов группы. Компоновка РА дискурса в определенных структурах облегчает постижение смыслового ядра, концентрация внимания на котором помогает осознать общий смысл дискурса. Оптимизированная структура дискурса влияет на контекст ситуации как МТ, так и дискурса в целом. Используя рассмотренные обстоятельства оптимизационное моделирование, заступая в будущее время, продуцирует новый рациональный дискурс, обладающий запроектированными характеристиками для предстоящей коммуникации.

На основе изложенного подхода рассмотрен пример решения задачи поиска оптимальной структуры дискурса в аспекте минимизации или максимизации времени дискурса в реальных условиях групповой коммуникации, соответствующей лингвистическим задачам общей минимизации когнитивных усилий группы в процессе дискурса или задаче максимизации времени, предоставляемой для реализации когнитивных усилий РМД определенной части группы, участвующей в дискурсе.

Далее осуществлено практическое моделирование группового дискурса с шестью микротемами четырех КМ (табл. 1). Проектируемый дискурс КМ ориентируется на интервал времени, характерный для академической пары семинара. Предполагается, что собственные длительности РМА и РА совпадают и назначаются для рассматриваемых микротем в секундах на основании опроса, предыдущих наблюдений или экспертных оценок. Каждая микротема рассматривается в заданных количествах РА и общем числе РА дискурса ($N = 140$), что полагается достаточным для реализации целей и намерений, реализуемых в данном общении.

Таблица 1

Ситуация общения и результаты оптимизации

СОБСТВЕННАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ РА В МИКРОТЕМАХ ДИСКУРСА						
Коммуниканты	МТ 1	МТ 2	МТ 3	МТ 4	МТ 5	МТ 6
1	15	25	20	30	8	10
2	5	20	25	25	10	10
3	20	20	35	30	10	20
4	10	25	20	15	5	25
СТРУКТУРА МИНИМИЗИРОВАННОГО ДИСКУРСА						
1	0	0	28	0	0	0
2	12	2	10	6	0	12
3	0	18	0	0	24	0
4	0	16	0	0	0	12
СТРУКТУРА МАКСИМИЗИРОВАННОГО ДИСКУРСА						
1	0	4	24	0	0	0
2	0	0	8	10	24	0
3	12	0	30	0	0	0
4	0	16	0	0	0	12
КОЛИЧЕСТВО РА В МИКРОТЕМАХ ДИСКУРСА						
Общее $N = 140$	12	20	38	34	24	12

Моделирование с использованием ИИ устанавливает необходимую оптимальную структуру РА в дискурсе. В ячейках таблицы с результатами расчета приведены количества РА различных КМ в микротемах для структур минимизированного и максимизированного дискурса, позволяющие обосновать рекомендации для структуризации дискурса. Определены общее число РА в каждой микротеме, временные границы общения в пределах каждой микротемы и всего дискурс, оптимальные длительности микротем дискурса, общие количества РА каждого КМ. Общее время минимизированного по времени дискурса составляет 2200 сек (36 мин 40 сек) и 3500 сек. (58 мин 20 сек) – максимизированного.

Выделение РА коммуниканту означает присвоение ему статуса адресанта, а всей остальной группе статуса адресатов. В случае минимизации дискурса адресантами становятся преимущественно КМ с более высоким уровнем знаний, компетенций и быстротой психофизиологических процессов, в случае максимизации дискурса – КМ с сравнительно низким уровнем. Дискурс расчленяется на элементы, соответствующие общению КМ в пределах каждой МТ дискурса и для любого КМ в течение всего дискурса, а также число РА каждого КМ в рассматриваемой МТ поступательно развертываемого дискурса. Решение оптимизационной задачи свидетельствует о том, что РА оптимально распределяясь по МТ дискурса, не превышают заданных количеств РА каждого из участников общения, и удовлетворяют требованиям определённых объемов РА для всех МТ. Наблюдается приоритет в каждой из микротем РА с более выгодным показателем собственной значимости. КМ, не обладающий достаточными уровнями знаний, компетентности, коммуникационной подготовки лишается определенного числа РА и становится во многом скорее не субъектом, а объектом коммуникации. Тем самым полученная структура распределения РА, отражает ситуативная привязанность дискурса к условиям общения, что служит как предпосылкой успешной коммуникации.

Отчет по устойчивости, обычно сопровождающий технологическую процедуру оптимизации содержит информацию, для постоптимального анализа решения задачи и позволяющую определить границы изменения исходных данных задачи (коэффициентов целевой функции и принятых ограничений), при которых ранее найденная структура дискурса сохраняет свою оптимальность в измененных условиях. Если найденная структура не удовлетворяет условиям коммуникации, проводится оптимизация с использованием других параметров и дополнительных ограничений для рассмотрения альтернативных вариантов. Вводя дополнительные ограничения, удается строить различные по структуре дискурсы, оптимальные в определенных аспектах. Подобранные комбинации параметров сохраняются в качестве сценариев для прогнозирования дискурса в аналогичных ситуациях.

Таким образом, на основе использования лингвокогнитивных категорий дискретных множеств речевых актов, микротем и значений атрибутов речемыслительной деятельности коммуникантов с привлечением методов дискретной математики и искусственного интеллекта, реализована когнитивная динамическая модель продуцирования дискурса. Изменением значений атрибутов и ограничений модели, отражающих реальность общения, осуществляется прогнозирование и проектирование оптимальных структур дискурса

с учетом знаний, компетенций и психотипов участников общения. Однако ряд механизмов лингвокогнитивной деятельности остаются инкапсулированными и в настоящее время недоступными для использования в процессе оптимизации.

Список литературы

1. Данюшина Ю.В. Коммуникативно-когнитивные аспекты моделирования дискурса. – Вестник ЛГУ. – №1. – Т. 5. Филология. – СПб., 2010. – С. 111–117.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. Антология / Ин-т народов России; Моск. гос. лингвист. ун-т; Об-во любителей росс. словесности; под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДТК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Котельникова Е.В. Когнитивное аналитически-образное моделирование языковых конструкций речевых актов дискурса. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 6. – Ч. 2. – С. 93–96.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22–30.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. – Т.6. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 255–256.
8. Хайдегер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

**Средства репрезентации гиперссылок на современных
британских политических персональных сайтах**

**Means of representation of hyperlinks in modern
British political personal sites**

В статье рассматриваются языковые и неязыковые средства репрезентации гиперссылок на персональных сайтах членов парламента Великобритании. Автор выделяет и описывает коммуникативно-прагматическое назначение гиперссылок и определяет их текстовые функции, выражающиеся в актуализации таких категорий, как цельность и связность.

The article examines the linguistic and non-linguistic means of representation of hyperlinks in personal sites of the members of the British Parliament. The author identifies and describes the communicative and pragmatic purposes of hyperlinks and determines their functions which emphasize the actualization of such textual categories as cohesion and coherence.

Ключевые слова: гипертекст, гиперссылка, информационная единица, информационный блок, связность, цельность, интерактивность, ключевые слова.

Key words: hypertext, hyperlink, information unit, information block, coherence, cohesion, interactivity, keywords.

Гипертекст в Интернете как сложное речевое произведение привлекает внимание современных лингвистов к изучению основных текстовых категорий с новых позиций. Большинство исследователей склоняются к тому, что в гипертексте доступна не только последовательная, линейная работа с текстом, как при обычном чтении, но и произвольный доступ, и ассоциативный просмотр в соответствии с установленной структурой связей, а также с учетом личного опыта, интересов и настроения пользователей [2], а это означает наличие отличных от традиционных средств для осуществления связности частей этого речевого произведения.

Это определило большой интерес у представителей разных научных областей к категории когезии и средствам ее актуализации в компьютерном гипертексте. На сайте «Электронный лабиринт» гипертекст рассматривается как представление информации посредством связанной (linked) сети гнезд (nodes), где читатели свободны прокладывать путь (navigate) нелинейным образом» [5]. Главным механизмом связи информационных единиц в интернет-

коммуникации считается гиперссылка, при помощи которой читатель строит гипертекст, складывает его как мозаику. Особенностью гиперссылки является то, что помимо связывания информационных единиц гипертекста она сама может быть относительно самостоятельной смысловой единицей и располагаться как за пределами основного сообщения, так и внутри его, иными словами – участвовать в формировании смысла всего текста данной информационной единицы. Более того, гиперссылкой может стать не только текстовый элемент, но и изображение.

Основными структурными элементами гипертекста являются информационные единицы (узлы или лексии) (в разной терминологии – nodes, frames, workspaces, cards, lexias, Web Pages), размер которых может варьироваться от одного абзаца до целой книги. Эти информационные единицы связаны между собой при помощи гиперссылок (или линков) (links), которые обеспечивают переход от одной информационной единицы к другой. Элемент гипертекстового документа, к которому привязана гипертекстовая ссылка, называется закладкой (привязкой, указателем, анкером). Таким образом, гиперссылка как структурный элемент гипертекста, представляет собой сплав языковых и технических средств.

«Функциональная значимость гиперссылок в лингвистическом дизайне сайта определяется тем, что они регулируют поведение пользователя на сайте, обозначают релевантные блоки информации, создавая и отражая фрагмент когнитивной базы социума» [1]. Все гиперссылки могут быть разделены на несколько групп, которые отличаются и в стилевом оформлении, и в языковой репрезентации. Такое деление связано с определенным набором информационных единиц разной тематической и функциональной направленности, представленных на сайте. Каждая группа имеет свой собственный дизайн (размер, цвет), графику (шрифт) и языковую форму презентации.

Например, графическое оформление тесно связано, во-первых, со стилистикой всего сайта (это шрифт, цветовая гамма, расположение), а во-вторых, с определенными закрепленными значками-символами. Это может быть группа ссылок, включающих в себя принятые в интернет-коммуникации значки: социальная сеть, подписка, новости, которые часто встречаются без соответствующих подписей или из значков, принятых в интернет-коммуникации и обозначающих технические возможности, предоставляемые сервисом. На первый взгляд может показаться, что эти ссылки повторяют друг друга, но это не так. Первая группа представляет возможности интерактивной связи, что демонстрирует открытость и доступность сайта и его владельца для посетителей.

Вторая же группа – чисто техническая и не имеет отношения к содержанию сайта. Эти ссылки дают некоторые дополнительные

возможности посетителям для облегчения и удобства работы с этим сайтом. Например, они могут увеличить размер шрифта на сайте для удобства чтения, распечатать заинтересовавший их текст, загрузить понравившиеся или необходимые им файлы или выйти непосредственно с этого сайта на страницу нужной им для общения с его владельцем социальной сети, зарегистрироваться и начать общение. Круг этих возможностей может быть разным, но направленность у них одна – сделать работу с технической стороны наиболее простой и удобной для посетителей.

Широко используются на сайтах ссылки, репрезентируемые символами, которые указывают на партийную принадлежность политического деятеля и подчеркивают корпоративный характер сайта. Они опосредованно связана с содержанием сайта, так как является переходом во внешнюю сферу политической деятельности владельца, где, как предполагается, он представляет интересы населения своего избирательного округа.

Все эти группы ссылок можно назвать внешними, так как они выводят адресата за пределы персонального сайта в другие области интернет-пространства. Основная их функция – повышение информационной емкости текста. Как правило, такие ссылки являются средством навигации и сопровождают читателя на протяжении всего пространства гипертекста, выполняя тем самым связующую функцию отдельных информационных единиц всего интернет-пространства, указывая адресату, где он находится и, подсказывая возможные дальнейшие пути продвижения.

Языковая репрезентация носит чисто номинативный характер и представлена ключевым словом темы ссылки (Facebook, Newsletters и т.п.), либо общепринятыми сокращениями (RSS, FAQ и др.). Таким образом, гиперссылки – это своего рода указатели места хранения информации в пространстве Интернета и характера связи той информации, которую они связывают, вступая друг с другом в сложные семантические отношения. Трактую гиперссылки как сложные знаки, можно проследить, как их означаемые (семантические) поля взаимодействуют друг с другом.

Несмотря на пространственное расположение информационных единиц гипертекста, его фрагментарность, по словам Н.Ф. Ковалевой, «линейность в гипертекстах присутствует, так как, несмотря на нелинейность в отношении означающих двух взятых блоков гипертекста, означаемые этих двух блоков могут быть связаны как раз линейным способом» [4, с. 39]. Для персональных политических сайтов – это часто встречающаяся форма организации, которая упрощает структуру сайта и помогает посетителю легко найти интересующую его информацию. Линейность этих ссылок выражается в дополнении информации к уже представленной

в каждой предыдущей информационной единице по тематическому принципу, где каждая последующая ссылка ведет к получению новой информации на основе ключевых слов. Такое построение гипертекстового пространства характерно для организации Меню сайта персональных страниц, которое можно сравнить с оглавлением любой обычной печатной книги. Они все связаны графикой – единый шрифт, цвет.

Кстати, на сайте меню может располагаться в разных местах и даже в нескольких местах одновременно, особенно если главная страница очень объемная и требует прокрутки для возвращения к Главному меню. Чаще всего встречается горизонтальное расположение вверху и внизу страницы, но также возможен вариант и вертикального, что определяется в основном дизайном самого сайта. Языковая репрезентация названий разделов меню характеризуется краткостью и сжатостью, что определяется во многом пространственной ограниченностью их размещения. Это лексические единицы, представляющие номинацию тематики раздела. В этом случае очень часто используются усеченные конструкции, как, например, может встретиться просто предлог «About» без наименования субъекта. С одной стороны, это оправдано тем фактом, что субъект предсказуем и данная информация может быть избыточной, но, с другой стороны, это объясняется и ограниченностью выделенного общим дизайном «Меню» места для языкового оформления ссылки.

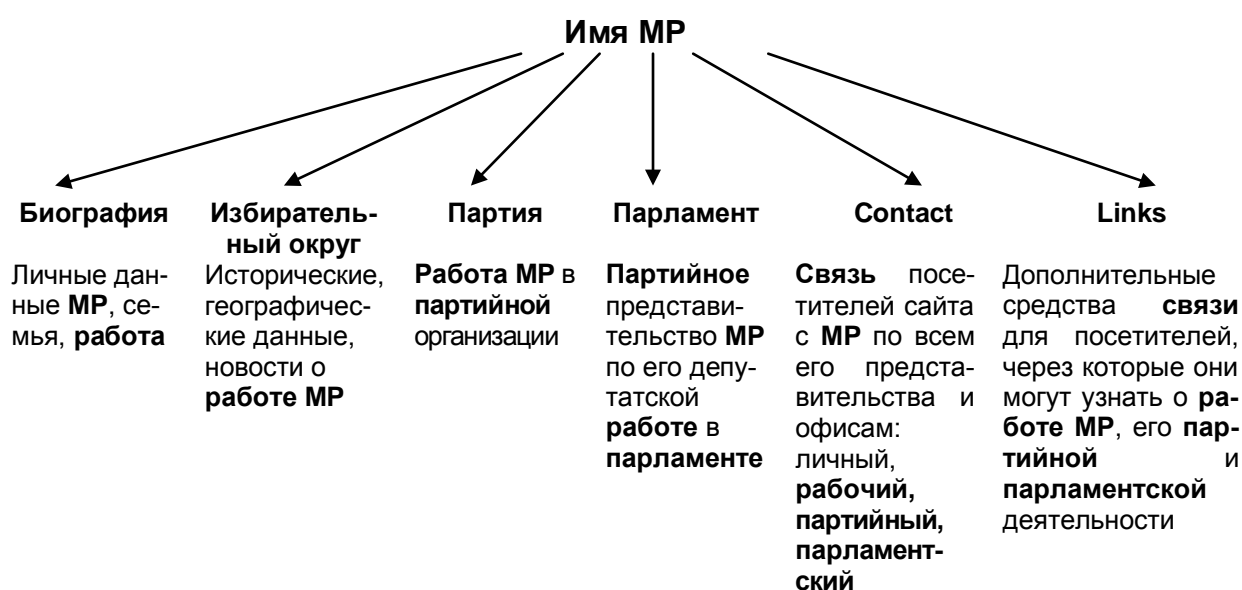
Интересным является языковая репрезентация ссылок, направленных на указание интерактивных блоков сайта. Основным средством в данном случае являются императивные конструкции (Join us; Get involved; Make a donation). В данном случае в ссылке четко указывается само действие (join, get, make), к которому призывают посетителя, а императивная конструкция ярко определяет призывный характер данного речевого действия.

Наиболее расширенный вариант языкового оформления ссылок представлен в разделе Latest News, который включает подборку новостей о работе МР и его парламентской деятельности. Обязательными элементами является: в первую очередь – имя политика, и второе – дата выхода новостей. Сама ссылка состоит из фразы, которая указывает на событие, о котором идет речь в данной новостной ленте (holiday let tax; wave energy trial on Loch Ness; new broadband in investment for rural areas). Такое представление новости позволяет посетителю сайта уже по этой ссылке определить свой выбор на основании своих интересов или профессиональной деятельности.

И последняя группа ссылок, которая широко представлена на британских политических персональных сайтах имеет чисто функциональное назначение, которое заложено в самой языковой

форме, например, «Read more», и направляет посетителя непосредственно на представляемый информационный блок. Такие ссылки носят инструктивный характер, выраженный императивной конструкцией.

Количество разделов сайта может очень сильно варьироваться, кроме того, некоторые из них могут иметь дополнительные вкладки, но вот их последовательность остается достаточно четко определенной в соответствии с тема-рематическим принципом развития представляемой информации и носит линейный поступательный характер. Такие информационные единицы легко могут быть организованы в печатный вариант текста. Это изображено в следующей таблице.

В таблице четко показано поступательное движение дополнительной информации – от старой к новой. В данном случае семантическая когерентность всего информационного пространства сайта осуществляется за счет ключевых слов, которые могут восприниматься как ключевые концепты текста, составляющие его базовую концептуальную структуру и выполняющие роль «смысловых опор» для раскрытия основного содержания речевого произведения. Как правило, они графически маркированы в языковом и графическом оформлении гиперссылок, посредством которых гипертекст в виртуальной среде группирует информационные единицы, входящие в его состав, определенным образом вокруг себя. С точки зрения парадигматических отношений семантически близкие части гипертекста формируют тематическое ядро, основой которого является имя владельца сайта.

Связь между конститuentами гипертекста осуществляется при помощи гиперссылки, в которой, как правило, ключевое слово передает основной смысл данной информационной единицы с точки

зрения автора. Задача создателя гипертекста при расстановке гиперссылок заключается в том, чтобы предвосхитить ассоциации адресата или подсказать ему дальнейшие возможные пути прочтения. Необходимым условием для целостного восприятия всего сайта является то, что выбор любой из них не должен нарушать совместимость его информационных единиц.

Отношения между частями гипертекста ассоциативны по своей природе. Потенциально гиперссылка является своего рода «окном», перспективой развития темы гипертекста, которую адресат, основываясь на своих ассоциациях, логике, актуализирует или нет во время работы с сайтом. Гиперссылки в данном случае выполняют две цели: повышают информационную емкость текста; служат в качестве выразительного средства. Привлекая внимание пользователя как за счет стилистической маркированности, так и графической, а также компьютерных технологий (например, бегущая строка), внимание привлекается к наиболее важной для политика и его команды информации. Тем самым реализуются важные функции политической коммуникации: акцентное и регулятивное воздействие на адресата.

Гиперссылка устанавливает общее между информационными единицами гипертекста не только на смысловом, семантическом уровне, но и на графическом. Она утверждает «однорядковость» элементов дизайна сайта в целом. В случае электронного гипертекста разворачивание основного смысла происходит как на уровне линейных связей в рамках одного сайта, так и вертикальном – на уровне множества конституирующих информационных единиц всего гипертекстового пространства Интернет. Таким образом, на основе лингвистических и экстралингвистических средств объединения информационных единиц гипертекста осуществляется их совместимость, которая, в свою очередь, выражается в актуализации таких категорий текста, как когезия и когерентность.

Список литературы

1. Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц: проблемы «коммуникативных неудач»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Ч.1. – Петрозаводск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 148–153 – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/a/atabekova.shtml.

2. Гасов В.М., Цыганенко А.М. Методы и средства подготовки электронных изданий: учеб. пособие. – М.: МГУП, 2001. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook081/01/index.html>.

3. Клементьева Е.Е., Котов Н.М. Гипертекстовые технологии в образовании. // Информационные технологии и образование. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 50–63.

4. Ковалева Н.Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст: дис. канд. филол. наук. – М.: РГБ., 2003. – 180 с.

5. The Electronic Labyrinth. – Режим доступа: <http://www2.iath.virginia.edu/elab/hfl0276.htm>.

Подходы к изучению гипертекста Approaches to the study of hypertext

Данная статья рассматривает этапы изучения гипертекста в современной лингвистике, описывает различные подходы и направления в этой области, анализирует существующие определения «гипертекста» и на основе проведенного аналитического обзора предпринимает попытку формулировки рабочего определения данного понятия, учитывающего последние наработки в лингвистической науке.

The article examines the stages of the hypertext studies in modern linguistics, describes different approaches and trends in this field, analyzes the existing definitions of "hypertext" and on the basis of the analytical review attempts to formulate the definition of this concept, which takes into account the recent developments in linguistics.

Ключевые слова: гипертекст, гиперссылка, нелинейность, ассоциативность, информационный феномен, интерактивный текст.

Key words: hypertext, hyperlink, non-linearity, associativity, information phenomenon, interactive text.

В современной науке существует множество подходов к изучению гипертекста. Некоторые ученые рассматривают это явление как компьютерную технологию, некоторые как новый тип мышления, как новый способ предоставления информации, некоторые как лингвистическую категорию.

Гипертекст, являющийся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, имеет короткую, но очень стремительно развивающуюся историю. В какой-то момент своего существования человеческая цивилизация поняла, что мыслит пространственно и ассоциативно, а не линейно. Следовательно, гипертекст, как один из видов нелинейного предоставления информации, позволяет нам добиться не только нелинейного мышления при восприятии текста, но и пространственного оформления самого текста.

Все же начать изучение гипертекста стоит с его истоков. Первый исследователь, заговоривший о нелинейной организации информации был советник по науке при президенте Рузвельте Ванневар Буш. В 40-х годах 20-го века он подробно описал принцип действия машины, которую назвал «Метех». Эта машина представляла собой библиотечный каталог, но, в отличие от обычного

каталога, она являлась «механизмом, благодаря которому любой элемент информации может служить отправной точкой для немедленного автоматического выбора любого другого элемента информации» [Цит. по: 3, с. 14]. Как можно заметить из данного определения, ключевым понятием является нелинейность и ассоциативность. Таким образом, принцип действия этого механизма базируется на ключевом принципе гипертекста – нелинейности. Сама идея «нелинейного представления информации» являлась новаторской, опережала свое время и предполагала «преобразование линейного текста в многоуровневую нелинейную структуру» [5, с. 23]. Этот подход предполагал оптимизацию способа хранения информации и ее предъявление по ключевым словам, ассоциациям.

Непосредственно под гипертекстом Буш понимал «способность человеческого интеллекта осуществлять хранение больших объектов информации и поиск в них посредством ассоциации» [3, с. 14]. Изначально гипертекст воспринимался как ментальная способность человека. И действительно, если учесть тот факт, что человеческий интеллект устроен таким образом, что производит мыслительные операции нелинейно и ассоциативно, то данное определение гипертекста является справедливым и с ним можно согласиться. То есть, информация должна быть предоставлена в привычном для нашего мозга виде. С технической точки зрения, гипертекст представляет из себя нелинейный способ хранения информации, где каждый элемент связан с другим ассоциативно. То есть, функционирует так же, как и человеческий мозг. В дальнейшем идеи Буша будут положены в основу последующего изучения гипертекста как информационного феномена.

Во второй половине 20-го века американский математик, философ и информатик Теодор Нельсон выдвинул следующую идею о гипертексте «под гипертекстом я понимаю непоследовательную запись, это форма письма, которое ветвится и осуществляется по запросу» [8]. В данном определении гипертекст уже выступает как форма письма, а не способность человека. Скорее всего, Нельсон имел ввиду электронную, интерактивную форму письма, а не напечатанный на бумаге текст. Подтверждением тому может послужить еще одно определение гипертекста, данное Нельсоном: «гипертекст – это соединение текста на естественном языке с создаваемой компьютером возможностью интерактивного создания внутри него новых ветвей или динамичной организации... нелинейного текста..., который уже не может быть напечатан обычным образом на обычной бумаге» [Цит. по: 6, с. 48]. Как можно наблюдать из приведенного выше определения, Нельсон сузил это понятие до только компьютерного интерактивного текста: такой текст не представляется возможным напечатать на бумаге. Но, если мы возьмем обычную

энциклопедию или сборник научных статей, то мы сможем увидеть, что данный текст тоже является нелинейным. Так, одна статья в энциклопедии то и дело отсылает читателя к другой статье в рамках одного дискурсивного пространства, а иногда и за его пределы. Значит ли это, что энциклопедия тоже представляет из себя нечто иное, как гипертекст? Согласно нельсоновскому определению ответ на этот вопрос отрицательный, так как это текст, который «не может быть напечатан на обычной бумаге». Но нелинейная организация энциклопедии говорит об обратном. На наш взгляд, на данном этапе можно пронаблюдать сугубо компьютерную природу гипертекста.

В отличие от Нельсона, исследователь М. Форрэстэ определил гипертекст как «способ хранения и манипулирования информацией, при котором она хранится в виде сети связанных между собой узлов» [Цит. по: 3, с. 14]. Из данного определения становится ясно, что М. Форрэстэ возвращается к истокам изучения гипертекста, то есть к идеям Буша. Гипертекст рассматривается как способ хранения и работы с информацией, связанной при помощи «сети узлов». То, что Буш определил как «ассоциации», Форрэстэ определяет как «сеть узлов», которые позволяют обратиться к информации из любой точки. Таким образом, идея о гиперссылках, как механизме связи элементов гипертекста, была обозначена еще Бушем.

В том же ключе понимания гипертекста происходит его изучение и отечественными исследователями. Так, например, согласно определению М.М. Субботина, «гипертекст – это особая форма организации, представления и освоения текстового материала. Она может быть организована в сложной технической среде, при помощи компьютера» [6, с. 9]. Из данного определения мы опять можем наблюдать техническую сторону изучения явления гипертекста. Это определение коррелирует с определением Теодора Нельсона, который подчеркивает, что гипертекст может быть осуществлен только в «сложной технической среде, при помощи компьютера» [8].

В течение долгого времени гипертекст является сугубо компьютерным термином и определяется в самом широком смысле как «новая компьютерная технология» [6, с. 9]. Таким образом, гипертекст рассматривается только как компьютерная технология и не имеет ничего общего с лингвистикой. Но, с другой стороны, если мы обратимся к самому слову «гипертекст», то в своем составе это сложное слово имеет основу «текст», а это значит, что оно имеет самое непосредственное отношение к лингвистике. И действительно, за последнее время все больше лингвистов обращают свое внимание на гипертекст. Гипертекст стал объектом лингвистического исследования. С лингвистической точки зрения, «гипертекст – это нелинейно организованный текст, текст с нелинейной структурой» [6, с. 16]. С одной стороны, он необязательно должен быть компью-

терным, это также может быть и напечатанный текст, в котором связь элементов осуществляется при помощи механизмов, свойственных гипертексту. Однако, лингвисты предпочитают не разрывать эти две области знания.

С точки зрения лингвистики в совокупности с компьютерными технологиями, гипертекст рассматривается в исследованиях Р. К. Потаповой. По мнению исследователя, «гипертекст – это соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания и технической среды, технических средств, дающих человеку возможность создавать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [4, с. 49]. Была предпринята попытка двусторонней трактовки понятия «гипертекст». С одной стороны, он по-прежнему является компьютерной технологией, так как существует в некой технической среде, но, с другой стороны, он уже рассматривается как «соединение смысловой структуры», то есть, цельный текст. Цельность и связность данного текста обеспечена специальными механизмами когезии и когерентности. Исследователи, характеризуя структуру гипертекста, указывают на два основных типа структурных элементов: информационная единица и средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой – гиперссылка [7].

Определение места понятия «гипертекст» в контексте лингвистики текста представляется довольно сложной задачей. Лингвист Дедова О.В. рассматривает компьютерную и лингвистическую природы гипертекста. По мнению Дедовой, «гипертекст – это обычно текст сверхбольших объемов, части которого определенным образом связаны, а гипермедиа в данном случае – это аппарат, который технически позволяет существование такой связи и вызов необходимого материала» [1, с. 34]. То есть, гипертекст, согласно О.В. Дедовой, это обычный текст, существующий в информационном пространстве и реализованный при помощи гипермедиа. Гипермедиа представляет собой механизмы когезии и когерентности, позволяющие добиться целостности и связности этого «сверхбольшого текста».

Большинство исследователей выделяют следующие основные свойства гипертекста:

- дискретность подачи информации, т. е. отсутствие непрерывности;
- нелинейность;
- антропоцентричность или субъективизм в отношении коммуникативной завершенности гипертекста;
- «демократичность» – отдельные части гипертекста в зависимости от позиции, избранной читателем, могут служить и началом, и завершением одновременно [2, с. 134].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что понятие гипертекста, хотя, и является уже довольно изученным понятием, но со времен Буша ничего кардинально нового не было сформулировано. На сегодняшний день нет общепринятого определения гипертекста, существует определенная неоднозначность. Из приведенных определений гипертекста четко прослеживается приверженность к теории Р. Буша и Т. Нельсона, как продолжателя его работы. Однако, с развитием науки, гипертекст стал восприниматься не просто как механизм или способ нелинейного хранения информации, но и как способ организации самого текста, как объекта лингвистического исследования. И сам гипертекст тоже воспринимается как объект лингвистического исследования в силу того, что гипертекст это, прежде всего, текст, пусть и существующий преимущественно в киберсреде.

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения и подходы к изучению гипертекста, можно предположить, что гипертекст – это сложное лингвоинформационное образование, существование которого возможно преимущественно в киберсреде, обладающее навигационным аппаратом, оформленным посредством гиперссылок и «линков» (как языковыми, так и неязыковыми), актуализирующих такие текстовые категории, как связность и цельность.

Несмотря на проделанную работу по изучению гипертекста в современной лингвистике, эта сфера научных интересов открывает широкий простор для проведения исследований. Так, например, способы организации гипертекста и навигации в нем еще недостаточно изучены. Огромный интерес представляет именно изучение ссылочного аппарата гипертекста. Гиперссылки и ссылки, которые делают существование гипертекста возможным.

Список литературы

1. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 284 с.
2. Морозова О.Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании» (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании): дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2012. – 348 с.
3. Нестеров А.В. Гипертекст: тензорный подход (гипертекстовый вариант). – Новосибирск: Препринт, 1991. – 15 с.
4. Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика: учеб. пособие. – М.: МГЛУ, 2002. – 576 с.
5. Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 256 с.
6. Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники, серия информатика / ВИНТИ. – 1994. – Т. 18. – 158 с.
7. Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. – 1998. – Режим доступа: <http://newasp.omskreg.ru/intellect/f27.htm>.
8. Nelson Th. H. A file structure for the complex, the changing and indeterminate / Th. H. Nelson // ACM 20th Nationale Conference. Clevelend; Ohio, 1965.

Король Джеймс: неграмотные тоже хотят спасти свои души
King James: the illiterate people want to save their souls too

В статье рассматриваются трудности перевода Библии. Автор отмечает, что современные переводчики используют настолько сложные конструкции, что потребитель не всегда понимает их перевода. То же самое происходило в XVI веке, когда формальный стиль перевода Библии не позволял простолюдинам понять ее. Особое внимание в статье уделяется анализу клиентоориентированному проекту Короля Джеймса по переводу Библии, подходы к переводу которого могут быть использованы и в настоящее время.

The article discusses the difficulties in translating the Bible. The author notes that modern translators use such sophisticated language structures that consumers do not understand their translation. The same thing happened in the XVI century, when the formal style of the translation of the Bible did not allow commoners to understand it. Particular attention is paid to the analysis of the customer-oriented project of the King James on the Bible translation, the approaches of which can be used at present time.

Ключевые слова: Библия Дауэй-Рэймс, Библия Короля Джеймса, клиентоориентированный перевод, упрощение текста.

Key words: Douay-Rheims Bible, King James Bible, tailor-made translation, text simplification.

В XVII в., под влиянием большого количества протестантских переводов Библии, с одной стороны, и в результате Реформации, с другой, приходило понимание того, что перевод Библии должен становиться все более и более упрощенным [5, с. 110]. В результате, католическое духовенство в лице бывших оксфордских ученых Уильяма Кардинала Аллена, Грегори Мартина (главного переводчика), и Томаса Уортингтона выпустили свою Библию под названием Дауэй-Рэймс, в которой текст был действительно немного упрощен благодаря усилиям переводчика епископа Ричарда Чаллонера [там же].

Тем не менее, проект Дауэй-Рэймс оказался не вполне удачным с точки зрения восприятия перевода простолюдинами, потому что перевод характеризовался избытком латинизмов и буквалистским следованием оригиналу. Грегори Мартин не искал большей свободы в переводе Писания, чем это необходимо, но старался держаться как можно ближе к тексту – словам и фразам, освященным долгим

употреблением [5, с. 111–112]. Перевод получился непонятным для простых людей, потому что во главу угла опять была поставлена идеология, а не нужды потребителя перевода: католики осуществляли этот проект нехотя, только из-за того, что им нужно было противопоставить свой перевод протестантам [5, с. 115].

Эта частично неудачная попытка папистов по упрощенному переводу Библии подвигли Короля Джеймса (Короля Иакова I) в первый же год своего правления запустить проект по осуществлению еще более клиентоориентированного перевода Библии для простых людей [там же].

Для осуществления этого клиентоориентированного перевода Майлз Смит, один из переводчиков, которого Король Джеймс назначил главой команды, осуществляющий этот проект, и который написал предисловие к переводу Библии, использует **все** способы для того, чтобы сделать Библию доступной «...для простого народа, чьи души тоже нужно спасти...» [там же].

Прошло несколько сотен лет, но во многих российских и западных компаниях имеет место тот же самый тревожный симптом, что был среди потребителей католической Библии Дауэй-Рэймс. Согласно исследованиям организации English Text Company, голландские переводчики не всегда обеспечивают эффективное международное общение. В соответствии с опросом американских бизнесменов по поводу эффективности голландских бизнес-текстов, переведённых на английский язык, бизнесмены отмечают, что голландцы, думают, что если вашими переводами довольны в Амстердаме, ими будут довольны и в Нью-Йорке, Хьюстоне и Лос-Анджелесе [1, с. 13].

Повсеместно используя формальный стиль английского языка, голландские переводчики не удосуживаются узнать, что бизнес Америка является неоднородной: непринуждённый стиль на юго-западе контрастирует с формальностью на северо-востоке. Учитывая тот факт, что оборудование по тяжёлой металлургии в основном продаётся на северо-востоке и среднем западе, а компьютерная индустрия сконцентрирована в калифорнийской «Силиконовой Долине» и в Новой Англии, бизнес-английский, применяемый при переводе, должен отвечать языковым особенностям этих регионов [1, с. 12].

Мы неслучайно проводим аналогию между временами Короля Джеймса и временами нынешними. Эта аналогия определяет **научную новизну** данной статьи, которая определяется обобщением и описанием методов усовершенствования перевода, опираясь на мнение потребителя перевода, а не на мнение переводчика, как это обычно принято в отечественном переводоведении.

Проблема игнорирования нужд простого потребителя перевода, с которой столкнулись читатели Библии Дауэй-Рэймс в XV в. и гол-

ландские бизнесмены в XXI веке, определила **цель** данной статьи, которая заключается в расширении методов упрощения переводящегося текста.

Для достижения этой цели были поставлены **задачи**:

(1) описать методы перевода короля Джеймса;

(2) сравнить их с методами перевода авторов Библии Дауэй-Рэймс.

Какие же методы применяла команда короля Джеймса, чьей задачей был перевод, ориентированный на простых людей, а не на самого переводчика? Прежде всего, устранялись расплывчатые выражения, которые при переводе Библии применяли католические переводчики.

В Старом Завете Короля Джеймса мы видим простую фразу «...we may **eat of the fruit of the trees of the garden...**» [4, с. 3] («...мы можем **есть фрукты с деревьев этого сада...**»), в то время как в Современной Библии Дауэй-Рэймс расплывчатую: «...**of the fruit of the trees that are in paradise we do eat...**» [3, с. 4] («...**фрукты тех деревьев, которые находятся в раю**, нам действительно разрешено есть...»).

Или, например, в Старом Завете Короля Джеймса мы читаем «...every imagination of the thoughts of his heart **was only evil continually...**» [4, с. 7] («...каждая фантазия в его мыслях, рожденных сердцем **было только злом, непрекращающимся злом...**»), в то время как в Современной Библии Дауэй-Рэймс мы вынуждены распознавать страдательный залог и большее количество слов: «...all the thought of their heart **was bent upon evil at all times...**» [3, с. 8] («...все мысли, рожденные в их сердцах **были сконцентрированы только вокруг зла, и это продолжалось постоянно...**»). Страдательный залог менялся на действительный. Или другой пример, в Старом Завете Короля Джеймса – действительный залог «...and every thing that is in the earth shall **die...**» [4, с. 7] («...и каждая тварь, что находится на земле, должна умереть...»), в Современной Библии Дауэй-Рэймс – пассивная конструкция «...all things that are in the earth **shall be consumed...**» [3, с. 9] («...и всех тварей, что находятся на земле, будут истреблены...»).

Команда короля Джеймса также добивалась упрощения текста за счет замены *переходных глаголов, имеющих идентичное прямое дополнение*, на глаголы, представленные одним словом. Например, в Старом Завете Короля Джеймса используется глагол die «...for in the day that thou eatest thereof thou shalt surely **die...**» [4, с. 3] («...поэтому в тот день, когда вы это съедите, в этот день вы непременно **умрете...**»), а в Современной Библии Дауэй-Рэймс – *переходный глагол, имеющий идентичное прямое дополнение* «...what day soever thou shalt eat of it, thou shalt **die the death...**» [3,

с. 3] («...не важно каким будет тот день, когда вы это съедите, в этот день вы непременно **примете смерть...**»).

Причастные конструкции, и перфектные, и простые, менялись на конструкции в прошедшем времени. В Старом Завете Короля Джеймса – перфектная причастная конструкция «...and out of the ground the Lord God **formed** every beast of the field, and every fowl of the air; and brought them unto Adam to see what he would call them...» [4, с. 3] («...и из земли Господь Всемогуший сотворил каждую тварь в поле, каждую птицу в воздухе; и принес их Адаму, чтобы он понял, как их называть...»), в Современной Библии Дауэй-Рэймс – сложная конструкция в прошедшем времени «...and the Lord God **having formed** out of the ground all the beasts of the earth, and all the fowls of the air, brought them to Adam to see what he would call them...» [3, с. 3] («...и, Господь Всемогуший, сотворив из земли всех тварей на земле, и всех птиц в воздухе; принес их Адаму, чтобы понять, как он будет их называть...»).

Или другой пример, в Старом Завете Короля Джеймса – простая причастная конструкция «...now Sarai Abram's wife bare him no children: and she **had** an handmaid, an Egyptian, whose name was Hagar...» [4, с. 17] («...и вот, Сара, жена Авраама, вообще не родила ему детей: но у нее **была** служанка, египтянка, по имени Хагар...»), и в Современной Библии Дауэй-Рэймс – опять усложненная конструкция в прошедшем времени «...now Sarai the wife of Abram, had brought forth no children; **having** a handmaid, an Egyptian, named Agar...» [3, с. 21] («...и вот, Сара, жена Авраама, не одарила его никакими детьми; но **имея** в распоряжении у себя служанку, египтянку, имя которой было Хагар...»).

Формальный глагол менялся на объясняющую фразу или разговорное слово. В Старом Завете Короля Джеймса встречается объясняющая глагольная конструкция «...and when Sarai **dealt hardly** with her, she fled from her face...» [4, с. 17] («...и когда Сара **обошлась** с ней **резко**, она исчезла с ее глаз долой...»), в то время как в Современной Библии Дауэй-Рэймс – формальный глагол «...and when Sarai **afflicted** her, she ran away...» [3, с. 21] («...и когда Сара **причинила ей страдания**, она убежала из покоев...»). Или другой пример употребления объясняющей глагольной конструкцией в Старом Завете Короля Джеймса – «...and I will give unto thee, and to thy seed after thee, the land **wherein thou art a stranger...**» [4, с. 18] («...и я поселю тебя, и детей твоих в страну, **где никто тебя не знает...**»), а в Современной Библии Дауэй-Рэймс – опять формальный глагол «...and I will give to thee, and to thy seed, the land of thy **sojournment...**» [3, с. 22] («...и я одарю тебя и детей твоих землей твоего **временного проживания...**»).

В Старом Завете Короля Джеймса переводчик использует более эмоциональное существительное **seed** (семя): «...he that is born in the house, or bought with money of any stranger, which is not of thy **seed**...» [4, с. 18] («...тот, кто родился в твоём доме, или куплен за деньги у незнакомца, который не твоего семени...»), тогда как в Современной Библии Дауэй-Рэймс мы видим нейтральное существительное **stock** (род, племя): «...he that is born in the house, as well as the bought servant shall be circumcised, and whosoever is not of your **stock**...» [3, с. 22] («...он, кто родился в твоём доме, или же был обрезан младенец, купленный у слуги за деньги, который вовсе не твоего племени...»).

Переводчики Короля Джеймса использовали наиболее часто употребляемые слова вместо редких слов. Например, в Старом Завете Короля Джеймса – существительное **dust** с уровнем частотности употребления «3» [2, с. 516] «...and the LORD God formed man of the **dust** of the ground...» [4, с. 2] («...и сотворил Господь человека из пыли земной...»), в то время как в Современной Библии Дауэй-Рэймс – существительное **slime** с уровнем частотности употребления «0» [2, с. 1568] «...and the Lord God formed man of the **slime** of the earth...» [3, с. 3] («...и сотворил Господь человека из слизи земной...»). Или другое существительное **violence** в Старом Завете Короля Джеймса имеет уровень частотности употребления «4» [2, с. 1866] «...the earth also was corrupt before God, and the earth was filled with **violence**...» [4, с. 7] («...земля была несовершенной до Господа, и наполнена она была жестокостью...»), в то время как в Современной Библии Дауэй-Рэймс используется существительное **iniquity** опять с уровнем частотности употребления «0» [2, с. 867] «...and the earth was corrupted before God, and was filled with **iniquity**...» [3, с. 9] («...несовершенной была земля до Господа, и наполнена она была беззаконием...»).

Переводчики Короля Джеймса не стали привязываться ни к единообразию фразовых оборотов и к идентичности слов, характерных для переводчиков-папистов, которые настаивали на употреблении таких слов как **azimes** – опреснок, **dominion** – власть, **tunike** – туника, **rational** – подперсье, **holocausts** – убиенные жертвоприношения, **praeruse** – крайняя плоть, **pasche** – пасха и других [5, с. 119]. К примеру, в Старом Завете Короля Джеймса встречается фраза **burnt offerings** «...and took of every clean beast, and of every clean fowl, and offered **burnt offerings** on the altar...» [4, с. 10] («...и взял каждого невинного зверя, каждую невинную птицу, и принес сожженные приношения к алтарю...»), а в Современной Библии Дауэй-Рэймс существительное **holocausts** «...and taking of all cattle and fowls that were clean, offered **holocausts** upon the altar...» [3, с. 12] («...и взяв весь скот и птицу, которые были невинны, возложил

убиенные жертвоприношения к алтарю...»). В Старом Завете Короля Джеймса – существительное **breastplate** «...and these are the garments which they shall make; a **breastplate**, and an ephod, and a robe, and a broidered coat, a mitre, and a girdle...» [4, с. 108] («...и это – одежда, которую они должны делать; **нагрудник**, и юбка, и халат, и плетеный кафтан, повязка на голове, и пояс...»), а в Современной Библия Дауэй-Рэймс существительное **rational** «...and these shall be the vestments that they shall make: a **rational** and an ephod, a tunick and a strait linen garment, a mitre and a girdle...» [3, с. 129] («...и это должны быть облачения, которые они будут делать: **подперсье** и ефод, туника и непритязательная одежда из холста...»). В Старом Завете Короля Джеймса – глагол **rule** «...and thy desire shall be to thy husband, and he shall **rule** over thee...» [4, с. 4] («...и желать ты должна только мужа своего, и **слушаться** ты его должна...»), а в Современной Библия Дауэй-Рэймс - глагольный оборот с существительным **dominion** «...and thou shalt be under thy husband's power, and he shall **have dominion** over thee...» [3, с. 5] («...да убоись ты мужа своего, и власть он должен иметь над тобой...»).

Кроме того, перевод осуществлялся таким образом, чтобы вызвать чувство любопытства, а не чувство встречи с обыденной мудростью. То есть Библия становится интересной даже для атеиста [5, с. 119]. Чувство любопытства вызывалось при помощи инверсии. В Старом Завете Короля Джеймса мы видим инверсию «...fifteen cubits **upward did** the waters **prevail**; and the mountains were covered...» [4, с. 8] («...**аж** на пятнадцать локтей **ввысь поднялись** воды, и закрыли они собой воды...»), а в Современной Библии Дауэй-Рэймс используется глагол-связка с предикативом «...the water was fifteen cubits **higher** than the mountains which it covered...» [3, с. 10] («...вода была на пятнадцать локтей **выше** чем горы, коей они были покрыты...»).

Чувство любопытства также вызывалось при помощи образных сравнений. В Старом Завете Короля Джеймса поверхность земли сравнивается с лицом «...and watered the whole **face** of the ground...» [4, с. 2] («...и залила всю **поверхность** земли...»), в то время как в Современной Библии Дауэй-Рэймс поверхность земли называют просто поверхностью «...watering all the **surface** of the earth...» [3, с. 3] («...заливая собой всю **поверхность** земли ...»).

Также чувство любопытства вызывалось при помощи причудливых, привлекающих внимание, имен. Например, в Старом Завете Короля Джеймса использовано слово **beerlahairoi** – колодец «...the well was called **Beerlahairoi**; behold, it is between Kadesh and Bered...» [4, с. 18] («...колодец был назван, к сведению, он находится между Кадешом и Бередом...»), а в Современной Библия Дауэй-Рэймс использовано непосредственно слово **well** – колодец «...she called that **well**, the well of him that liveth and seeth me. The same

is between Cades and Bared [3, с. 22] («...она назвала его колодцем, его колодцем, который оживляет и вливает в меня новые силы...»).

Или же для усиления эмоциональности воздействия использовались поэтические слова. В Старом Завете Короля Джеймса, например, это поэтическое слово *betwixt* (между) «...and it shall be a token of the covenant **betwixt** me and you...» [4, с. 18] («...и это должно быть знаком согласия **между** мной и тобой...»), тогда в Современной Библии Дауэй-Рэймс использовано общеупотребительное слово *between* «...that it may be for a sign of the covenant **between** me and you...» [3, с. 22] («...и это может быть символом согласия **между** мной и тобой ...»).

В целом, как показал переводческий опыт Короля Джеймса, процесс и продукт перевода можно усовершенствовать путем изменения стилистики текста, учитывая нужды потребителя перевода. В частности, для того, чтобы сделать перевод доступным для простых потребителей, Король Джеймс устранял такие части речи и конструкции, как определители и дополнители, неличные формы глагола, придаточные предложения и расщепленные конструкции, которые делали и делают до сих пор перевод простым для понимания.

Список литературы

1. Сахневич С.В. Клиентоориентированный перевод. – Саарбрюкен: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 200 с.
2. Collins CoBuild English Dictionary. – Birmingham: HarperCollinsPublishers, 1995. – 1951 p.
3. Douay-Rheims Bible – Large Size. – London, Oil City: Baronius Press Limited, 2008. – 2061 p.
4. Holy Bible, the: the Text Conformable to That of the Edition of 1611 Commonly Known as the Authorized or King James Version. – Auckland: The Floating Press, 2008. – 1750 p.
5. Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by Weissbort D. and Eysteinnsson A. – New York: Oxford University Press, – 2006. – 649 p.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

УДК 811. 152. 2'3 4

Е. А. Денисова
E. A. Denisova

Диахронический аспект звуковых изменений островного языкового образования Scots The diachronic aspect of the Insular Language Entity Scots sound change

В статье рассматривается теория звуковых изменений, эволюция фонологических систем, языковое контактирование, причинно-следственный механизм динамики фонологических систем островного языкового образования Scots.

The article is focused on the sound change theory, phonological system evolution, language contact, causative-consecutive mechanism of the phonological systems of Insular Language Entity Scots dynamics.

Ключевые слова: звуковые изменения, диахроническая фонология, островной шотландский, языковое образование, динамика фонологической системы.

Key words: sound changes, diachronic phonology, Insular Scots, language entity, phonological system dynamics.

Статус языка, его говоров и диалектов, действующих на территории Шотландии, обусловлен сложной языковой ситуацией. Факты диахронии проливают дополнительный свет, как на историю, так и на перспективу развития сложного языкового образования Scots [1, с. 6].

Известно, что современная теория звуковых изменений опирается на традиции диахронической лингвистики, поэтому прежде следует обратиться к определению объекта диахронической фонологии. По мнению А. Степанавичюса таким объектом является звуковая эволюция языка, т.е. структурная перестройка и функциональная реинтерпретация систем звукового уровня [5, с. 4].

В.Я. Плоткин к факторам способным вызывать звуковые изменения относит: стремление к экономии речевых усилий, к более лёгкому и удобному произношению, повышение темпа и тональности речи под влиянием возбуждения в эпохи социальных переворотов, ростом культуры и общим интеллектуальным прогрессом человечества, и т.п. [3, с. 5]. Особенно важная роль в звуковых изменениях обычно приписывается воздействию субстрата. Речь идёт о случаях смены одного языка другим у какого-либо народа или значительной

его части, когда произносительные навыки, сложившиеся на базе прежнего языка, могут переноситься на новый язык, вызывая в нём соответствующие звуковые изменения. Соответственно возникают вопросы и о причинах языковых изменений: Почему языки изменяются? Какие факторы могут вызывать изменения в языках? Почему произошло данное конкретное изменение в данном языке? Так, М.И. Стеблин-Каменский формулирует следующие постулаты: «1) у всех протекающих во времени явлений природы и общества, а следовательно, и у звуковых изменений, есть причинно-следственные связи, т.е. те связи, которые мы выражаем словами «причина» и «следствие», «условие» и «то, что им обусловлено», «фактор» и «то, чему он способствовал», «то, что порождает» и «то, что порождено», и т.п. и которым невозможно дать другое определение, кроме тавтологического; 2) никакая наука, изучающая явления, протекающие во времени, не может игнорировать причинно-следственные связи тех явлений, которые она изучает, и, следовательно, их не может игнорировать и диахроническая фонология» [4, с. 21].

Звуковые изменения бесконечно разнообразны, соответственно не существует какой-либо универсальной причины, объясняющей те или иные конкретные звуковые изменения. Все выдвигавшиеся до сих пор универсальные причины – удобство произношения, несовершенное усвоение младшим поколением языка старшего поколения, варьирование произношения, смешение языков и диалектов и т. д. – всё это в лучшем случае констатация какого-то общего свойства языка или его функционирования. Чаще всего в качестве универсальной причины звуковых изменений выдвигают удобство произношения, или – в современной формулировке – так называемый *принцип экономии*, т.е. принятие более экономного произношения в той мере, в какой это не препятствует пониманию речи. Этот принцип рассматривался многими лингвистами, среди них: И.А. Бодуэн де Куртенэ, А. Мартине, П. Пасси, О. Есперсен. По их мнению, языковая деятельность является целесообразной и экономной, т.к. принцип экономии подразумевает существование двух взаимодействующих факторов – стремление к более удобному произношению и стремление быть понятым. Тем самым можно признать, что ни один из этих факторов не является единственным, и нет универсальной причины звуковых изменений. Что касается конкретных звуковых изменений, то чаще всего упоминаются *физиологическая и фонетическая причины*. Это может быть и переход от одной артикуляции к другой. Например, переход [rn > rdn]. Такой переход не является физиологической необходимостью. Он только устанавливает наиболее вероятный промежуточный этап при переходе от одной артикуляции к другой. Промежуточные этапы могут быть найдены в любом звуковом изменении. Кроме того, в качестве

возможных причин звуковых изменений приводят иногда индивидуальные речевые особенности: дефект органов речи, недостаток слуха и т.п., но они не могут являться причиной звукового изменения в языке. Важно признать также и то, что у звукового изменения могут быть и другие причинные связи, например, географические условия, климат, среда, образ жизни, обычаи, национальный характер и т.д.

Традиционно, все языковые изменения делят на активные и пассивные. В начале, любое звуковое изменение является активным, живым – это небольшие постепенные сдвиги в артикуляции, которые происходят во всех словах без исключения и не осознаются носителями. Любое заимствованное слово подчиняется этой живой закономерности и изменяется в соответствии с ней. Осознанным звуковое изменение может стать в результате внутреннего развития, а также вследствие влияния школы и общества. После того как различие стало осознанным (т.е. возникло фонологическое противопоставление), начинается так называемый процесс «вытеснения слов». Исконное диалектное слово может вытесняться словом соседнего диалекта, этимологически родственным, но имеющим другой фонемный состав.

Следует упомянуть и механизм взаимодействия языков. Многие лингвисты считают, что всякое звуковое изменение – это, в сущности, заимствование. Это действительно так, ведь благодаря лексическим заимствованиям в языке появились новые сочетания фонем. С другой стороны, парадигматические фонемные изменения могут быть обусловлены взаимодействием фонологических систем контактирующих языков без посредства лексических заимствований. В центре нашего внимания – выявление эволюционных линий островных шотландских диалектов Scots.

В западногерманской подгруппе выделяют три эволюционные линии фонологической динамики: 1) островную, первоначально англо-фризскую, ныне представленную английским языком; 2) южноконтинентальную, или верхненемецкую; 3) североконтинентальную, нидерландско-нижненемецкую, ныне представленную нидерландским языком. В скандинавских языках также выделяются три эволюционные линии: 1) западную, западнонорвежско-исландскую, в чистом виде представленную исландским языком; 2) восточную, восточнонорвежско-шведскую, представленную шведским языком; 3) южную, или датскую. Этому разделению предшествовал длительный общескандинавский период с единой эволюционной линией [3, с.11]. Нас интересуют две группы языков: *западногерманская*, представленная фризским (население Фрисландских островов в Северном море), английским, шотландским, ирландским языками и *северногерманская* (скандинавская).

Северногерманская группа вызывает особый интерес, так как влияние скандинавских языков на островные шотландские диалекты, несомненно. Языки норвежский, исландский и фарерский иногда объединяют на основании их происхождения в одну группу, называемую группой западноскандинавских языков. Однако лингвистические исследования современного норвежского языка доказывают, что в настоящее время он имеет гораздо большее отношение к шведскому и датскому языкам, нежели к исландскому и фарерскому.

В результате заселения Исландии, Фарерских, Шетландских и Оркнейских островов выходцами из западной Норвегии образовался «океаноскандинавский» язык. Языковые инновации распространились в течение 700 лет. Сопоставление близкородственных акцентуационных систем, образующих единый акцентуационный ареал (например, шведско-норвежско-шетландский или оркнейский) указывает на общность исторического развития. Перед нами диалектные варианты единой системы, в принципе современной, но в разной степени использующей наследие древнего состояния. В условиях параллельного развития диалектов одного языка нет никаких оснований считать одну из диалектных систем наиболее архаической и рассматривать её как единственный эталон древности. «Архаичность того или иного диалектного варианта всегда относительна: в каждой частной системе имеются остаточные явления, так или иначе отражающие частицы древнего состояния» [2, с.10]. Что касается некоторых архаизмов сравниваемых систем, представляется возможным выявить общие тенденции развития. Нами отмечено, что такие фонетические явления, как количественные изменения гласных, дифтонгизация монофтонгов, и наоборот, монофтонгизация дифтонгов, возникновение «паразитических» согласных и т.п. связаны с процессами в скандинавской и шетландской акцентологии. Часто следствием звукового изменения являются:

1) *упрощение сочетаний согласных*. Так, общелингвистическая тенденция звуковых изменений шла в сторону упрощения артикуляции. Например, в английском языке – упрощение группы согласных, т.н. *историческая элизия* (kn [n], gn [n], wr [r], wh [w], wr [r] – knee [ni:], gnat [næ:t], wrong [roŋ], what [wot]). Подобное явление не наблюдается ни в исландском, нидерландском, датском и шведском языках, ни в диалектах Шетландских и Оркнейских островов, на северо-востоке Шотландии (The Isle of Lewis, Outer Hebrides, Skye Island). Например, сочетание [kn] произносится как – исл. [kni:], дат. [knɛ:], шв. [knɛ:], шот. [kni:]. В германских языках, за исключением английского и исландского, исчезла фонема [θ] и её звонкое соответствие [ð]; рефлексy этих звуков совпадают во фризском, скандинавских языках и островных шотландских диалектах (Insular Scottish dialects), например ngth>nt, length>[lent], strength > [strent], thorn [to:rn];

2) *ассимиляция*: распространенным случаем является регрессивная ассимиляция – изменение предшествующей фонемы. Сюда можно отнести оглушение звонких согласных в конечной позиции, наблюдавшееся в истории различных языков: открытое положение голосовых связок, которое наступает в момент завершения речи, предвосхищается при произнесении конечного согласного. Так, во многих диалектах голландско-немецкой области, включая и литературные языки, все конечные взрывные и спиранты оглушаются; в результате возникает чередование конечных глухих и срединных звонких. Такое явление наблюдается и в островных шотландских диалектах: [s]>[ʃ] – fleece [fli:ʃ], [z] > [ʃ] – poison [puʃn]; 3) *умлаут*: наиболее распространенный тип умлаута – это частичная ассимиляция ударного заднего гласного под влиянием последующих [i, j]. Такое явление также наблюдается в островных шотландских диалектах и является следствием влияния скандинавских языков. Например, house [hy:s], mouse [my:s].

В современных западногерманских языках (как в диалектах, так и литературной норме) только в ударных слогах возможно противопоставление разных типов примыкания: *плотный контакт*, например, sitting [sit-tɪŋ] и *свободный контакт*, например, meeting [mi-tɪŋ], а в датском и противопоставление *толчок – отсутствие толчка*. Такое явление, как толчок (гортанная смычка) характерно для островной группы диалектов Шотландии Scots, а именно – для диалектов Шетландских и Оркнейских островов. Например, толчок на гласном в слове house [huʔs], толчок на согласном hund [hunʔ]. Подобные явления наблюдаются и в других группах диалектов Шотландии Scots, являются их характерной чертой также как и слоговая структура норвежского и шведского языков.

Таким образом, можно утверждать, что островное языковое образование Scots является продуктом внешних и внутренних взаимодействий. Исторически возникшее в результате развития и смешения северогерманских и западногерманского языков. Черты этих «праязыков» сохраняются в диалектах Scots и в настоящее время.

Список литературы

1. Денисова Е.А. Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий. – Тверь, 2010. – 22 с.
2. Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков. – М.-Л.: Наука, 1966. – 347 с.
3. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем: на мат-ле герм. яз. – М.: Наука, 1982. – 129 с.
4. Стеблин-Каменский М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. – Л., Изд. Ленингр. ун-та, 1966. – 148 с.
5. Степанавичус А. Основы диахронической фонологии. – Вильнюс, 1982. – 90 с.

Сопоставительный анализ нормативного английского языка и его региональных вариантов (на примерах тайландского, мьянмского и пакистанского вариантов английского языка)

Comparative analysis of Standard English with its Regional Varieties (illustrated by Thai, Myanmar and Pakistani variants of English language)

Статья посвящена проблемам восприятия региональных вариантов английского языка в рамках международного общения. В статье рассматриваются сложности, возникающие при общении представителей двух разных культур на третьем языке-посреднике, а также затрагиваются методологические способы работы с данными вариантами как в рамках профессионального, так и неофициального делового общения.

The present article is dedicated to the problems of perception of English language regional varieties within the frames of international communication. This article presents difficulties which occur during the communication of representatives of two different cultures by means of the third intermediate language. Also the methods of dealing with such varieties within the frames of professional and non-official business communication are touched.

Ключевые слова: региональные варианты, акцентная речь, нормативный вариант, язык международного общения, межкультурная коммуникация, носители языка, неносители языка.

Key words: regional varieties, dialects, standard language, global language, cross-cultural communication, native speaker, non-native speaker.

Same-same but different – традиционная фраза жителей Таиланда, которой сопровождаются все объяснения разницы между двумя, казалось бы, абсолютно похожими вещами, но, по всей видимости, имеющими какие-то отличия. Данная фраза очень хорошо описывает ситуацию с английским языком как в Таиланде, в частности, так и во всей Юго-Восточной Азии в целом. С одной стороны, мы имеем дело с английским языком, с его грамматическим, лексическим и фонетическим строем, но в целом, складывается впечатление, абсолютно другого языка, к английскому, имеющего лишь поверхностное отношение.

Как можно видеть из начала статьи, речь пойдет о региональных вариантах английского языка и об акцентной речи. Неоднократно упоминалось, что английский язык в современном мире

выполняет роль языка международного общения. Это означает, что английский язык перестает быть закрытой системой и уже больше не принадлежит исключительно англоязычному миру, а именно Великобритании, Соединенным Штатам Америки, Канаде, Новой Зеландии и Австралии, в каждой из которых английский язык имеет свои особенности и отличия от нормативного английского языка, где присутствуют акценты и диалекты, но где, все же, английский является родным языком для большинства населения. Порой люди, пользующиеся английским языком как иностранным, обходятся с ним довольно пренебрежительно и неаккуратно, привнося в него особенности фонетического и грамматического строя своего родного языка. С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Война и мир языков и культур» приводит цитату Л.Ю. Афанасьевой: «...Говоря о самом английском, следует отметить две основные тенденции его развития. Первая – это дальнейшая унификация с целью международного использования, которая приводит к сокращению объема лексических единиц и упрощению грамматических форм для того, чтобы он мог стать удобным и простым средством международного общения. Вторая тенденция – это внутреннее развитие языка, изменение нормы внутри английского сообщества» [1, с. 34].

Общение на языке-посреднике, а именно на английском языке – нередкое явление в деловом мире. Две стороны общаются между собой на английском языке, причем для каждой из сторон английский не является родным. И как отмечал Дэвид Кристал в своей работе «Английский язык как глобальный» (English as a Global Language) «ничего не может остановить распространение английского языка, как языка международного общения, по крайней мере, в обозримом будущем»¹ [2, с. x].

Схематически данную коммуникацию можно изобразить следующим образом.

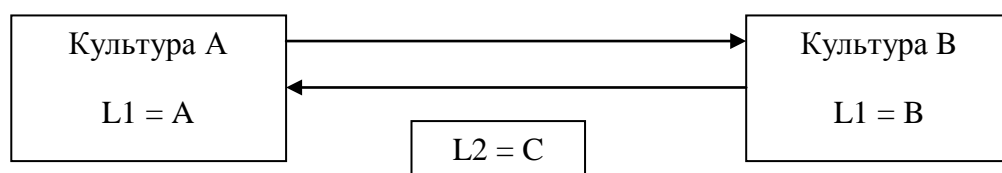

Схема 1. Коммуникация на языке посреднике

Из схемы видно, что один участник переговоров носитель культуры А и говорит на языке А, для второго, соответственно, родными является культура В и язык В. Но общение происходит на языке С, что естественным образом влечет за собой культуру С, которая неразрывна с языком.

¹ Перевод Кожевниковой Е.Г.

Возникает вопрос: что же действительно говорит и хочет сказать одна сторона и как это воспринимается другой стороной. Воспринимает ли сказанное, например, носитель культуры А так, как это задумывалось носителем культуры В.

Это проблема межкультурного общения. Но есть более поверхностный пласт понимания – понимание не на уровне культур, а на уровне речи. Можно прекрасно знать иностранный язык, но в тоже время не быть понятым собеседником только потому, что его знания языка хуже. Или же можно отлично знать язык, но при этом мало что понять из сказанного, поскольку никогда не слышали данный вариант английского языка, где фонетика и грамматика существенным образом отличаются от нормативного языка. Что уж говорить о ситуациях, когда оба говорящих знают английский язык на уровне ниже среднего.

Проблема восприятия и интерпретации ненормативного английского языка стоит не только у людей различных профессий и должностей, которым по роду своей деятельности приходится общаться на английском языке, который для них не родной, но также и для переводчиков, для которых понимание и интерпретация – часть повседневной работы. Казалось бы, что для большинства выпускников филологических факультетов не должно представлять никакой трудности восприятие любых вариантов английского языка, однако, практика показывает, что все-таки, сталкиваясь с некоторыми региональными вариантами, переводчики испытывают затруднения. Особенно это касается начинающих переводчиков, недавних выпускников филологических факультетов. Данная проблема возникает от того, что во время изучения иностранного, в частности английского, языка, очень мало внимания уделяется акцентной речи и почти не обращается внимания на региональную речь. В современном мире, в частности в сфере делового общения, такая ситуация совершенно неприемлема, поскольку всё большую силу и влияние набирают азиатские компании. Крайне редко представители Юго-Восточной Азии говорят на более или менее хорошем и понятном английском языке. Из-за фонетического строя родного языка и, как следствие, из-за строения речевого аппарата, представители азиатских стран с трудом справляются с фонетикой английского языка.

Данные варианты даже получили свои названия такие, как конглиш (Konglish), хинглиш (Hinglish), тайглиш (Thaiglish) и даже рунглиш (Runglish) и многие другие. Они рассматриваются как региональные варианты английского языка в работах таких учёных, как Дэвид Кристал, Эдгар Шнайдер, Ракеш Бат и др. Однако, в методической литературе пренебрегается важность изучения этих вариантов, не ставится проблема обучения студентов филологических

факультетов, а также слушателей различных курсов, восприятию и пониманию региональных вариантов.

Для начала рассмотрим несколько примеров речи людей, которые являются носителями региональных вариантов английского языка, а именно мьянмского и тайландского. Стоит оговориться, что их речь представлена отрывочно, выделяются лишь самые интересные и заслуживающие внимания примеры. Эта речь обусловлена профессиональной сферой говорящих, а именно, авиационной тематикой, в частности, обсуждается процесс ремонта и технического обслуживания вертолётов, принадлежащих армии Мьянмы и Таиланда.

Ниже представлены отрывки из переговоров в Мьянме, г. Нейпидо. Вначале рассмотрим пример того, какой текст был произнесен жителем Мьянмы. Особо интересные фонетические ошибки отмечены курсивом, а рядом приведена транскрипция того, как именно данное слово было произнесено; далее следует перевод на русский язык, а ниже – восстановленный нормативный вариант.

Пример 1:

Myanmar English: Now here in Mektila your specialists performing the airframe check and we didn't see. According to our experience before other helicopter, other aircraft when waiting the overhaul of airframe there should be done the NDD check. Our engineers report to us we didn't see NDD why they perform this job.

Перевод: Сейчас в Мектиле ваши специалисты проводят осмотр фюзеляжа. По нашему опыту, во время осмотра фюзеляжа должна проводится дефектация методом неразрушающего контроля. Нашим инженерам доложили, что они не видели, чтобы подобный контроль был проведен.

Standard English: Now in Mektila your specialists perform the airframe inspection. According to our experience of the helicopter airframe inspection there shall be performed the NDD. Our engineers reported us that they didn't see your experts to perform this kind of test.

Пример 2:

Myanmar English: But but your /sɫɔ̃zəli/ group /grut/ remind me where is tail rotor blades please give me what to say.

Перевод: Старший вашей бригады просит предоставить ему лопасти рулевого винта. Что мне ему ответить?

Standard English: But the senior man of your brigade reminded me that I should provide the tail rotor blades. What shall I reply?

Пример 3:

Myanmar English: For the computer the latest date is April 10 you will reply to us? ↑(восходящая интонация)

Перевод: Что касается компьютера, крайняя дата, когда вы ответите нам – это 10 апреля?

Standard English: As to the computer, will the latest date for you to reply be April 10?

Пример 4:

Myanmar English: Now the expert, the technician who studied in SPARC training at our base now have train. There too much component this month and the next month. Is it a sufficient time for them to do perform the overhaul themselves?

Перевод: Сейчас, те специалисты, которые проходили обучение в учебном центре ЗАО «СПАРК», должны были пройти обучение на базе. Осталось еще много не отремонтированных агрегатов. Достаточно ли времени, чтобы отремонтировать их?

Standard English: Those technicians who were trained at SPARC Training Centre shall be trained at the base now. There are too many components are left to be overhauled. We would like to know is it sufficient time to perform the overhaul of these components?

Пример 5:

Myanmar English: Engine factory /faɪvtri:/

Перевод: Завод по ремонту двигателей.

Standard English: Engine overhaul plant.

Пример 6:

Building	/billa'di/
lieutenant-colonel	/lefta'konə/
swash-plate	/'soplei/
service tank	/səvi'tə/
Birthday	/'bada/
Oil	/wōj/
log card	/'loka/
Salt	/sof/, /sa/
Exuseme	/'kismi/
Five	/fi/
Six	/si/

Итак, основываясь на приведенных выше примерах мы можем сделать следующие выводы. Мьянмарцы, говорящие на английском испытывают трудности с дифтонгами, и отсюда открытый слог становится закрытым (см. пример 6). Опускаются окончания и в связи с этим, сложно понять в каком времени происходит повествование, какая категория числа. Нарушен порядок слов в предложении, а также вопрос порой передается интонацией, но не обратным порядком слов.

Далее, чтобы доказать, что данная фонетическая и грамматическая проблема возникает не только исключительно при общении с военными из Мьянмы, но и в других странах, например, в Таиланде, приведем несколько примеров.

Пример 7:

alittle bit	/əlɪtlɪdɪt/
Flight	/flaɪ/
Separate	/seprɪt/
Ice	/aɪ/
Rice	/laɪ/
Months	/mʌn/
Have	/hæ/
Russia	/rʌʃjə/
Error	/ɪlə/
Fish	/fɪʃ/
Hot	/hɒs/
room number	/rʊm nʌmbə/
Restaurant	/rɪstərɒnt/
Different	/dɪfərənt/
Tomorrow	/təməroʊ/
Military Day	/mɪlətəri deɪ/

Thai English: Have room same-same but different.

Перевод: У нас есть другая комната, но она слегка отличается от той, которую вы уже видели.

Standard English: We have got another room, slightly different from one you have already seen.

Из примера 7 мы видим, что в тайском варианте английского языка, также как и в мьянмском, отсутствуют окончания, звук /r/ регулярно заменяется на /l/, звук /ʃ/ чаще всего заменяется на /s/. Из личных наблюдений, не отраженных в примерах, можно сказать, что наблюдается нисходяще-восходящая интонация, могут опускаться вспомогательные глаголы to be и to do, может не соблюдаться порядок слов, в частности, вопрос передается интонацией, а также из времен используется группа времен Simple, чаще всего Present Simple. Например, для передачи будущего или прошедшего времени берется Present Simple, а в конце предложения добавляется маркер будущего или прошедшего времени: tomorrow или yesterday.

Далее, на наш взгляд, интересно рассмотреть письменную речь, оформленную в виде официальной и полуофициальной деловой переписки. Для начала приведем пример переводческой трудности, которая уходит своими корнями в культуру страны, отличной от культуры англоязычного мира, и которая отражается в языке, а частности, в варианте английского языка. Речь идет о пакистанском варианте английского языка. Известно, что большинство проживающих в Пакистане исповедуют ислам. Священной книгой мусульман является Коран. Известно, что в Коране начало каждой суры сопро-

вождается акронимом или буквенным сокращением. Из примеров, которые будут приведены ниже, видно, что пакистанскому варианту английского языка свойственно частное использование сокращений и аббревиатур. Данные сокращения и аббревиатуры не имеют широкого распространения в норме английского языка, они не известны ни широкому кругу носителей английского языка, ни, естественно, людям для которых английский не является родным и, что самое парадоксальное, не редко сами пакистанцы, работающие в данной конкретной сфере, затрудняются в расшифровке некоторых приведенных сокращений.

Пример 8:

Pakistan English: Please arrange to provide **OEM/MRO** International Price List (**IPL-2013**) for spares and service (repair/overhaul) in the of respective **BOC/BOA** contract scope. It is also requested that soft copy of International Price List may also be provided alongwith the hard copy.

Continued issue for **RFQs/POs** to your firm during year 2013 will be subject to early submission to these **OEM/MRO IPLs**. Please treat the matter on priority to avoid risk of losing business especially against our **LSP-2013/14** requirements.

Пример 9:

Таблица 1

Сокращения в пакистанском варианте английского языка и их расшифровка

Сокращение в пакистанском варианте английского языка	Расшифровка сокращения	Перевод на русский язык
EME	Electrical and mechanical engineering department	Департамент ремонта и восстановления
CASD	Central Aviation Spares Department	Центральный склад авиационных запчастей
CMA-DP	Controller of Military Accounts, Defense Purchase	Военно-финансовый инспектор (военные закупки)
W&E	Weapon and Equipment Department	Управление вооружения и техники
IV&EE	Inspection Vehicles and Engineering Equipment	Управление вооружения и техники.
ENQ	Embarkation Head Quarter	Штаб руководства погрузкой
CPO	Competent Purchase Officer	Уполномоченный офицер по закупкам

В примере 8 приведена выдержка из официального письма. Здесь мы видим, насколько часто используются различные сокращения. Данные сокращения довольно легко можно расшифровать, основываясь на контексте. Сокращения из примера 9 стоят чаще всего в шапке письма в разделе «кому», «куда», «копия». Для этих аббревиатур нет контекста и основываясь только на данном письме,

не обладая экстралингвистической информацией, расшифровать их практически невозможно.

Следующий пример содержит грамматические и лексические ошибки, влияющие на понимание содержания текста. Перевод данного текста был осуществлен, основываясь на знании контекста. Не имея достаточных дополнительных сведений, на наш взгляд, довольно проблематично интерпретировать его верно.

Пример 10:

Myanmar English: I am pleased to inform you that during you stay at Meikhtllia as that please check cockpit of helicopter for installation of weather radar. Becasue your hard office (SPARC) question me and they want to know situation of 8 hleicopter cockpit situation.

So, necessary inform to MAF and you see this cockpit of 8 helicopter necessary send to your hard office photo.

Awaiting your reply.

Перевод: Рад вам сообщить, что в течение вашего пребывания в Мектиле была проведена проверка кабины пилотов вертолётa на предмет установки метеолокатора. Головной офис вашей компании ЗАО «СПАРК» спрашивал меня о ситуации с кабинами пилотов 8-ми вертолётов.

Таким образом, необходимо проинформировать ВВС Мьянмы, а также следует отправить в ваш головной офис фотографии кабин пилотов 8-ми вертолётов.

В ожидании вашего ответа.

Как видно из приведенных выше примеров, как устная, так и письменная речь насыщена и грамматическими, и фонетическими, и лексическими ошибками. Некоторые ошибки являются значительными и затрудняют понимание речи, а некоторые замечаются слушателем как ошибки, но коммуникацию не нарушают. На ошибках, не нарушающих коммуникацию, не стоит акцентировать внимание, поскольку они не являются смыслообразующими и смысл высказывания легко восстанавливаются, основываясь на контексте. Стоит отметить, что данные региональные особенности квалифицируются как ошибки с точки зрения стандартного варианта английского языка (Standard English), однако с точки зрения глобального английского (Global English), данные особенности – лишь один из возможных вариантов английского языка.

Итак, остановимся на ошибках, которые нарушают коммуникацию, поскольку именно они и являются основной проблемой как для профессиональных переводчиков, так и не для переводчиков. Необходимо выяснить как же «расшифровываются» ошибки данной категории и как научиться справляться в частности с фонетическими сложностями.

Ситуацию общения можно разбить на два вида:

1) У вас есть время на подготовку к переговорам и общению, а также есть доступные материалы для подготовки.

2) У вас нет такой возможности, т.е. нет доступного фонетического материала либо вы ограничены во времени.

В первом случае необходимо проанализировать речь говорящего. Как правило, можно выявить систему того, как человек произносит различные звуки. Произнесение тех или иных звуков особым образом обусловлено либо индивидуальными особенностями говорящего, либо свойственны говорящему как представителю данной нации. Составив такую систему, выявив фонетические закономерности, можно прогнозировать речь собеседника и на основе таких вероятностных прогнозах готовиться к восприятию речи и её интерпретации. Здесь помогут различные Интернет-ресурсы, содержащие примеры региональных вариантов, например, ресурс IDEA (International Dialects of English Archive) [5], а также личное общение.

Второй случай гораздо сложнее, поскольку это же самое вероятностное прогнозирование приходится выполнять в процессе говорения или перевода. Данный момент осложняется еще и нагнетающейся стрессовой ситуацией. Поскольку, необходимо моментально принимать переводческие решения и реагировать на реплики собеседника. И здесь необходимо бороться не только с объективными трудностями восприятия, интерпретации и перевода, но и с субъективными факторами, такими как стресс, страх, ступор, давящая степень ответственности за предоставленный перевод. У многих переводчиков, особенно в самом начале их деятельности, возникали подобные ситуации, когда говорящий на иностранном языке заканчивает свою речь, наступает черед переводить, но переводчик по разным причинам не может начать говорить.

Итак, наше исследование показало, что проблема восприятия региональных вариантов английского языка стала реалией международного общения, и назрела потребность в разработке методики работы с данными вариантами как в рамках профессионального, так и неофициального делового общения. В данной статье были представлены некоторые трудности, с которыми сталкиваются как профессиональные переводчики, так и не переводчики, общаясь с носителями региональных вариантов. Данные ошибки были классифицированы на лексические, фонетические и грамматические, которые, в свою очередь были разделены на ошибки, нарушающие коммуникацию и на ошибки, не влияющие на коммуникацию негативным образом. Также, были описаны две возможные ситуации подобного общения: ситуация подготовленного общения и неподготовленного, и были приведены возможные модели поведения в данных ситуациях.

Список литературы

1. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 343 с.
2. Crystal David. English as a Global Language. Second edition. – Cambridge University Press, 2003 – 212 p.
3. IDEA (International Dialects of English Archive) <http://www.dialectsarchive.com> (дата последнего обращения: апрель 2014 г.)

**Перевод звукоизобразительной лексики турецкого языка
средствами английского языка»
(на материале произведений Ферита Орхана Памука)**

**Translation of Turkish imitative words by means of the English
language (basing on literature works of Ferit Orhan Pamuk)**

Статья посвящена рассмотрению проблем перевода звукоизобразительной лексики турецкого языка средствами английского языка и освещает основные способы перевода данного кластера лексики. На примерах был проведён переводческий анализ, показавший, что перевод, в большинстве случаев, осуществляется при помощи звукоизобразительного эквивалента.

The article tackles the translation problems of Turkish sound imitative vocabulary by a means of English and covers the main ways of translation of this vocabulary cluster. The translational analysis of the examples conducted has shown that, in most cases, the translation is carried out with the help equivalent of the same of imitative nature.

Key words: phonosemantics, onomatopoeia, sound symbolism, sound imitation, equivalent, phonotype, translation.

Ключевые слова: фоносемантика, оноματοп, звукоподражание, звуко-символизм, эквивалент, фонотип, перевод.

Феномен звукоизобразительности давно был признан языковой универсалией [11], однако в разных языках он реализуется по-разному. Каждый язык обладает своими наиболее частотными и продуктивными способами словообразования ЗИ-лексики.

Для звукоизображений английского языка в основном характерны *редупликация* (пр.: quack-quack - кря-кря) и *конверсия* (пр.: hiss(v) –шептать; hiss (n) – шёпот). Присоединение флексий к корневой морфеме не очень типично для английских ЗИ-единиц. Образование большого количества звукоизобразительных единиц особенно характерно для языков синтетических, в частности агглютинирующих (к которым относится турецкий), вследствие некоторых черт их морфологической структуры, а именно отсутствие чёткого деления лексико-грамматических категорий и распространённость аффиксации в качестве доминирующего способа словообразования. В турецком языке, помимо *аффиксации* (пр.: gürültü –шум; gürültülü – шумный; miyav – мяу, miyavlamak - мяукать), основными способами словообразования ЗИ-лексики являются также *редупликация основ*

(пр.: *şıkır şıkır* – шум дождя; *miril miril* – бормотание) и *конверсия* (пр.: *civciv* – звук щебетания; *civciv* – цыплёнок.)

Несмотря на универсальный характер звукоизобразительности, встречая ЗИ-единицы на практике, переводчик зачастую сталкивается с отсутствием словарных эквивалентов исходных ЗИ-единиц или с тем, что данные единицы сопровождаются только описательным переводом. В настоящее время существует небольшое количество работ, посвящённых исследованию переводческого аспекта звукоизобразительных слов. Многие учёные [2] относят звукоизобразительные единицы к безэквивалентной лексике (БЭЛ), хотя данное утверждение не всегда является справедливым. Одним из первых учёных, привлёкших своё внимание к данной проблеме был основоположник фоносемантики С. В. Воронин.

Учёный высказал мнение о том, что эквивалентность при переводе звукоподражательных единиц устанавливается на уровне фоносемантических моделей» [5], т.е. если подбор эквивалентного ЗИ-слова в ПЯ возможен, то переводчику следует найти слово такой же фоносемантической модели. Если же эквивалент отсутствует, то переводчик может прибегнуть к способам перевода безэквивалентной лексики, которые очень хорошо описаны в общей теории перевода. Большинство словарей рассматривают БЭЛ как лексические единицы исходного языка, которые не имеют словарных соответствий в языке перевода, т.е. словари понимают эквивалент только в строгом словарном смысле, в то время как эквивалентность очень зависит от контекста. Само понятие эквивалента было подробно рассмотрено в работах А. О. Иванова, который трактовал эквивалент как функциональное соответствие в ПЯ, передающее на аналогичном уровне плана выражения ПЯ (слова, словосочетания) все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной единицы ИЯ [7]. В своё время В. Н. Комиссаров выделил пять уровней эквивалентности: начиная от уровня отдельных сем и заканчивая уровнем цели коммуникации [9]. С. Влахов и С. Флорин в своей статье «Перевод звукоподражаний и междометий» рассматривали перевод звукоизобразительной лексики, исходя именно из контекстуального перевода, и трактовали БЭЛ как «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов» [2].

С. Влахов и С. Флорин относят звукоизобразительную лексику к БЭЛ. В своей статье учёные называют лексику, принадлежащую к обоим подсистемам (звукоподражательной и звукосимволической) звукоподражаниями. В некоторых языках до сих пор не существует отдельных терминов, которые позволяли бы проводить разграничение ономастопов и звукосимволизмов. Например, в турецкой лингвистической традиции прижился термин ономастоп, одинаково

применимый к словам, принадлежащим обеим подсистемам ЗИ-лексики.

В качестве доказательства своего соотнесения ЗИ-единиц к БЭЛ учёные отмечают, что у звукоподражаний есть и «коннотативное значение, частью которого является национальный колорит» [2]. В качестве примера С. Влахов и С. Флорин приводят пример, когда носители разных языков воспринимают и соответственно воспроизводят кукареканье петуха или лай собаки при помощи различных фонетических средств. Иными словами причину безэквивалентности ономастов учёные видели в том, что ономасты разных языков, обозначающие одно и то же звучание, отличаются друг от друга по фонемному составу корня. Факт соотнесённости ЗИ-единиц к реалиям впоследствии оказался неподтверждённым, ведь люди, принадлежащие к разным этносам, могут по-разному имитировать звуки природы не в силу культурных различий, но по причинам разного фонетического инструментария языков. Ещё одним опровержением данного утверждения учёных стал тот факт, что у производных звукоподражательных междометий коннотативный компонент отсутствует, в дальнейшем детальное рассмотрение проблематики звукоподражания показало, что и у ономастов наличие национального колорита является ошибочным.

Во время написания статьи фоносемантика ещё не была выделена в отдельную дисциплину и не имела своего инструментария, поэтому в распоряжении учёных имелись только старые привычные сопоставительные методы на уровне отдельных фонем. «Значительные фонетические различия обычно оказываются незначительными или полностью отсутствующими, если видеть за отдельной конкретной фонемой звукоподражательного слова (корня) тот (психо) акустический тип, которому она принадлежит» [1]. «И словарные, и переводческие эквиваленты ПЯ демонстрируют преобладание в своём составе единиц звукоизобразительной природы, среди которых в свою очередь наблюдается преобладание типологически сходных ономастов» [8]. Именно поэтому С. В. Воронин выявлял эквивалентные звукоподражания на уровне фонотипов, но не отдельных фонем. Позднее многими учёными был доказан факт того, что «ономасты любого языка не могут быть причислены к безэквивалентной лексике. Они имеют как потенциальные (словарные) так и переводческие эквиваленты» [там же]. Однако, следует отметить, что нередко звукоизобразительные слова ИЯ и ПЯ, имеющие одинаковое звучание и принадлежащие к одному типу звучания, не всегда могут быть определены как эквиваленты, так как могут иметь различные эмоционально-экспрессивные коннотации и принадлежать к разным стилистическим уровням языка (пр.: английский глаг. tap – «постучать

в дверь» не эквивалентен русскому глаголу «тяпнуть», так как этот глагол относится к просторечной лексике) [там же].

Что касается функционирования звукоизобразительной лексики в текстах художественной литературы, ЗИ-слова, помимо эстетической функции, несут и определённую стилистическую функцию. Поэтому при поиске переводческого эквивалента следует руководствоваться не только семантическим и типологическим сходством звукоизображений, но и стилистической функцией, выполняемой ими в тексте. Основной функцией звукоизображений является создание художественного образа. Приём ономастопеи очень часто применяется совместно с другими стилистическими тропами. Н.М. Ермакова в своём исследовании «Ономастопея: англо-русские параллели в переводе» отмечает три способа перевода звукоподражаний: перевод путём подбора ономастопея-эквивалента того же типа, что и исходный; перевод ономастопея-эквивалентом, отличным от исходного по типу и, наконец, перевод эквивалентом неизобразительной природы.

В результате анализа перевода 30 звукоизображений (выборка из романов «The Black Book»/«Kara Kitap»; «My Name is Red»/«Benim Adım Kırmızı»), было отмечено, что при переводе исходных турецких ЗИ-единиц в качестве эквивалентов использовались звукоизображения английского языка в 23 случаях (76,7% от общего числа примеров) из рассмотренных 30 случаев. В 8 случаях (26,7% от общего числа) перевод был осуществлён при помощи ЗИ-единицы, сохранявшей фонотип исходного звукоизображения. Данный способ перевода турецких ЗИ-единиц является не самым распространённым, так как не всегда возможно подобрать в английском языке полностью эквивалентное звукоизображение, сохраняющее фонотип исходного.

1) O hiç beklemediğim taş darbesiyle kafatasım kenarından **kırıldığı**nda, o alçağın beni öldürmek istediğini hemen anladım da, öldürebileceğine inanmadım [15].

*Yes, I instantly understood that the wretch wanted to kill me when he unexpectedly struck me with a stone and **cracked** my skull, but I didn't believe he'd follow through [17].*

В данном предложении мы сталкиваемся с отглагольной формой *kırıldığı*nda, которая переведена на английский язык глаголом *cracked*.

Звукоизобразительность турецкого глагола отмечается этимологическим словарём Севана Нишаньяна: «*kırpmak* - <? ETü kırkesmek +lp- < ETü *kır- kesmek → kır- • Orijinal biçimin *kırp-*, *kırp-* veya *kırk-* biçimlerinden hangisi olduğunu anlamak zordur. Ancak *kıptı/kıptu* (makas) Türk dillerinde neredeyse evrenseldir». Предположительно образован от междометия *kıpır* (*kıpır* - ∇ <1500 [KTü] kırpilda- kısa

erimli ve sürekli hareket etmek: onom **Benzer sözcükler:** kırırda-, kırırdak, kırırta) [18]. Согласно турецко-английскому онлайн словарю Tureng, глагол kırılmak имеет следующие значения: break; shatter; dash; crack [21].

Глагол, использованный при переводе, также является звуко-подражательным. Звукоизобразительность данной единицы отражена и в этимологии («*crack* - Old English *cracian* "make a sharp noise," from Proto-Germanic **krakojan* (cf. Middle Dutch *craken*, Dutch *kraken*, German *krachen*), probably imitative. Related: Cracked; cracking. To crack a smile is from 1840s; to crack the whip in the figurative sense is from 1940s.») [19], и в исследовании некоторых учёных. В частности С.В. Воронин в своей классификации ономотопов приводит данный глагол в качестве примера 5 типа звукоподражаний, а именно фреквентативов квазиинстантов. Структура глагола *crack* следует канонической модели CONS + R + VOC + PLOS [3]. Также Маргарет Магнус в своей диссертации отмечает, что фонема /r/ в позиции начала слова встречается во многих словах, несущих значение разрушения или дробления, а в сочетании с заднеязычным взрывным /k/ составляет слова, имеющие значение «разрушение какой-либо поверхности». В качестве примера она также приводит глагол *crack*: crack – deformities in a surface crack, cranny, crater, crease, crevasse [12].

Интересно, что несмотря на разницу между строением данной пары неродственных языков, турецкий ономотоп обладает схожей фоносемантической моделью: он также имеет в своём составе вибрант и заднеязычный взрывной.

Принимая во внимание этимологические и исследовательские данные, стоит отметить полную эквивалентность перевода не только на лексическом уровне, но и на уровне фоносемантической модели.

Перевод ЗИ-лексики при помощи эквивалентного звукоизображения с отличным от исходного фонотипом является наиболее частым способом перевода. Данный способ перевода встречается в 15 случаях (50% от общего числа) из представленных 30.

2) Bir zamanlar, Boğaz'ın ipek sularını gümüş gibi **ışıldatan** mehtabı seyrettiğimiz balkonlardan gömüledikleri için alelacele yakılan ölülerden çıkan mavimsi dumanın aydınlığını seyredeceğiz artık [14].

*As we sit on the balconies from which we once watched the moon **glitter** silver on the silken waters of the Bosphorus, we'll watch instead the blue smoke rising from the corpses we've had to burn in a hurry – leisurly burials having become thing of the past* [16].

В данном микроконтексте переводчик сталкивается с турецким звукоименным причастием *ışıldatan*, для которого в языке перевода подбирает английское звукоименное же существительное *glitter*. Согласно турецко-английскому онлайн словарю Tureng, причастием *ışıldatan* имеет следующие значения: sparkle;

scintillate; shine; sparkle; glisten; glitter; flash; blink; glow; glint; gleam. Само причастие имеет в своей основе звуко-символическое редуплицированное междометие *ışıl ışıl*. Звукоизобразительность данной единицы отмечается как в работах учёных, например Х. Зульф리카ра [13], так и в соответствующих пометах этимологического словаря Севана Нишаньяна: « *ışıl* - ▽ 1070 [ETü] *yaşu-/yaşı-* *yanmak*, *parlamak* ▽ 1312 [KTü] *yışı-* *ışıl ışıl* << ATü **yul-* *yanmak*, *parlamak* • Karş. Moğ *cula* (ışık) = ATü **yul-*. ATü // > /ş/ *evrimi varsayılmalıdır*. • TTü *ışıl-da-*, *ışıl ışıl* biçimleri **onomatope** özellikleri gösterir. **Benzer sözcükler:** *ışıl*, *ışıl ışıl*, *ışıl-da-*, *ışıl-tı*, *ışınım*, *ışıt-* **Bu maddeye gönderenler:** *ışık*, *ışıldak*, *ışın*, *yıldız* » [18]. Звуко-символизм единицы ПЯ был неоднократно подтверждён исследованиями С.В. Воронина, О.А. Барташовой, М. Магнус. Маргарет Магнус в своих работах подробно очертила круг лексики, которую объединяет наличие сочетания фонем /gl/ в позиции начала слова. Внутри этой группы Магнус отметила несколько подгрупп значений слов: 1) отраженный или рассеянный свет (*glare*, *gleam*, *glim*, *glimmer*, *glint*, *glisten*, *glisten*, *glitter*); 2) косвенное использование глаз (*glance*, *glaze/d*, *glimpse*, *glint*); 3) отражающая поверхность (*glacé*, *glacier*, *glair*, *glare*, *glass*, *glaze*, *gloss*); 4) другие световые или зрительные эффекты (*globe*, *glower*) [12].

Существительное *glitter* обладает следующим происхождением: “*glittering* - c.1300, *glideren* (late 14c. as *gliteren*), from a Scandinavian source, cf. O.N. *glitra* "to glitter," from *glit* "brightness," from P.Gmc. **glit-* "shining, bright" (cf. O.E. *glitenian* "to glitter, shine; be distinguished," O.H.G. *glizzan*, Ger. *glitzern*, Goth. *glitmunjan*), from PIE **ghleid-* (cf. Gk. *khlidon*, *khlidos* "ornament"), from root **ghel-* "to shine, glitter" (see *glass*). Related: *Glittered*; *glittering*. The noun is c.1600, from the verb to *glitter*” [19].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о полной эквивалентности перевода. Переводчик смог подобрать наиболее подходящую ЗИ-единицу в ПЯ, хотя и иного фонемотипа.

Переводческие трансформации встречаются в 7 случаях (23,3% от общего числа) из 30 случаев и представляют самую малочисленную из представленных групп способов перевода.

3) *Ellerine yeniden aldıkları gazeteleri hışırdatırlarken* ve öğleden sonra bezik oynarlarken konuşurlardı ve apartmandakiler akşam yemeğine ve birlikte radio dinlemeye geldikleri zamanlar da ve gazetede Celâl'in köşe yazısını okuduktan sonra da: "Yazısının altına kendi imzasını atmasına izin verselerdi," derdi Dede, "belki aklını başına toplardı"[14].

Even as they took up their newspapers again and began leafing through them, even as they played bezique in the afternoons: they kept on talking, and when the family came together for the evening meal, they'd utter the same words they did when it came time for everyone to gather around the radio, or when they'd both finish reading Celal's column. [16]

В данном примере мы сталкиваемся с турецким звукоподражательным глаголом *hışırdatmak*. Данный глагол был образован от ономастического существительного *hışırd* путем добавления стандартного глагольного окончания *-mak* и аффикса понудительного залога *-t*. Этимологические исследования отмечают: «*hış* - 1876 *hış/hışırd*- *gevrek kumaş veya kâğıt sesi*, 1876 *haşırd*- *yaprak veya kâğıt sesi*, 1962 *haşırtı*, 1978 *haşırt*: : *onom* - /h/ *nefes ve yel sesini*, /ş/ *beyaz gürültüyü*, /a/ *yüksek volümü*, /ır/ *veya /ıl/ kompleks ses yığılmasını*, /t/ *ani bitişi simgeler*. **Benzer sözcükler:** *haşır*, *haşır huşur*, *haşır2*, *haşırd*-, *haşırt*, *haşırtı*, *hışıl*, *hışıl*-, *hışıl*ti, *hışır*, *hışırd*-, *hışirtı*, *hışt*» [18]. Данный ономастоп относится к классу континуантов (тип III – чисто шумовые континуанты). В канонической модели чисто шумового континуанта «обязательно наличие хотя бы одного (как правило, два) глухого фрикативного, так как глухой характер фрикативных в данном случае обусловлен глухим, т.е. чисто шумовым характером изображаемого звучания» [3].

Согласно турецко-английскому онлайн словарю Tureng, глагол *hışırdatmak* имеет следующее значение: *rustle; swish; make something rustle; crinkle; crackle; crisp* [21]. Само ономастическое существительное обозначает шелест бумаги, а глагол при буквальном переводе в нашем примере звучал бы как *to make a newspaper rustle*, т.е. персонажи буквально шелестели газетами, перелистывая их. Переводчик при переводе использовал в качестве лексической замены глагол *to leaf through*, который не несёт в себе звукоизобразительный компонент. Переводчик пожертвовал звукописью, которая в данном случае использовалась как художественный приём, и подобрал в языке перевода стилистически нейтральную единицу *to leaf through*. По этой причине несколько пострадала стилистика оригинала.

Данный перевод можно назвать эквивалентным лишь частично, так как он передает только семантические особенности единиц, но опускает приём звукописи, которая присутствует в аутентичном тексте.

Из рассмотренных 30 случаев перевод ЗИ-единиц ИЯ в случаях 23 (76,6 % от общего числа примеров) осуществлялся при помощи ЗИ-единицы ПЯ. В 8 случаях использовалось звукоизображение с сохранением фонотипа (26,6% от общего числа) исходной единицы. В 15 случаях (50 % от общего числа) эквивалентное звукоизображение имело фонотип, отличный от исходной ЗИ-единицы. Переводческие трансформации встретились в 7 случаях (23,3 % от общего числа). Таким образом, среди переводческих эквивалентов преобладают ЗИ-единицы с изменением фонотипа.

Список литературы

1. Барташова О.А. Звукоизобразительность в терминологии (на материале английских морских терминов): дис. канд. филол. наук. – Л., 1987. – 16 с.
2. Влахов С. Непере译димое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М.: Ленанд, 2006. – 248 с.
4. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: ЛГУ, 1990. – 200 с.
5. Воронин С.В. Эквивалентность в переводе и звукоизобразительная лексика (семиотический подход) / С.В. Воронин, А.Д. Паго // Английская филология в переводоведческом и сопоставительном аспектах. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. – С. 83–87.
6. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 31–45.
7. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: учеб. пособие / А.О. Иванов; Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. – СПб., 2006. – 192 с.
8. Ермакова Н.М. Ономастопея: англо-русские параллели в переводе: автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
10. Разумовская В.А., Фейтельберг Е.М. Звукоподражательные слова в турецком языке: интегративный подход // Вестник ИГЛУ. – Вып. 4. – 2009. – С. 79–86.
11. Улльман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 250–299.
12. Magnus M. What's in a Word? Studies in Phonosemantics [Электронный ресурс] // Электрон. дан. (1 файл). – <http://www.trismegistos.com>
13. Zülfikar H. Türkçede Ses Yansimali Kelimeler [Текст] / H. Zülfikar. – Ankara, 1995.
14. Orhan Pamuk. Kara Kitap. – İstanbul: Can Yayınları Ltd., Sti, 1990. – 405 s.
15. Orhan Pamuk. Benim Adım Kırmızı. – İstanbul: İletişim Yayıncılık A. Ş., 1998. – 224 s.
16. Orhan Pamuk. The Black Book. – New-York: Random House, Inc., 2006. – 463 s.
17. Orhan Pamuk. My Name is Red. – New-York: Vintage Books, 2002. – 250 s.
18. Nişanyan S. Söзlerin Soyacağı [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nisanyansozluk.com> (10 мая 2013).
19. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymonline.com> (10 мая 2013).
20. Pratik Sözlük [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pratiksozluk.com> (10 мая 2013).
21. Tureng (Turkish-English online dictionary) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tureng.com> (10 мая 2013).

О лингвистической интерпретации современных стереотипов

On Interpretation of Modern Stereotypes

Статья посвящена описанию трех основных подходов, принятых в лингвистике для представления стереотипных форм речевого поведения как форм коммуникативного знания – представление стереотипов через призму коммуникативных клише (речевых стереотипов), представление социальных стереотипов в текстах разных жанров и представление стереотипов как элементов аргументации в рамках бинарных оппозиций.

The article covers three major approaches in linguistic presentation of stereotyping in speech as a form of communicative knowledge – the presentation of stereotypes as idioms (speech stereotypes), the presentation of social stereotypes in texts and the presentation of stereotypes as arguments through binary oppositions.

Ключевые слова: стереотипы, коммуникативные клише, социальные стереотипы, бинарные оппозиции, аргументация.

Key words: stereotypes, communicative clichés, social stereotypes, binary opposites, argumentation.

Понятие «стереотип» появилось в социологии для обозначения стандартизированного образа или представления о социальном явлении. Термин «социальный стереотип» американский журналист и политолог Уолтер Липпман использовал еще в 1922 г. в своей книге *Общественное мнение*, которая не потеряла своей актуальности до настоящего времени. Согласно Липпману именно стереотипы являются самыми тонкими и распространенными механизмами воздействия. Они обладают устойчивостью, ценностными характеристиками (положительными или отрицательными), представляют собой детерминированные культурой «картинки мира» позволяющие экономить усилия при восприятии сложных социальных явлений [5, с. 95–107].

Разнообразие и скорость общественных изменений, с которыми сталкивается современный человек, ставят перед ним задачу поиска границ между «своими» и «чужими» и между тем, что «хорошо» или «плохо». Понятие «стереотип» связано с анализом восприятия людьми представителей собственной и другой политической, религиозной, культурной, сексуальной и т.п. ориентации, а также своей или иной профессии, своего или иного возраста, поколения, пола,

экономического положения и т.д. Язык участвует в репрезентации стереотипной коммуникативной модели, связанной с определением уместного или неуместного речевого поведения. В частности, это касается и восприятия культуры и в особенности стереотипных форм речевого поведения.

Стереотипы используются в разных видах дискурса. Возникающие обобщенные схемы речевого поведения проявляются в типовых ситуациях, текстотипах, обусловленных институциональными и повседневными ритуалами создают конвенциональные способы выражения, своего рода штампы, клише. Они позволяют экономить усилия для достижения целей в процессе интеракции и являются достаточно эффективными инструментами воздействия. Тем не менее, нельзя не согласиться, что современные тенденции распространения стереотипов, расширение использования сниженных регистров и «тотальное расширение сферы массовой информации» приводят к тому, что в основном начинает проявляться примитивизация понятий. [3, с. 59–60]. В.И. Карасик отмечает, что в условиях информационного взрыва и резкого увеличения знаний происходит «разграничение знания фундаментального, составляющего основу картины мира, и знания ориентационного, указательного, определяющего ежеминутно меняющуюся обстановку». При этом доля ориентационного знания постоянно увеличивается [3, с. 67]. Разнообразные коммуникативные клише, речевые стереотипы как знаки воздействия относятся именно к типам ориентационного знания.

Развитие компьютерных технологий приводит к созданию новых способов стандартизированного выражения, характерных для мультимедийного общения. Представляется, что алгоритмы экономии средств выражения, которые используются при общении, определяются стереотипами как стандартизированными схемами или образами, обладающими относительной устойчивостью. В этом видится постепенный отход от принятого в социологии и позже в социолингвистике отношения к стереотипу как негативному понятию, отражающему целый ряд предрассудков и переходу к рассмотрению стереотипов как некоторых способов представления ориентационного знания. Овладение этим знанием предполагает успешное ориентирование в процессе коммуникативного взаимодействия.

Внедрение новых мультимедийных технологий и массовой компьютеризацией многих областей приводит к взаимодействию людей в разных информационных пространствах и необходимости при обмене вербальной и невербальной информацией вырабатывать доминантные поведенческие шаблоны. Унификация данных шаблонов приводит к созданию стереотипных кодов поведенческой культуры. К ним относятся и эмотиконы, и этикетные формулы. Понимание

данных кодов и их идентификация представляют большой интерес в рамках СМС (Computer Mediated Communication).

Лингвистическая интерпретация представления стереотипов связывается как со структурно-семантическими категориями, так и с функционально-семантическим [4; 6]. В данной статье внимание уделяется функциональным проблемам изучения стереотипов. К настоящему времени функционально-семантическое изучение стереотипов как элементов поликодового коммуникативного пространства изучается в трех основных направлениях. Во-первых, это изучение идиоматики коммуникативного общения через выявление репертуара коммуникативных клише; во-вторых, описание ситуаций, отражающих социальные стереотипы; в третьих, представление способов воздействия на индивидуальное и/или коллективное сознание с помощью сообщений разных комплекса семиотических систем, в том числе и вербальных.

Речевые стереотипы как устойчивые ориентационные коммуникативные единицы представляют собой коммуникативные идиомы, за которыми коммуникативная ситуация закрепляет особое функциональное значение, определяющееся языковой картиной мира. В качестве примеров можно привести этикетные высказывания, комментирующие реакции на неожиданные ситуации, например, на чихание: *будьте здоровы/ bless you* или на повторяющиеся ситуации или явления: *только этого и не хватало, опять двадцать пять/Surprise!Surprise* или побуждения: *давай-давай/ come on*. Функциональное разнообразие данного стереотипных высказываний представляется возможным определить с позиций определения роли данных высказываний как знаков в модели коммуникативной ситуации. Отличие речевых стереотипов от «классических» номинативных идиом заключается в том, что они являются перформативными высказываниями, моделирующими ситуации [6].

Комплекс коммуникативных моделей речевых стереотипов определяется тремя знаковыми областями – 1) высказывания, формирующие коммуникативный процесс – этикетные и метакоммуникативные (*ну, понимаешь/ you know what I mean*; 2) высказывания, определяющие разного рода побуждения (*давай быстро-быстро!All aboard u Bail out!*); 3) комментирующие высказывания, включающие стереотипные положительные и отрицательные ответы, а также спонтанные оценочные реакции (*Ни к селу ни к городу /Go along with you*). При этом все три группы выделены по функциональной доминанте, проявляющейся в процессе общения. При этом происходит постоянное изменение коммуникативного кода. Например, такие распространенные этикетные высказывания в русском языке как *Здравствуйте* и *Пожалуйста*, произнесенные с опреде-

ленной интонацией *здэссъте-пжэлстэ* переходит в иной коммуникативный сценарий – из этикетного в иронический.

Интересным и важным фактором является то факт, что в сознании пользователя происходит автоматически импровизация языкового выражения. Эта импровизация имеет метафорический характер стереотипной фразы, характерный для той или иной языковой культуры.

Стереотипные фразы формируются в рамках одной ситуации, а применяются совершенно в другой. Например, высказывания из армейского лексикона при употреблении в повседневных ситуациях меняют свое значение. Ср. английские высказывание *Bail out!* "прыгай!" (приказ прыгать с парашютом), которое в настоящее время в своем переносном употреблении означает приказ смело сделать что-то, т.е. своего рода прескриптивный знак-приказ.

Источники пополнения стереотипов – цитаты, аллюзии на художественные произведения и заимствования из других языков (в русском языке: *шерше ла фам, миль пардон*, а в английском: *Je ne sais quoi*). Заимствования свидетельствуют о языковых контактах и о том, что несмотря на расхождение в языковых формах выражения (ср. *jamais deux sans trois* и *Бог троицу любим*) функциональная семантика остается общей для коммуникативного контекста. Семантика этих фраз определяется свойством высказывания приобретать определённый устойчивый коммуникативный код в процессе речевого взаимодействия [6, с. 68–69]. Речевой стереотип – это речевая идиома, которая обладает функциональным потенциалом в свернутом виде отражать всю формулу коммуникативной ситуации, и она не мыслится вне коммуникативной ситуации, т.е. обладает грамматикализованным коммуникативным значением и выступает в роли интеракциональной единицы воздействия. Эти единицы управляют также и процессом восприятия.

Говорящий использует код для правильной ориентации в ситуации непосредственного общения. При этом, безусловно, в качестве идентификации успешности используются понятия «свой – чужой», применимые к разным социальным группам, определяющимся по речевым стереотипам, которые воспринимаются либо как известные и узнаваемые, либо как странные и необычные. Из гетерогенной коммуникативной деятельности, таким образом, выделяется некоторая ситуация, которая с определённой степенью условности представляется как некоторая ограниченная схема взаимодействия. В данной схеме код связан с общим восприятием некоторого коммуникативного «поступка», позволяющего выявлять речевые стереотипы как носителей социальных кодов.

Второе направление лингвистического анализа стереотипов определяется изучением художественного текста как «транслятора

и мировоззрения автора и его языка». Выбор художественного текста в качестве анализа связан с тем, что сам текст формируется в определённой национальной языковой картине мира. Восприятие читателем текста связано с его фоновыми знаниями и определение именно отраженных стереотипных форм речевого поведения уточняется при сравнении с данными исследований по межкультурной коммуникации [1, с. 47–48]. Возрастные, гендерные, профессиональные стереотипы, взаимодействуют и составляют дескриптивную ситуацию. Это может быть описание пожилого или молодого человека, или самоидентификации человека или поведенческим стереотипам. Например, это относится и к «возрастному описанию» в плане достижения успехов: *Now, some eighteen years later, at age forty-two, living in Brooklin Heights, married to a successful real estate broker, and the father of twin boys, Sclafani was a detective first class on this district attorneys elite squad, an assignment in which he took great pride* (Clark, 72) ¹ [1, с. 49].

Достаточно часто дескрипция стереотипов связана с представлениями о норме и соответствии/несоответствии этой норме по возрастными, гендерным или иным социальным параметрам: *I am too old for sacrificial gestures; He was growing too old for such far-flung journeys as this* (Clark, 249) [1, с. 50]. Как показало исследование современного английского художественного текста в нем преобладает фиксация несоответствия стереотипу, которое в синтаксических структурах выражается с помощью синтаксических структур противительным союзом *but*, уступительным союзом *though* и сравнительными придаточными *than he had expected; that he had thought*. Соответствие стереотипу отражается в тексте реже. В этом случае номинаций, указывающих на типичность объекта или ситуации: *typical, real* или на ее регулярность: *all, always* [1, с. 56–57].

Используя понятие поликодности современных стереотипов [7], в текстах выявляются ситуации межкультурной коммуникации, которые иллюстрируют взаимодействие культур. Например, русской и французской в 19 веке, В качестве примеров можно привести роман И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка»(1937) или книгу В. Познера «Их Италия» (2013).

Кроме нарратива, обеспечивающего дескриптивное представление стереотипов в художественных текстах представлена диалогическая речь персонажей, которая позволяет устанавливать стереотипные фразы, характеризующие языковую личность. В частности, Н.Р. Кучминская изучила релевантность использования французских речевых стереотипов в русской речи. На этом основа-

¹ Примеры из Clark M.H. Before I say Goodbye. New York. 2001 цитируются по [1, с. 50].

нии исследователь определила три типа языковых личностей русских, а именно – билингва, автодидакта и невежды [4, с. 14–15]. Помимо выявления речевых стереотипов, в лингвистике ставится проблема интерференции языков, уместности язычных вкраплений, проблема языковой личности писателя-билингва (например, В. Набоков, И. Бродский) [2]. В этом случае выявляются стереотипные иноязычные вкрапления, свидетельствующие о билингвизме персонажей, и мы получаем свидетельства об изменении социальной среды и о типе языковой личности той или иной эпохи.

Именно позиционирование личности в социокультурном пространстве имеет большое значение для овладения типами конвенционального поведения, позволяющими создать комфортную атмосферу общения, определить социальные и коммуникативные роли способствующие, взаимопониманию. Важно отметить, что конвенции закреплены в социальном сознании и относятся к стереотипизированным знаниям, связанным с хранением трафаретов ситуаций.

В качестве третьего направления изучения стереотипов можно назвать лингвистическую интерпретацию разных видов дискурса, направленных на формирование либо общественного мнения или создания отдельных групповых приоритетных интересов. Прежде всего, это относится к рекламному и политическому дискурсам, которые определяют ориентацию людей в массовой культуре. Несмотря на тот факт, что в межкультурной коммуникации существует достаточно многообразный спектр типов культур, определяющим фактором в становлении стереотипов является культурная доминанта.

Современная эпоха связана, прежде всего, с доминантной американской культурой и стереотипы американской массовой культуры активно инкорпорируются в современные модели общения. Это особенно заметно в современной отечественной рекламе, которая построена почти исключительно по образцу американской – *Не тормози! Сникерсни!* К такого рода мини-дискурсам можно отнести и внедрение характерного для англо-саксонской культуры «черного юмора»: *Большому кораблю – большая торпеда; маленький мальчик нашел пулемет – больше в деревне никто не живет* и др. свидетельствуют об изменении ориентационных ценностей в современной массовой культуре [3, с. 69–70; 76–77], которые переводят понятие стереотипа в разряд эффективных средств воздействия. В этом случае рекламные тексты и слоганы рассматриваются как дискурсы воздействия на массовое сознание. Риторика становления стереотипов связана с введением разного способа аргументирования в рамках разного типа культур. Вариативность культур приводит к поликодовости современных стереотипов [7].

Лингвистические способы реализации воздействия, направленные на формирование стереотипов связаны с выбором слов и словосочетаний. Например, после употребление понятия *демократия* в контексте современной Российской жизни не обязательно имеет положительную коннотацию. После двух десятилетий обсуждения отрицательных сторон *революции* позитивная коннотация практически утрачена.

В разных языках общественно-политическая лексика трактуется по-разному. Например, *коррупция* обозначает «злоупотребление служебным положением в корыстных целях», т.е. *взяточничество* и *иные формы подкупа*. Термин *corruption* трактуется немного иначе – *misuse of entrusted funds and power for private gain*, то есть «злоупотребление доверенными средствами и властью в личных целях». Таким образом, даже терминологически переводимые термины становятся в рамках стереотипов воздействия и восприятия стереотипы трактовки схожих терминов оказываются разными. Идеологические стереотипы создаются с помощью атрибутивных словосочетаний определяется ценностными факторами, которые определяются бинарными оппозициями – «хорошо» – «плохо». Прилагательные, выражающие отношение: *apocalyptic, fatal, suicidal* и аффективные прилагательные: *outraged (reaction), horrific (casualty rates), euphoric (reaction), adoring (crowds)*, и т. п.

В политическом американском дискурсе самым тщательным образом отбираются эвфемизмы, которые относятся к группе слов и выражений политической корректности. Эти высказывания формируют общественное мнение и создают идеологическую составляющую, тем самым формируя идеологизированные стереотипы восприятия, основанные на противопоставлении «свой» – «чужой»: *tax increase = revenue enhancement; destroy=suppress the target; genocide =ethnic cleansing; to lie= to be economical with the truth; pacification=punitive operation; collateral damage=unintended killing of civilians* и др. Интерпретация таких значений определяется положением интерпретатора. Например, *агрессия* – это оказание поддержки враждебной нам стороне, а *помощь* (солидарность) – оказание поддержки дружественной нам стороне. Подтверждением такой аргументативной интерпретации и создание схемы логического стереотипа могут служить диалогические «пикировки» Джен Псаки, официального представителя Гос. Департамента США и М. Ли, корреспондента Associated Press. Д. Псаки: *Пророссийские террористы одерживают победу потому, что их поддерживает Россия!* – М. Ли: *Простите моё невежество, Джен, но правильно ли я понимаю, что украинская армия терпит поражения потому, что её*

поддерживает США и ЕС?»¹ Эмоциональное воздействие осуществляется через бинарное представление ситуации и использования словесного «прикола» [3, с. 45; 8]. Подобные аргументативные схемы фиксируют отношения «свой/чужой» в качестве имплицитных компонентов бинарных оппозиций [8]. Изменение стереотипов, которые могут меняться в зависимости вектора ориентации в и общественно-политическом дискурсе [9, с. 282–283].

В заключении хочется подчеркнуть, что лингвистическая интерпретация стереотипа как комплекса ориентационного знания связана с определением функциональных установок, следования приоритетам в рамках взаимодействия культур и установления видов лингвистических приемов воздействия на индивидуальное и коллективное сознание и поведение.

Список литературы

1. Емельянова О.В., Рейимбаева И.У. Языковая актуализация социальных стереотипов // Лингвокультурология. Английские миниатюры: Коллективная монография. – СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. – С. 45–57.
2. Вищневская Г.М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация: учеб. пособие. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – 224 с.
3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
4. Кучминская Н.Р. Французские стереотипы в русском интерлингвальном дискурсе: автореф. канд. дис. – СПб., 2012. – 19 с.
5. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
6. Третьякова Т.П. Английские речевые стереотипы: функционально-семантический аспект. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. – 128 с.
7. Третьякова Т.П. Поликодовость современных стереотипов//Грядущий миропорядок в оценке российских и американских экспертов. Информационно-аналитические материалы XXII Российско-Американского семинара: Санкт-Петербург. Отв. ред. Б.А. Ширяев. – СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. – С. 179–184.
8. Goudkova K., Tretyakova T. Binary oppositions <good-bad> in media argumentation. In F. H. Eemeren, B. Garssen, D. Godden & G. Mitchell (Eds.), *Proceedings of the Seventh International Conference of the International Society for the Study of Argumentation*. 9.06.- 2.07, 2010. University of Amsterdam, the Netherlands, 2011. – Amsterdam: Sic Sat. (статья) электронная публикация). – P. 656–662.
9. Tretyakova T.P. Discourse Linguistics and Argumentation as open systems// Considering Pragma-dialectics/ Eds. Peter Houtlosser, Agnes van Rees. Amsterdam, 2006. – P. 275–286.

¹ Пример взят с сайта: <http://www.inpearls.ru/>

**Национальная специфика фразеологического развития слова
в русском и английском языках****National specificity of lexeme phraseological development
in Russian and English**

Статья посвящена определению национальной специфики фразеологического развития лексем, обозначающих *водные объекты* и *состояния воды* в русском и английском языках. Исследование выполнено в рамках сопоставительно-параметрического метода с использованием ряда формализованных параметров.

The purpose of this paper is to define the national specificity of phraseological development of Russian and English lexemes denoting *bodies of water* and *water state*. The research is done on the basis of comparative-parametric method using a range of formalized parameters.

Ключевые слова: национальная специфика, фразеологизм, семантический признак, сопоставительно-параметрический метод, индекс, шкала.

Key words: national specificity, phraseological unit, semantic feature, comparative-parametric method, index, scale.

На основе сопоставительно-параметрического метода, появившегося и развивающегося в стенах Воронежского государственного университета [3], нами была предпринята попытка определить и описать национальную специфику фразеологического развития лексем, обозначающих *водные объекты* и *состояния воды* в русском и английском языках. Для определения характера национально-специфических различий нами был использован ряд формализованных параметров:

- *относительная фразеологическая плотность* – отношение количества фразеологизмов, развиваемых лексемами исследуемой группы в одном языке, к количеству фразеологизмов исследуемой группы в языке сопоставления [5, с. 86];

- *индекс продуктивности семантического признака развития слова* – отношение количества производных семантических единиц (в нашем случае – фразеологизмов), мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству фразеологизмов, образованных от рассматриваемой лексемы [2, с. 6];

- *индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* – отношение количества производных семантических единиц (в нашем случае фразеологизмов), мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных от лексем группы фразеологических единиц [2, с. 6];

- *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* – среднее арифметическое сумм продуктивности одноименных семантических признаков [4, с. 93];

- *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* – среднее арифметическое сумм продуктивности эндемичных семантических признаков [4, с. 93];

- *средний индекс продуктивности семантического признака* – отношение количества семантических признаков, мотивирующих развитие фразеологизмов в группе, к количеству развиваемых лексемами фразеологизмов [4, с. 92].

Чтобы оценить и интерпретировать полученные результаты и выявить национальные особенности исследуемых групп фразеологизмов мы использовали *шкалу оценки степени проявления национальной специфики лексики* С.В. Колтаковой – С.И. Деркач [1, с. 18]. Согласно данной шкале, национально-специфические различия по индивидуальным параметрам сравнения могут быть охарактеризованы как **несущественные, видимые, заметные** и **существенные**.

На последнем этапе исследования, чтобы сделать общий вывод о степени выраженности национальной специфики рассматриваемых групп фразеологизмов нами использовалась *шкала степени выраженности национальной специфики лексической группировки*, разработанная С.В. Колтаковой, и впоследствии уточненная и дополненная С. И. Деркач [1, с. 22]. Данная шкала позволяет определить национальную специфику сравниваемых лексических группировок как **неярко выраженную, умеренно выраженную, ярко выраженную или гипервыраженную**, в зависимости от количества преобладающих типов расхождений в показателях сопоставляемых индексов.

В ходе исследования в русском языке было выявлено 110 фразеологизмов, включающих тринадцать наименований *водных объектов и состояний воды*: **вода, водопад, гавань, лед, лужа, море, озеро, океан, омут, пруд, река, ручей, снег**, в английском языке – 96 фразеологизмов, включающих тринадцать наименований *водных объектов и состояний воды*: **bay, cove, creek, ditchwater, gulf, ice, lake, ocean, pond, river, sea, snow, water**. *Относительная фразеологическая плотность* для исследуемой группы фразеологизмов составила 1,1. Согласно *шкале оценки степени проявления национальной специфики лексики* [1, с. 18], в *относительной фразеологической плотности* у рассматриваемой группы фразеоло-

гизмов с наименованиями водных объектов и состояний воды зафиксированы **несущественные** различия.

В процессе рассмотрения фразеологического развития лексем с наименованиями водных объектов и состояний воды нами были выделены семантические признаки, релевантные для фразеологического переноса в русском и английском языках. В русском языке было выявлено двадцать восемь семантических признаков: **среда обитания** (чувствовать себя как рыба в воде), **прозрачность** (как в воду глядеть), **жидкость** (туалетная вода), **напиток** (перебиваться с хлеба на воду), **опасность** (броситься в омут с головой), **текучесть** (как с гуся вода), **способность скрывать любые следы** (прятать концы в воду), **водное пространство** (спускаться на воду), **источник физического воздействия** (обдать водой), **преграда** (водой не разольешь), **бесшумность** (быть тише воды, ниже травы), **интенсивность** (водопадом литься), **укрытие** (тихая гавань), **низкая температура** (лед и пламень), **движение** (река времени), **слой земной поверхности** (вечные льды), **удаленность** (за морем), **непредсказуемость** (ждать у моря погоды), **большое количество** (хоть пруд пруди), **территориальная принадлежность** (закрытое море), **глубина** (достать со дна моря), **транспортный путь** (морем ехать), **место работы** (уходить в море), **протяженность** (лежать озером), **причина смерти** (хоть в реку), **цвет** (белый как снег), **блеск** (сверкать как снег), **атмосферные осадки** (нужен как прошлогодний снег).

В английском языке количество семантических признаков, релевантных для фразеологического переноса рассматриваемых лексем, равно двадцати шести: **замкнутое пространство** (*bring to bay*), **объект природы** (*a queer cove*), **опасность** (*go jump in the lake*), **неподвижность** (*dull as ditchwater*), **препятствие** (*bridge a gulf*), **низкая температура** (*cold as ice*), **гладкая поверхность** (*straight off the ice*), **большой размер** (*a drop in the ocean*), **небольшой размер** (*the big pond*), **среда обитания** (*big frog in a small pond*), **место работы** (*follow the sea*), **транспортный путь** (*go down the river*), **неспокойность** (*have good sea legs*), **территориальная принадлежность** (*in the high seas*), **большое количество** (*drink the sea dry*), **непредсказуемость** (*all at sea*), **обманчивость** (*dead sea apple*), **цвет** (*white as driven snow*), **атмосферные осадки** (*welcome as snow in harvest*), **текучесть** (*written in water*), **напиток** (*fire water*), **прозрачность** (*of the first water*), **слабость** (*weak as water*), **водное пространство** (*blue water*), **источник благополучия** (*draw a lot of water*), **источник физического воздействия** (*pour cold water on smb*).

В русском языке восемь семантических признаков (*среда обитания, опасность, интенсивность, движение, слой земной поверхности, большое количество, глубина, протяженность*) оказались релевантными для фразеологического переноса нескольких лексем рассмотренной группы. Так, признак *опасность* оказался важным для фразеологического развития пяти лексем: *вода* (*пройти сквозь огонь и воду*), *лед* (*растопить лед*), *лужа* (*сесть в лужу*), *море* (*море по колени*), *омут* (*в тихом омуте черти водятся*). Семантический признак *слой земной поверхности* лег в основу фразеологического переноса двух лексем: *лед* (*вечные льды*) и *снег* (*полоть снег*). Количество семантических признаков, существенных для фразеологического переосмысления нескольких лексем наименований *водных объектов и состояний воды* в английском языке, составило шесть: *опасность, большой размер, среда обитания, место работы, большое количество, цвет*. Так, признак *опасность* является значимым для фразеологического развития пяти лексем анализируемой группы: *creek* (*be up the creek*), *ice* (*break the ice*), *lake* (*go jump in the lake*), *sea* (*between the devil and the blue sea*), *water* (*still waters have deep bottoms*). Семантический признак *место работы* лег в основу фразеологического переноса двух лексем рассматриваемой группы в английском языке: *sea* (*follow the sea*) и *river* (*follow the river*).

Важность семантического признака во фразеологическом развитии наименований *водных объектов и состояний воды* позволил определить *индекс продуктивности семантического признака развития слова* [2, с. 6]. Как показало проведенное исследование, в русском языке значения данного индекса варьируются от 1,8% до 100%, в английском языке – от 2,0% до 100%. Например, семантический признак *преграда* во фразеологическом развитии лексемы *вода* имеет значение индекса продуктивности равное 1,8%, а семантический признак *большое количество* в развитии лексемы *пруд* имеет индекс продуктивности равный 100% (данный семантический признак, лег в основу фразеологического переноса во всех фразеологизмах, образованных от рассматриваемой лексемы). В английском языке индекс продуктивности семантического признака *прозрачность* в развитии лексемы *water* на фразеологическом уровне составил 2,0%, а индекс продуктивности семантического признака *неподвижность* в развитии лексемы *ditchwater* оказался равен 100%.

При сравнении семантических признаков, лежащих в основе фразеологического переноса лексем наименований *водных объектов и состояний воды*, были определены как одноименные признаки, так и эндемичные семантические признаки. В общей сложности нами было зафиксировано пятнадцать одноименных семантических

признаков фразеологического переноса: **среда обитания, прозрачность, напиток, опасность, текучесть, водное пространство, источник физического воздействия, низкая температура, непредсказуемость, большое количество, территориальная принадлежность, транспортный путь, место работы, цвет, атмосферные осадки.**

Эндемичными для английского языка оказались следующие одиннадцать семантических признаков: **замкнутое пространство, объект природы, неподвижность, препятствие, гладкая поверхность, большой размер, небольшой размер, беспокойность, обманчивость, слабость, источник благополучия.** В русском языке было выявлено тринадцать эндемичных семантических признаков: **жидкость, способность скрывать любые следы, преграда, бесшумность, интенсивность, укрытие, движение, слой земной поверхности, удаленность, глубина, протяженность, причина смерти, блеск.**

Оценить важность того или иного семантического признака в формировании фразеологизмов с наименованиями водных объектов и состояний воды позволяет использование *индекса продуктивности семантического признака развития лексем в группе* [2, с. 6]. Результаты сопоставления *индексов продуктивности семантического признака развития лексем в группе* на фразеологическом уровне могут быть представлены следующим образом:

Таблица 1

Семантические признаки	Индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе	
	Русский язык	Английский язык
1 среда обитания	1,8%	2,1%
2 прозрачность	6,7%	1,0%
3 жидкость	16,7%	0%
4 напиток	5,6%	4,2%
5 опасность	13,6%	19,8%
6 текучесть	4,5%	11,5%
7 способность скрывать любые следы	3,6%	0%
8 водное пространство	4,5%	4,2%
9 источник физического воздействия	1,8%	5,2%
10 преграда	0,9%	0%
11 бесшумность	0,9%	0%
12 интенсивность	3,6%	0%
13 укрытие	0,9%	0%
14 низкая температура	0,9%	1,0%
15 движение	3,6%	0%
16 слой земной поверхности	2,7%	0%
17 удаленность	2,7%	0%

18 непредсказуемость	2,7%	1,0%
19 большое количество	9,1%	4,2%
20 территориальная принадлежность	1,8%	5,2%
21 глубина	1,8%	0%
22 транспортный путь	0,9%	4,2%
23 место работы	0,9%	2,1%
24 протяженность	3,6%	0%
25 причина смерти	0,9%	0%
26 цвет	0,9%	3,1%
27 блеск	0,9%	0%
28 атмосферные осадки	1,8%	2,1%
29 замкнутое пространство	0%	5,2%
30 объект природы	0%	1,0%
31 неподвижность	0%	1,0%
32 препятствие	0%	2,1%
33 гладкая поверхность	0%	4,2%
34 большой размер	0%	1,0%
35 небольшой размер	0%	1,0%
36 беспокойность	0%	4,2%
37 обманчивость	0%	1,0%
38 слабость	0%	2,1%
39 источник благополучия	0%	4,2%

Как видно из таблицы 1, в группе русских фразеологизмов с наименованиями *водных объектов и состояний воды* наиболее продуктивным является семантический признак **жидкость** (индекс продуктивности 16,7%). В английском языке наиболее продуктивным является семантический признак **опасность** – индекс его продуктивности составил 19,8%. Наименее релевантными для фразеологического переноса в русском языке оказались семантические признаки **преграда** (0,9%), **бесшумность** (0,9%), **укрытие** (0,9%), **низкая температура** (0,9%), **транспортный путь** (0,9%), **место работы** (0,9%), **причина смерти** (0,9%), **цвет** (0,9%) и **блеск** (0,9%). Наименее продуктивными семантическими признаками в английском языке являются признаки **прозрачность** (1,0%), **низкая температура** (1,0%), **непредсказуемость** (1,0%), **объект природы** (1,0%), **неподвижность** (1,0%), **большой размер** (1,0%), **небольшой размер** (1,0%) и **обманчивость**.

Для определения важности семантических признаков в английском и русском языках воспользуемся тремя формализованными показателями: *средним индексом продуктивности одноименных семантических признаков* [4, с. 93], *средним индексом продуктивности эндемичных семантических признаков* [4, с. 93] и *средним индексом продуктивности семантического признака* [4, с. 92]. Полученные результаты представим в таблице 2.

Таблица 2

Параметр	Русский язык	Английский язык	Разница в показателях параметров
<i>Средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков</i>	3,8	4,7	0,9
<i>Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков</i>	3,3	2,5	0,8
<i>Средний индекс продуктивности семантического признака</i>	0,25	0,27	0,02

Для интерпретации полученных результатов воспользуемся *шкалой оценки степени проявления национальной специфики лексики* [1; с. 18]. Согласно данной шкале, все три показателя, а именно: *продуктивность одноименных семантических признаков, продуктивность эндемичных семантических признаков и средний индекс продуктивности семантического признака* характеризуются **несущественными** национально-специфическими различиями.

В целом по всем четырем использованным нами формализованным параметрам (*относительная фразеологическая плотность, продуктивность одноименных семантических признаков, продуктивность эндемичных семантических признаков и средний индекс продуктивности семантического признака*) были зафиксированы **несущественные** национально-специфические различия.

Чтобы сделать общий вывод о степени выраженности национальной специфики рассматриваемых групп фразеологизмов, воспользуемся *шкалой выраженности национальной специфики лексических группировок*, разработанной С.В. Колтаковой, и позднее уточненной и дополненной С.И. Деркач [1; с. 22]. Согласно данной шкале, преобладание **несущественных** различий свидетельствуют о **неярко выраженной** национальной специфике, в результате чего мы можем сделать вывод о том, что степень выраженности национальной специфики фразеологизмов, включающих наименования *водных объектов и состояний воды* в русском и английском языках, может быть охарактеризована как **неярко выраженная**.

Таким образом, применение сопоставительно-параметрического метода позволило определить национальную специфику развития лексем русского и английского языков на фразеологическом уровне, а также дать ей качественную характеристику. Представляется, что представленный алгоритм определения национальных особенностей фразеологического развития лексем может быть использован и при исследовании других фразеологизмов русского и английского языков.

Список литературы

1. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дис. ...канд. филол. наук / С.И. Деркач. – Воронеж, 2011.

2. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Портнихина. – Воронеж, 2011.

3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.

4. Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования природных комплексов в русском и английском языках / С.Н. Черникова // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 86–95.

5. Черникова С.Н. К вопросу об определении национальной специфики фразеологизмов в русском и английском языках / С.Н. Черникова // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. № 3. – Воронеж, 2014. – С. 86–89.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
THE STUDY OF LITERATURE

УДК 821.111

Ю. Ю. Трубникова
Yu. Yu. Trubnikova

**Путь воды: писательницы британского модернизма
о природе сознания и мифопоэтике фемининности**

**The Way of Water: British Women Modernists
on Consciousness and Mythopoetics of Femininity**

На материале произведений ряда писательниц британского модернизма рассматривается специфика мифотворчества, связанного с акватической образностью. В качестве мифопорождающих выделяются следующие аспекты современной модернизму реальности: осмысление положения и роли женщины, научные исследования сознания, распространение оккультных знаний.

British women modernists' mythmaking is concerned with aquatic imagery. This aspect is analyzed in the article. The author of the article regards an aquatic metaphor as one of the central parts of philosophical and scientific thought of the time too. The language of water imagery in those works conveys a new view on a rapidly changing reality and on the essence of all things in modern world.

Ключевые слова: женский модернизм; сознание; мистицизм; природа; акватическое мифотворчество.

Key words: female modernism; aquatic mythmaking; consciousness; mysticism; nature.

Литературоведы, обращаясь к истории британского модернизма, демонстрируют непрекращающийся интерес к проблеме влияния достижений психологии и психоанализа на творчество и самосознание писателей. Одним из рассматриваемых аспектов становится, например, взаимодействие таких специфических для литературы данного периода феноменов, как «поток сознания» и мифотворчество. Е. М. Мелетинский пишет: «Нельзя сказать, чтобы “поток сознания” неизбежно вел к мифологизму» [17, с. 262]. Однако психоанализ, по мнению учёного, «со своей универсализующей и метафорической интерпретацией игры воображения» [17, с. 262] предоставил для писателей XX века «некий трамплин для скачка» к мифотворчеству. Феномен сознания волновал многих писателей модернизма не только в рамках эксперимента литературы потока сознания. В работах довольно разных по своим эстетическим взгля-

дам и жизнетворческим стратегиям художников выявляется многообразие психологических состояний – от патологических психических расстройств до необъяснимого чувства гармонии и единения с Вселенной. Как отмечает Леон Эдель, «модернистские романы – это путешествие (voyages) по сознанию, передающее поток ментального опыта» [цит. по: 3, с. 57] (здесь и далее, если не указано иначе, перевод мой. – Ю.Т.). Проблема неомифологизма, в том числе и в отечественном литературоведении, продолжает обращать на себя внимание всё новыми перспективами, в частности, изучением женской литературы. Цель нашего исследования – проследить, как в романах ряда писательниц британского модернизма (Д. Ричардсон, В. Вулф, С. Таунсенд Уорнер, А. Каван) рождается и в разной степени формируется своеобразное акватическое мифотворчество.

Акватическая символика как метафора сознания уверенно заявляет о себе в текстах писательниц уже на раннем этапе развития модернизма, когда происходило осмысление термина «поток сознания». Как известно, термин пришёл из работ американского психолога У. Джемса: «В сознании нет связей, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафору “река” или “поток”» [13, с. 247]. В литературоведении данная формулировка закрепились благодаря авторитетному литературному критику своего времени и писательнице Мей Синклер (1863–1946). В значимой для истории литературы модернизма статье обозначены черты, определяющие специфику модернистского романа. В обзоре «Романы Дороти Ричардсон» («The Novels of Dorothy Richardson», 1918) для журнала «Эгоист» Синклер пишет о новом качестве реальности, которое были призваны отразить современные романы: «Реальность – насыщена и глубока, слишком насыщена и слишком глубока, но в то же время слишком текуча, чтобы её можно было разрезать каким-то сподручным разделочным ножом» [8, с. 57]. Синклер находит, что и до «Островерхих крыш» она встречала повествование, которое «погружает» (plunge in) в реальность с различной степенью глубины. Но в романах Ричардсон это качество доведено до абсолюта – в них «нет драмы, нет обстоятельств, нет места действия. Ничего не происходит. Жизнь просто всё длится и длится. Поток сознания Мириам Хендерсон длится без конца и края» [8, с. 58]. В рассуждениях М. Синклер выстраивается важный для нашего исследования ассоциативный ряд, каждый компонент которого наделяется таким качеством как «текучесть»: реальность – жизнь – романное повествование – женское сознание.

Писательница Дороти Ричардсон (1873–1957) известна как автор 13-томной серии романов под общим названием «Паломничество» («Pilgrimage»; в пер. Т. Красавченко – «Паломница») о

жизненном пути Мириам Хендерсон, который показан через призму сознания героини. Ричардсон не была вполне удовлетворена определением «поток сознания», характеризующим её прозу. Д. Парсонс пишет, что «по существу, он [термин «поток сознания». – Ю.Т.] стал бесполезно обезличивающим, Ричардсон, например, неоднократно выражала своё недовольство тем, что “её помещали в один ящик” с Джойсом и Вулф как писателей “потока сознания”, в то время как методы репрезентации совершенно различных типов сознания оставались не выявленными для каждого из них» [4, с. 58]. Позднее Ричардсон заявляла, что «выражение “поток сознания” вносит путаницу. Это не поток, это заводь, море, океан» [цит. по: 5, с. 25]. Т. Красавченко указывает, что сознание, по мнению Ричардсон, «не текуче, а стабильно, лишь рамки его со временем расширяются» [16, с. 356]. Современные исследователи творчества Ричардсон ведут дискуссии по поводу поисков более точного термина для её повествовательной техники. И тем не менее, как мы видим, писательница не отказывается совсем от акватического «определения» для своей прозы, в которой она стремилась раскрыть своеобразие женского мироощущения. Несмотря на то, что Ричардсон «получила статус “великой нечитаемой писательницы”» [16, с. 358] в последнее время научный интерес к её романам стал возрастать.

Использовать акватическую образность при описании механизмов сознания Ричардсон начала уже в ранней работе, которая носила исследовательский характер. Книга «Квакеры: прошлое и настоящее» («The Quakers: Past and Present», 1914) [см.: 19] является значимой для понимания творчества и жизненного пути писательницы. Ричардсон использует акватические метафоры погружения и плавания, чтобы описать способы достижения медитативного состояния, ведущего к непосредственному восприятию «присутствия Бога». В романе «Заводь» («Backwater», 1916), второй «главе» «Паломничества», встречаются описания моментов, инициированных своеобразным переживанием «растворенности» сознания в бытии. Мириам работает учительницей в школе для девочек в северном Лондоне. После очередного семестра она приезжает домой на каникулы. В честь этого события Джеральд, жених сестры Мириам Хариетт, организовывает лодочную прогулку. Троица собирается устроить пикник на острове. «Это был первый момент тишины с того времени, как она [Мириам. – Ю.Т.] приехала домой в полдень. От зашторенного ивами острова, куда они причалили, исходили едва уловимые стрекотания и мелькания. Перед ними золотым и голубым сверкала река, окаймлённая высокими раскидистыми деревьями» [6, с. 189]. Смена столь контрастных пространств и связанных с ними состояний происходит стремительно, что позволяет углубить переживание, которое происходит сию минуту: «Шесть ча-

сов назад – обмен рукопожатиями с полной комнатой шумных, собирающихся домой девочек – и сейчас – нечего делать, кроме как мечтательно вплыть в ворота шестинедельных каникул. Школьная пыль всё ещё была на ней: на коже лица чувствовалась напряжённость и усталость, её руки были уставшими и горячими, её блузка потускнела за время носки в школе, а чёрная юбка угнетала её невидимым бременем въевшейся грязи» [6, с. 190]. Водная стихия в данном контексте несёт семантику очищения и обновления, необходимого Мириам для продолжения «паломничества». Стремительные воды реки способны смыть «ментальную» грязь, которую Мириам пронзительно ощущает через телесные, материальные образы. Попадая в гармоничное пространство природы, образы которой тесно связаны с фемининным и поддержкой женского начала, Мириам остаётся наедине с собой и входит в некоторое состояние глубоко личностного контакта с миром – её внутренние ритмысонастраиваются с окружающими. «С наслаждением она [Мириам. – Ю.Т.] свободнее расположилась на подушках. Река, плавно тёкшая и плескавшаяся под лодкой, была словно колыбель. Мягкие прикосновения воздуха ласкали её виски и скользили по контурам лица и шеи. Сорок два дня... как этот. Завтра она проснётся новым человеком... будет петь и смеяться вместе с Хариетт. Она закрыла глаза. Спокойно вздымавшаяся вода, казалось, подошла ближе; подступивший воздух обволакивал её. Она с упоением поддалась его прикосновениям; мышцы её уставшего лица расслабились; и она подумала, что может заснуть; заплакать или заснуть» [6, с. 191]. Воздух и вода окутывают Мириам, словно кокон, – сравнение с колыбелью возникает неслучайно. В исследовании «О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах» В. Н. Топоров приводит идею пренатального сознания как одно из современных разработок теории «океанического чувства» З. Фрейда: «...главные события пренатального периода – первые воспоминания яйца... Яйцу свойственно ощущение покачивания туда-сюда, словно на большом водном пространстве, и одновременно ощущение того, что оно есть часть этой воды» [18, с. 583–584]. В данном эпизоде романа мы имеем дело с возникновением «пренатального» состояния у героини. Речной пейзаж выступает как идиллический топос, передающий семантику блаженства, детства, рая – периода до грехопадения. Переживание состояния гармонии Мириам не связано с исповеданием определенной религии. Данный опыт мистического единения с универсумом возникает спонтанно и характеризует определенное состояние сознания как самостоятельный феномен. Мириам не «плывёт против всех волн» – растворение «я» героини в космическом универсуме происходит легко и естественно. В то же время река играет роль пограничного пространства, в котором

Мириам совершается выход за пределы повседневности и переживает трансформацию. Дж. Йейтс отмечает, что дихотомия грязь/чистота в «Паломничестве» связана с отвержением, а затем осознанием героиней своей фемининности и мизогиническим дискурсом модернизма, оценивавшим женское как грязное [11]. С нашей точки зрения, акватический код фемининности представляется частью концепции мистического женского паломничества, во время которого происходит медитативное постижение героиней своего настоящего, очищенного «я» путём возвращения к «пренатальному» состоянию.

Испанская исследовательница М. Санчез-Визкайно достаточно подробно рассматривает влияние работ мыслителей, занимавшихся проблемами сознания и репрезентации внутренней жизни, на «метафорическое воссоздание деятельности сознания человека» [7] Вирджинией Вулф (1882–1941). Без сомнения, вода – ключевой образ художественного сознания Вулф и её творческой индивидуальности. Во всех романах наиболее известной писательницы модернизма разрабатывается устойчивая акватическая символика, что наглядно представлено на примере названий многих произведений писательницы (романы «По морю прочь», «На маяк», «Волны», пьеса «Freshwater»). До предела насыщен акватическими образами роман «Волны» (1931). Работая над романом, Вулф, уже авторитетный и зрелый автор, ставит цель найти «свой голос», что выражалось в попытке передать ритм волн на уровне стиля, сюжета, повествования, мифопоэтики и т. д. Одна из возможных интерпретаций представляет волны метафорой человеческой жизни, точнее, живого восприимчивого сознания, а море – загадочным пространством вечности, одухотворяющим окружающий пейзаж, из глубин которого рождаются причудливые образы, заключающие в себе пронзительную правду о человеческом бытии. Волны составляют невидимую ткань бытия (здесь для Вулф характерен синтез научного и мистического), и сознание человека – полноценная его часть. Герои, каждый в рамках своего «акватического» мировосприятия, проникнуты желанием отыскать связь с океанической Мировой душой и обрести смысл, несмотря на трагизм человеческого существования, невозможность любить, преодолеть иррациональный страх, смерть, утрату прежних ценностей. Никто из них не получает окончательного или удовлетворительного ответа на свои вопросы – на протяжении всей недолгой жизни героям романа слышится лишь далёкий шум волн. «Волны разбились о берег» [12, с. 628] – так заканчивается жизнь сознания и сам роман.

Море было предметом интеллектуального и духовного созерцания для писательницы на протяжении всей жизни. «Ни один писатель модернизма, возможно, за исключением Джозефа Конрада и

Джеймса Джойса, не был так глубоко вдохновлён морем и не провёл так много своей творческой жизни вблизи или в самих глубинах его образности, и в работах ни одного другого автора модернистской эпохи море не наделено столь богатым символическим смыслом, как в творчестве Вулф» [1, с. 101]. В автобиографическом эссе «Зарисовка прошлого» (1939), своеобразном автокомментарии к роману «Волны», с одной стороны, и некотором итоговом осмыслении прожитой жизни, с другой, Вулф рассказывает о детском воспоминании, на котором, как чаша на основании, покоится вся её жизнь: «Невообразимый, чистейший восторг: лежать, слушать волну, видеть свет, знать про себя, что это почти невероятно – быть здесь» [13, с. 390]. Это фундаментальное для её жизни чувство, ставшее доминантой художественного мироощущения, выраженного формулой «момент бытия», она испытала во время каникул в английском прибрежном городке Сент-Айвз. У других писательниц модернизма также встречаются подобные воспоминания о море, ассоциирующиеся с детством. Например, Мэри Баттс в своих мемуарах «Хрустальная шкатулка: моё детство в Солтенс» («The Crystal Cabinet: My Childhood at Salterns», 1937) наделяет морские ландшафты сакральным статусом, поскольку там происходят божественные мистерии: «В Солтенс, на заре моей жизни, Мощь и Красота шествовали, обнажённые, по восточному Дорсету бок о бок. Ложились спать вместе подобно богам на острове Парбек, выходили из залитого рассветом моря» [2, с. 10–11]. Детское воспоминание Мириам о море встречается в романе Ричардсон «Заводь». И тем не менее реализация акватического мифотворчества в произведениях Вулф связана не только с морем. Акватическая образность у Вулф будет наиболее полной и многоаспектной по сравнению с работами других представительниц модернизма. Обратимся к произведениям романисток Сильвии Таунсенд Уорнер и Анны Каван, чтобы выявить специфические вариации и сходные стратегии акватического мифотворчества в связи с новым этапом развития женского художественного и духовного самосознания.

Первый роман С. Таунсенд Уорнер (1893–1978) «Лолли Виллоуз» («Lolly Willowes», 1926) имел коммерческий успех, стал бестселлером и самой известной её работой. Главная героиня романа, «тётушка Лолли», в 47 лет осознаёт, что жизнь «очень полезной» старой девы в доме её брата – это сон, от которого она внезапно очнулась. Она покупает путеводитель и смело отправляется жить в сельскую местность поближе к лесам и полям, где она могла бы свободно гулять в одиночестве. Городское и сельское пространства противопоставляются: Лондон, где даже вода для Лолли оказывается слишком жёсткой, предстаёт средоточием мёртвых стереотипов, ограничивающих Лолли в её саморазвитии, а деревня, наоборот,

даёт долгожданную свободу выбора и самостоятельность. В духовной трансформации героини присутствует и фантастический элемент: освободившись из плена благочестивой семьи брата, она становится ведьмой «в Англии, в 1922 году» [9]. Визит племянника Титуса, охваченного идеей переезда к тётушке, нарушает спокойствие Лолли. Наблюдения за юношей приводят к неутешительным выводам: «Он любил эту местность, как если бы это было тело» [9]. «Это была ненапряженная, это была доступная, рациональная оценивающая страсть, властная любовь мужчины» [9]. Однако она понимает, что увлечение Титуса временное; и действительно, через некоторое время племянник возвращается в Лондон.

Рассуждения Лауры во многом превосходят представления экофеминизма о связи между дискриминацией женщин и набирающим обороты экологическим кризисом, т.е. насилием над природой, как результатом деятельности рационалистически ориентированного патриархального общества. Таким образом, в романе выявляется два кода восприятия природного начала: мужской, обозначенный выше, и женский. Женское отношение к природе характеризуется пониманием её вдохновляющей сущности, психофизиологическим ощущением слияния с этим загадочным, мистическим миром, обретением чувства покоя, что и происходит с Лаурой в финале романа. Сознание «обновлённой» Лауры сравнивается с водоёмом, отражающим окружающий живописный природный мир: «Слово бухнулось в её сознание, как камешек, брошенный в пруд. Она слышала это так часто, и сейчас она услышала это снова. Те же самые волны мысли кружили вовне, волны ужасной мысли, распространяясь во все стороны, сотрясая тени знакомых вещей, размывая неизменную картину с деревьями и облаками, вращаясь наружу одна за другой, каждая волна всё ленивее, всё незаметнее, чем предыдущая, пока пруд снова не стал спокойным» [9]. Акватическая метафора раскрывает самый важный аспект нового состояния Лауры – её живой восприимчивый ум. Соотнося женское и природное, Таунсенд Уорнер выходит за рамки общепринятой точки зрения, закрепляющей за природой и женщиной только лишь репродуктивную функцию. Писательница убедительно доказывает, что на пороге пятидесятилетнего возраста женщина не увядает, не обесценивается для мира, если понимать под ним не только социум: на лоне природы в Лауре пробуждается чувственность, её собственное тело будто растворяется, одновременно вбирая в себя местный ландшафт и становясь его частью.

Писательница Анна Каван (1901–1968) «была аутсайдером по выбору (неустанной путешественницей по всему миру), по рождению (никогда не чувствуя себя как дома на официальной родине) и по медицинской классификации (в течение тридцати лет состояла на учёте из-за героиновой зависимости и регулярно содержалась

в психиатрических клиниках)» [10, с. 60]. В отличие от всех предыдущих писательниц, чувствовавших внутреннее родство с природой и морской стихией, неотъемлемой составляющей национального ландшафта, и выразивших это восприятие в виде целительных и возрождающих фемининность вод, для Анны Каван Великобритания ассоциировалась с холодом и отчужденностью. В её последнем романе «Лёд» (1967) весь мир находится на грани неизбежной экологической катастрофы – опыты учёных инспирируют новый ледниковый период, планету накрывает ледяная стена. Возникает параллель между насилием над природой и насилием над женщиной. На протяжении романа безымянный протагонист преследует девушку, которую он, возможно, любит. Его мучают садистские фантазии, где она погибает мучительной смертью, будучи поглощённой ледяной стеной. У Каван появляются образы зловещей воды некой северной страны, где главенствует жестокий правитель. Местные жители верят, что в водах фьордов живут драконы. И однажды протагонист будто попадает в иное временное измерение: та же страна, но в её водах пробуждается зло, возникают картины древних жертвоприношений, где жертва – та самая девушка. «Брызнули огромные струи, бешено забились волны, разлетаясь каскадами брызг. Не обратив внимания на окативший меня ледяной душ, я склонился над краем платформы и увидел всплывающие в бурлящей воде чешуйчатые кольца, в которых судорожно билось что-то белое, пока не лязгнули покрытые бронёй челюсти» [15, с. 44]. Герой не спасает девушку, он занимает пассивную позицию, созерцая её изувеченное тело, судя по подробным описаниям нанесенных девушке травм. В контексте романа превратившаяся в лёд вода означает человеческую душу, совершенно потерявшую чувствительность, способность к любви и состраданию. Данная ситуация отсылает одновременно к мифу о всемирном потопе и замёрзшему дну дантовского ада, где находятся предатели. Перед нами ад для уже наказанного за жестокость и предательство всех своих ценностей, но ещё не осознающего это человечества.

Таким образом, в женском мифотворчестве британского модернизма водная стихия становится ценностным концептом художественного сознания, плодотворным языком репрезентации женской субъективности. Анализ акватической образности и её мифопоэтической рефлексии в женских текстах модернизма выводит на основополагающие бытийные проблемы: писательницы задаются вопросами об онтологической сущности сознания, размышляют о сакральной природе национальных ландшафтов и метаморфозах женского сознания. Во всех рассмотренных текстах обнаруживается некая общая тенденция – «путь воды», за которым стоит поиск

невидимой, трудноуловимой, но вместе с тем нерасторжимой связи между микрокосмосом человека и макрокосмосом Вселенной. Ревизионистский взгляд писательниц на известные женские архетипы показывает, что новые времена, пробудившие в женщинах стремление к самопознанию и давшие возможность выбора альтернативных жизненных ролей, требовали конструирования и новой мифологии, сочетавшей в себе желание найти истоки фемининности вне патриархальной парадигмы и переосмыслить известные мифологические образы и сюжеты с женской точки зрения.

Список литературы

1. Bradshaw D. «The Purest Ecstasy»: Virginia Woolf and the Sea // *Modernism on Sea: Art and Culture at the British Seaside* / ed. by Feigel L., Harris A. – L.: Peter Lang Ltd, 2009. – P. 101–115.
2. Butts M. *The Crystal Cabinet: My Childhood in Salterns*. – L.: Carcanet Press, 1988. – 296 p.
3. Díaz M. Pointed Roofs: Initiating Pilgrimage as Quest Narrative // *Pilgrimages: A Journal of Dorothy Richardson Studies*. – 2010. – № 3. – URL: http://dorothyrichardson.org/PJDRS/Issue3/Contents_assets/Llantada.pdf (дата обращения: 9.12.14).
4. Parsons D. *Theorists of the Modernist Novel: James Joyce, Dorothy Richardson, Virginia Woolf*. – L. and NY: Routledge, 2007. – 162 p.
5. Rado L. *Rereading Modernism: New Directions in Feminist Criticism*. – L. and NY: Routledge, 2012. – 390 p.
6. Richardson D. *Backwater*. – NY: A. Knopf, 1919. – 293 p.
7. Sánchez-Vizcaíno M. The Waters of the Mind: Rhetorical Patterns of Fluidity in Woolf, William James, Bergson and Freud // *PSYART: A Hyperlink Journal for the Psychological Study of the Arts*. – 15.12.2009. – URL: http://www.psyartjournal.com/article/show/jess_lpez_snchez_vizcano-the_waters_of_the_mind_rhetorical_patter (дата обращения: 9.12.14).
8. Sinclair M. *The Novels of Dorothy Richardson* // *Egoist*. – 1918. – № 4. – P. 57–59.
9. Townsend Warner S. *Lolly Willows: Kindle Edition*. – NY: NYRB, 1999.
10. Wasson S. *Urban Gothic of the Second World War: Dark London*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – 209 p.
11. Yates J. *Feminine Fluidity: Mind versus Body in Pilgrimage* // *Pilgrimages: A Journal of Dorothy Richardson Studies*. – 2009. – № 2. – URL: http://dorothyrichardson.org/PJDRS/Issue2/Contents_assets/Yates2.pdf (дата обращения: 9.12.14).
12. Вулф В. Зарисовка прошлого / пер. Рейнгольд Н. И. // Вулф В. *День и ночь*. – М.: НИЦ «Ладомир»; «Наука», 2014. – С. 389–412.
13. Вулф В. Волны / пер. Суриц Е. // Вулф В. *Миссис Дэллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе*. М.: НФ «Пушкинская библиотека»: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 469–628.
14. Джемс У. Поток сознания (отрывок) // Швацкий А. Ю. *История психологии: учебное пособие*. – М.: Флинта, 2013. – С. 243–249.

15. Каван А. Лёд / пер. Симановского Д. // Иностранная литература. – 2010. – № 6. – С. 3–118.
16. Красавченко Т. Ричардсон Дороти // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А.П. Саруханян. ИМЛИ РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 355–358.
17. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Академический Проект; Мир, 2012. – 331 с.
18. Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 575–622.
19. Трубникова Ю. Ю. Истоки «Паломничества» Д. Ричардсон: «Квакеры: прошлое и настоящее» // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – № 2. – С. 188–191.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 372.881.111.1

Ю. В. Батурина
Yu. V. Baturina

Анализ лингвистического компонента аргументативного процесса, реализуемого в ходе обучения студентов-психологов английскому языку

The Linguistic Analysis of Argumentative processes in the foreign language studying of students-psychologists

В данной статье рассматривается аргументативный процесс на английском языке в составе обучения аргументативным стратегиям студентов-психологов с целью повышения профессиональной компетенции. В процессе овладения аргументативными стратегиями производится анализ лингвистического компонента аргументативного процесса, включающий изложение фактологической информации и эмоционально-заряженных высказываний.

The article considers the opportunities of the argumentative speech development in the context of professional competence improvement among students of Psychology. Using the argumentative speech, psychologists to be analyze the linguistic components of argumentative process, synthesise and exchange both factual and emotional information they get.

Ключевые слова: аргументативные стратегии, профессиональная компетенция, номинализация, эмоциональность, экспрессивность, оценочность, фактическая информация, эмоционально-окрашенные выражения.

Key words: argumentative strategies, professional competence, nominalization, emotionality, expressivity, evaluation, factual information, emotional statements.

В настоящее время российская образовательная система осуществляет интеграцию в европейское и мировое образовательное пространство. В этой связи возрастают требования к уровню профессиональной подготовки будущих специалистов, в частности специалистов-психологов, необходимой для достижения профессиональной компетенции. По мнению Ю.А. Комаровой: «Качество образования зависит от значительного количества взаимодействующих факторов и включает в себя множество компонентов. При этом основным аспектом качества образования выступает адекватность результата образования существующим потребностям...» [3, с. 38].

Поскольку коммуникативная деятельность является приоритетной для специалистов-психологов, особое внимание в процессе профессиональной подготовки уделяется формированию коммуникативных умений и коммуникативных стратегий. Формирование коммуникативных умений и коммуникативных стратегий осуществляется в ходе учебного процесса на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета посредством изучения специальных и общеобразовательных дисциплин, в том числе – иностранного языка. Обучение иностранному (английскому) языку предполагает участие студентов-психологов в коммуникативном процессе с применением риторических приемов построения высказываний, направленных на убеждение.

Известно, что коммуникативный процесс с целью убеждения включает аргументацию со стороны участников речевого взаимодействия и использование ими определенных аргументативных стратегий. В данной статье рассматривается лингвистический компонент анализа аргументативного процесса на английском языке в составе обучения аргументативным стратегиям студентов-психологов.

К лингвистическому компоненту мы отнесли языковые и речевые средства, используемые в процессе аргументации, помогающие вербально оформить связанные высказывания с целью убеждения коммуниканта и изменения его картины мира. Принято полагать, что в ходе аргументации коммуникантами выполняется семантическая классификация процессуальных, предметных, признаковых (в том числе и реляционно-признаковых) категорий (значений) [5, с. 101]. Рассмотрим языковое явление, а именно номинализацию (называние явления, предмета) в оппозиции к протеканию действия в аргументативном процессе с точки зрения средств выражения.

Е.С. Кубрякова – исследователь в области языкознания – считает, что: «в результате процесса категоризации или классификации обозначаемого, частью его значения должно стать значение одной из имеющихся в языке ономаσιологических категорий, т.е. либо значение предметности или опредмеченности (при отнесении обозначаемого к классу существительных и любому из семантических разрядов этой части речи), либо значение процессуальное (при отнесении обозначаемого к классу глаголов, или любому разряду этого класса), либо, наконец, значение признаковости (при отнесении обозначаемого к классу прилагательных или наречий и их подклассам)» [5, с. 102].

По мнению И. Г. Кошевой: «По общесмысловой направленности языку свойственен процесс номинализации, который лежит в основе выражения всех его ограничительных потенций. Номинализация проявляется в самом синтаксическом бытии предложения, при кото-

ром основное значение передается утвердительным или отрицательным элементом, наиболее полно сконцентрированным в словах утверждения и отрицания. Если вопрос (Are you here?), суждение (He is a teacher), пожелание (Long live our country!), приказ (Do it immediately!) строятся на включении глагольного элемента, то сконцентрированное бытие каждого из них основывается на:

1) на слове утверждения (типа: "yes"),

2) на слове отрицания (типа "no"), которое всегда вторично: оно следует за утверждением объекта, так как вначале человек должен утвердить нечто в своем сознании и лишь затем имея представления о нем можем отрицать то, что не соответствует утвердившемуся понятию,

3) на одном из неполнозначных выразителей утвердительно-отрицательных значений, качественная сущность которых соответствует недостаточности количественной информации, необходимой для формирования конечного утверждения (для сравнения: hardly, maybe, probably, perhaps и т.д.).

Каждый из этих неполноценно информативных элементов качественно принадлежит к той же области утвердительно-отрицательных значений, которые создают синтаксическое бытие предложения.

Логически конечные инстанции данного бытия являются категорическими, так как они включают в себя полнозначную информативность, в которой не допускаются колебания качества: оно равно либо «+1» (yes), либо «-1» (no).

Медиальная инстанция с одним из неполноценно информативных слов является параллельной, ибо она параллельна одной из категорических. Но при любых условиях весь ряд, составляющий синтаксическое бытие, является номинализированным, то есть в нем обязательна не процессная линия, а, напротив, момент статичности как относительная устойчивость отрицания или утверждения в понимании действительности со стороны говорящего» [4, с. 102].

Следующим важным компонентом лингвистического анализа аргументативного процесса является процессуальность действия, свойственная глаголу. Согласно классификации Ш. Балли, глаголы делятся на три класса и определяются словами-идентификаторами: ETRE «быть», FAIR «делать» и AVOIR «иметь» [2, с. 283].

Продолжая классификацию, другой исследователь отмечает, что: «Среди глаголов, объединенных в целом своей способностью изменяться во времени и мыслиться во времени и в динамике, в протекании, т.е. процессуально, разными лингвистами выделяются разные семантические классы глаголов. Мы, однако, считаем универсальным параметром глаголов то, что они обозначают процессы.

В свою очередь процессы делятся на действия, процессы бытия и становления, состояния и отношения» [5, с. 120].

Важно отметить наличие соотношения между существительными и глаголами. Согласно классификации А.Г. Хэтчер (1960), существует семь основных разрядов существительных: лица, животные, конкретные предметы, места, времена, деятельности и все остальное. Подобное распределение встречается в работах И.В. Арнольд (1959). Е.С. Кубрякова выделяет субстанции, абстрактные значения, события и значение места и времени: «Классы «вещных» предметов и лиц объединяются по возможности поставить им в соответствие глагол «находиться», и они противопоставляются по этому признаку абстрактным именам и именам событий. Последним можно поставить в соответствие глаголы «происходить, случаться и иметь место»... класс слов, обозначающих единицы времени и времена, могут быть выделены по отдельности из-за способности ассоциироваться с глаголом (предикатом) «длиться» и т.д.» [5, с. 128].

В свою очередь, И.Г. Кошечкина отмечает, что: «Динамика, свойственная глаголу, передает процесс течения мысли, в котором психологически воспринимается и логически оценивается объект. Но его понимание, как начальная или конечная ступень познания, связано с некоторой устойчиво-стабильной оценкой, от которой как бы начинается последовательное развитие мысли. Данная последовательность может быть представлена следующей схемой:

Стабильность (утверждение) – Р1(процесс) – стабильность (утверждение или отрицание) – Р2 (процесс) – стабильность (утверждение или отрицание) – Р3 (процесс) и т. д.

Итак, исходное понимание объекта формирует статичность как ту структуру именительности, которая, как правило, всегда утвердительно» [4, с. 102].

Вслед за вышеупомянутыми исследователями, в составе аргументативного процесса нами выделяются, наряду с другими явлениями, находящимися вне рассмотрения в рамках данной статьи, такие языковые явления, как номинализация (с преобладанием определенных положительно-информативных знаний об объекте) и соответствующее номинализации использование глагольных конструкций (для определения действия в процессе).

Следующим явлением в составе аргументативного процесса является использование свободных стилистически окрашенных словосочетаний. Наряду с нейтральным изложением фактологической информации, в аргументативном процессе присутствует эмоционально-заряженные высказывания, обусловленные отношением коммуникантов к предмету и процессу аргументации.

А.Л. Назаренко, исследователь в области лингводидактики указывает, что «...для функционального стиля художественной литера-

туры, особенности которого определяются его основной функцией – функцией воздействия – характерно наличие абсолютно свободных стилистически окрашенных словосочетаний, насыщенных эмоционально-оценочно-экспрессивными коннотациями» [6, с. 22]. Автор выделяет такие явления, как экспрессивность, эмоциональность и оценочность речи. По мнению А.Л. Назаренко, экспрессивность выражается:

- словосочетаниями с оценочными прилагательными, например:
The beautiful geometric reasoning was abandoned...
He made his first attempt at his celebrated experiment.
- употреблением прилагательного в сравнительной и превосходной степени: «очень часто, когда речь идет об общепризнанных и высоко оцениваемых явлениях, автор стремится еще более усилить ингерентную положительную оценку, заложенную в семантике прилагательного, употребляя его в превосходной степени» [6, с. 57]. Например:
A neater and more compact presentation of material...
A still more ambitious plan...
- тенденцией к преувеличенной оценке, например:
This would be undoubtedly unbearably tedious...
- усилением обладающих большой потенциальной оценочностью прилагательных, употребленных в сочетании с «интенсификаторами» “very”, “too”, например:
The Grab Nebula...is a very remarkable object.

Экспрессивность достигается так же с помощью выразительно-образительных средств: метафоры, сравнения, образовании окказиональных сочетаний по аналогии (образование слов по аналогии), игры со словами: деформации идиом, полифонии.

Следующим значимым явлением представляется выражение оценки. В данной статье в определении оценки нами разделяется мнение М.Я. Цвеллинга, который полагает, что: «Под оценкой в данном случае понимается не столько объективное наличие неких положительных свойств, сколько субъективная значимость обозначаемого для участников коммуникации, причем субъективность в принципе выступает здесь не как факт индивидуальной психики, а как социально санкционированное отношение, закрепленное в общественном сознании» [7, с. 95].

Определение оценки конкретизируется другим исследователем: «Субъективная авторская оценка выражается, в первую очередь, атрибутивными словосочетаниями, поскольку именно с помощью этих «описывающих» словосочетаний можно выразить авторское отношение к предмету или явлению и создать соответствующее отношение к нему адресата, то есть оказать воздействие. В основном это – словосочетания с оценочными прилагательными, в семантике

которых заключены ингерентные коннотации мелиоративного характера» [6, с. 60].

Субъективная авторская оценка выражается:

- атрибутивными комплексами, поскольку они придают повествованию особую экспрессивность, например:

Despite this awesome symbolism...

It has happened before that unwelcome paradoxes...

- личным отношением автора к описываемому предмету, например:

It is a sad business that mathematics...

This is a sobering thought...

- использованием иностилевой (сниженной) лексики для подчеркивания, в частности, негативного отношения автора к предмету, явлению или событию.

Во всех приведенных примерах выражение авторской субъективной оценки происходит в эксплицитной форме, чем качественно отличается от выражения оценки как в художественной, так и в научной литературе. Оценка также может проявляться:

- в менее завуалированной форме;
- в эмоционально-нейтральной форме, исключающей категоричность утверждения» [6, с. 60].

В ходе аргументативного процесса у его участников появляются положительно и отрицательно-заряженные эмоции, которые требуют речевого выражения. С этой целью участниками аргументативного процесса употребляются выражения эмоциональности. Исследователи в области лингвистики признают широкое использование эмоций в коммуникативном процессе, поскольку эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения (Мягкова 1990, Филимонова 2001, Goleman 1997, Шаховской 2007, 2012). Присутствие в речи эмоций объясняется общим, глобальным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои эмоции в обществе. Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные (Городникова 1985, Филимонова 2001 и др.).

По мнению В.И. Шаховского: «Поскольку эмотивные средства речи выражают определенные психические состояния говорящего, обуславливающие его эмоциональное отношение к предмету, объекту, адресату речи и ситуации общения (что составляет содержание эмотивной функции языковых единиц), у эмоциональности имеется и психолингвистический аспект» [8, с. 11].

Автор указывает, что эмоции редко проявляются, выражаются в единственном варианте, а чаще реализуются группой: группа гнева, группа радости, группа печали, группа страха. Специфичность эмоций является их амбивалентность: любовь и ненависть; скорбь и

ликование могут овладевать человеком одновременно. Выражение эмоций посредством речи является фактором того, что:

- эмоции делаются осязаемыми для коммуникантов, благодаря слову;
- слово может не только выражать эмоцию, но и само быть эмоциональным фактором, то есть вызывать эмоцию;
- эмоция может быть предметом оценки, и, следовательно, описана словами.

В.И. Шаховской отмечает, что: «в лингвистической литературе нет однозначного ответа на вопрос о том, как эмоциональная жизнь человека преломляется в языке и его семантике, почему в речи практически любое слово может стать эмотивным, а так же, как объяснить, что нейтральные слова (т.е. незмотивные в словарной презентации), сочетаясь друг с другом, могут образовывать эмотивные сочетания и сверхфразовые единства» [8, с. 15].

Другой исследователь разделяет лексический фонд английского языка на эмоционально-маркированный и эмоционально-немаркируемый (Кубрякова, 1981). К речевому выражению эмоциональности, по нашему мнению, следует отнести выбор коммуникантом речевых и языковых средств в процессе аргументации, в том числе стилистически соответствующей лексики, грамматических конструкций, наличие (отсутствие) в речи эмотивов (аффективов и коннотативов), экспрессивов. Наряду с вышеперечисленным, о наличии эмоциональных переживаний коммуникантов свидетельствуют выбираемый ими темп речи, наличие (отсутствие) пауз, регистр и временная характеристика звучания речи оппонентов в аргументативном процессе.

Важно отметить, что с целью усиления воздействия на оппонента в процессе аргументации коммуникантами используются определенные приемы. Нам кажется релевантным отнести высказывание исследователя в области лингводидактики об оптимизации понимания научных текстов к приемам воздействия на аргументата в процессе аргументативной речи: «Творческий субъективный момент привносится в повествование для целенаправленного воздействия на аудиторию; с его помощью автор решает задачу оптимизации понимания и, соответственно, популяризации научных знаний. Адресант строит свою «стратегию и тактику» относительно языковых средств, соотносясь со степенью «осведомленности» в данной области адресата. На каждом уровне подготовленности читателя, автор старается найти общую основу для коммуникации» [6, с. 42].

А.Л. Назаренко указывает на приемы интимитизации в контексте научного и научно-популярного текста и относит к ним:

- использование местоимения “ouг” в обычной речи в сочетании с такими словами, которые обозначают предметы или явления,

общие для всех людей или какой-то определенной группы лиц, связанных общностью каких-то реалий, например: The story will take us to other countries and will tell us about their numbers and numerals.

- использование “our” производного от “we” – вовлечение слушателя в процесс коммуникации, например: It tells where our modern system of numbers came from...
- “You” – отношение, когда автор «подает» информацию как бы с точки зрения адресата; например: If you have any spare years to waste you can make up such a system...
- использование «иностилевой» лексики: разговорной или стилистически «сниженной», например: This assertion seems to be at first downright nonsense.

«Использование устойчивых разговорных конструкций в одном контексте с лексикой официального “научного” стиля придает повествованию неофициальный эмоциональный характер, интимизирует повествование» [6, с. 51].

Наряду с вышеперечисленными, рассмотрим другие приемы воздействия на аргументата в процессе аргументативной речи. К приемам воздействия на аргументата в процессе аргументативной речи относится использование эмоционально-оценочно-экспрессивных средств. По мнению А.Л. Назаренко: «Для достижения оптимальной передачи интеллективного сообщения, автор стремится к воздействию на аудиторию. Оказание воздействия достигается также путем особой выразительности, экспрессивности повествования. В масштабе текста, и далее – всего регистра, экспрессивность реализуется за счет функционирования элементов субъективной оценки, выразительно-изобразительных средств, всевозможных образований «по аналогии» и различных видов «игры со словами» [6, с. 51].

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в составе аргументативного процесса определяются такие языковые явления, как номинализация и использование глагольных конструкций, изложение фактологической информации и эмоционально-заряженных высказываний, обусловленных отношением коммуникантов к предмету и процессу аргументации и выражающих экспрессивность, эмоциональность и оценочность речи.

В заключение отметим, что в данной статье предпринята попытка структурирования аргументативного процесса с точки зрения выделения и анализа лингвистического компонента в его составе, для последующего обучения студентов-психологов аргументативным стратегиям на английском языке.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М., 1959. – 305 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 283 с.
3. Комарова Ю.А. Дидактическая система формирования научно-исследовательской компетентности средствами иностранного языка в условиях последипломного образования // дис. ... док. пед. наук. – СПб., 2008. – 481 с.
4. Кошечкина И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка. – М., 2012. – 102 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений – М.: Наука, 1981. – 200 с.
6. Назаренко А.Л. Проблемы оптимизации понимания и преподавания языка для специальных целей. – М.: Наука, 2000. – 128 с.
7. Цвиллинг М.Я. Лексико-фразеологические особенности общественно-политического текста//Функциональные стили и преподавание иностранных языков. С. 95 Функциональный стиль научной прозы. Проблемы лингвистики и методики преподавания: сб. ст. / под ред. М.Я. Цвиллинга. – М.: Наука, 1980. – 286 с.
8. Шаховской В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Либроком, 2012. – 208 с.

**Типология заданий в группе в соответствии
с доминирующей репрезентативной системой студентов****Task types according to preferred representation
system of students**

При обучении разнородной группы, представленной студентами различных психологических типов, преподавателю необходима классификация, которая позволит отразить направленность задания на определенный психологический тип личности студента, который в данной статье определяется его репрезентативной системой. Отнесение студентов к тому или иному психологическому типу, определяется тестом смещения репрезентативной системы. На основе данной классификации предлагаются различные речевые и языковые задания, помогающие оптимизировать учебный процесс.

When teaching a diverse group represented by students of different psychological types, a teacher needs to use a classification, which could reflect the orientation of the task for a certain psychological type of a student, which is defined by a representational system. The psychological type is determined after making a test that shows the preferred representative system of a student. According to this classification we offer special language tasks in order to optimize the learning process.

Ключевые слова: репрезентативная система, типология заданий, нейролингвистическое программирование, методика преподавания, репрезентативная система, навык, обучение.

Key words: preferred representative system, types of tasks, neuro-linguistic programming, teaching methods, representation system, teaching skills.

При обучении разнородной группы, представленной студентами различных психологических типов, преподавателю приходится решать непростые задачи, основной из которых является разработка заданий для учащихся в соответствии с их психологическими особенностями. В данной статье приведена классификация заданий, основанная на результатах психологического тестирования и проведенного эксперимента.

В методике преподавания иностранных языков существуют различные типологии заданий в зависимости от цели, например, для обучения различным видам речевой деятельности, для формирования различных навыков, в зависимости от вида работы (индивидуальная, парная, групповая), для развития диалогической речи и т. д.

Однако, для целей данного исследования необходима классификация, которая позволит отразить направленность задания на определенный психологический тип личности студента, который в данной статье определяется его репрезентативной системой.

В рамках нейро-лингвистического программирования под понятием *репрезентативные системы* подразумеваются индивидуальные модели восприятия и принятия того, что передают человеку его органы чувств. Человек познает мир пятью различными способами через:

Зрение (Visual way)

Слух (Audial way)

Ощущения (Kinesthetic way)

Вкус (Gustatory way)

Запах (Olfactory)

Итого получается 4 репрезентативных системы (VAKOG): визуальная, аудиальная, кинестетическая и дискретная, а люди условно делятся соответственно на визуалов, аудиалов, кинестетов и дискретов. [3, с. 8-10].

В начале жизнь аудиалов, визуалов и кинестетов складывается примерно одинаково. Мы нарочно не включаем в эту группу дискретов, т.к. дискретами не рождаются, а становятся в результате определенной психологической травмы, во время которой происходит отрезание одного из каналов, а то и всех сразу. Эти дети в буквальном смысле увидели, услышали или ощутили то, что их нервная система оказалась не в силах «разжевать», «проглотить», «переварить». Вследствие этого их собственный мозг «обезопасил» им жизнь, превратив образы, звуки, и ощущения окружающего мира в спокойные, отстраненные и отчужденные схемы [3, с. 10–12].

Равенство четырех представителей кончается в школе, ибо большинство предметов носит визуально-дискретный характер. Визуалы и дискреты значительно лучше справляются с подобными заданиями, нежели аудиалы и тем более кинестеты. В профессиональном плане дискреты незаменимы в абстрактно-теоретических дисциплинах, из аудиалов получаются отличные ораторы и музыканты, визуалы становятся прекрасными художниками, в то время как кинестеты преуспевают во всех сферах, где необходимо что-то сделать руками (скульпторы, механики, ремесленники), попробовать (дегустаторы) или понюхать (специалисты по запахам). Все три первичные репрезентативные системы используются постоянно, хотя и не осознаются в равной степени. Обычно индивиды отдают предпочтение одним по сравнению с другими. Репрезентативные системы не являются взаимоисключающими, не существует так называемых «чистых видов» – все репрезентативные системы используются человеком

постоянно, хотя в зависимости от рода деятельности, внимание доминирует в одном из каналов. Человек имеет тенденцию использовать традиционно один внутренний канал восприятия, и этот канал называется в НЛП его *предпочитаемой или первичной репрезентативной системой*.

Существует ряд причин выбора данной классификации. В связи с большим потоком студентов и непропорционально малым количеством учебных часов, отведенных на изучение иностранного языка, стало необходимо найти надежное решения для оптимизации учебного процесса. Наиболее действенный подход к обучению студента стоит в основе изучения его психологической личности, что, разумеется, доступно при индивидуальных занятиях, но может стать преградой при занятиях групповых. Появилась необходимость использования преимуществ индивидуальных занятий и их применения во время групповых занятий. Ввиду отсутствия достаточного времени для изучения психологической личности каждого ученика по отдельности, мы пришли к выводу, что следует разработать тест, позволяющий выявить характеристики психологической личности учащегося, в особенности, предпочитаемые им каналы восприятия информации. Для этого как нельзя лучше подходит тестирование.

Отнесение студентов к тому или иному психологическому типу, определяется тестом смещения репрезентативной системы, разработанным нами на основе тестов, представленных Д. Гриндером и Р. Бендлером [2, с. 115–120], [1, с. 80–84]. Ученые занимались изучением предикативных конструкций, используемых индивидом, тем самым выявляя информацию о предпочитаемой им репрезентативной системе. При прослушивании разговора человека иногда паттерн становится вполне очевидным, а именно, паттерн предпочтения предикатов. Эти описательные слова и фразы, в основном, глаголы, наречия и прилагательные, часто предполагают одну из репрезентативных систем. Вот примеры, приведенные Д. Гриндером и Р. Бендлером [там же]: «Если ведущей репрезентативной системой этого человека является визуальная система, задайте следующие вопросы: Вызываете ли вы в своем воображении картины, зрительные образы? Можете ли вы увидеть то, о чем я говорю? Если у такого человека ведущая репрезентативная система кинестетическая, задайте ему следующие вопросы: Ощущаете ли вы то, что я говорю? К человеку с ведущей аудиальной репрезентативной системой можно обратиться с вопросами: Слышите ли вы у себя в голове голоса? Слышите ли вы то, что я говорю вам, в голове?» [там же].

Д. Гриндерс и Р. Бендлер также предлагают использовать невербальные признаки (жесты, голос, движение глаз, положение тела

в пространстве) для определения предпочитаемой репрезентативной системы. Конкретного тестирования Д. Гриндерс и Р. Бендлер не предлагают, их наработки включают различного рода упражнения на «прикрепление» к метамоделю собеседника, при помощи использования предпочитаемых им предикатов, а также выявления предпочитаемой репрезентативной системы при помощи задавания наводящих вопросов и отслеживания невербальных признаков поведения индивида.

Вопросами адаптации языковых заданий в соответствии с психологическими типами учащихся занимались И. Ю. Павловская и Я.А. Тункун. И.Ю. Павловская создает тестирование, базируясь на теории предикатов и поведенческих особенностях каждого психологического типа [4]. Я.А. Тункун в своей диссертации связывает предпочитаемую репрезентативную систему и теорию доминирования полушарий. В ее диссертации представлен и тест, базирующийся на трудах Д. Гриндерса и Р. Бендлера [5].

В нашей работе тестирование также основывается на теории предикатов и невербальных особенностей поведения индивида. В ходе эксперимента студенты (8 человек) выполняли тест, на определение доминирующей группы предикатов, с подобными заданиями:

Когда вы рассержены, какую из этих фраз, скорее всего можно услышать от вас

- А) Не трогайте меня!
- Б) Уйдите с глаз долой! Глаза б мои вас не видели!
- В) И слышать ничего не хочу!
- Г) Ты просто не умеешь мыслить логично, дай мне подумать.

После заданий на множественный выбор, идут задания более свободной формы.

Что вы скажете другу, потерявшему надежду и силы идти дальше

(2–3) предложения

Вспомните свое первое детское воспоминание, что это было (звук, разговор, картина). Опишите 4–5 предложений.

Для более точного определения доминирующей репрезентативной системы во время эксперимента использовалось видеонаблюдение. Затем результаты видео сопоставлялись с результатами письменного тестирования, после чего составлялся психологический портрет каждого студента. После проведения тестирования выяснилось, что у большинства студентов доминирующей будет являться визуальная, кинестетическая и только затем аудиальная репрезентативная системы.

После проведения тестирования студенты экспериментальной группы прошли полугодовое обучение иностранному языку. В ходе обучения нами были выявлены некоторые особенности восприятия

информации студентами с различным доминирующими репрезентативными системами. В данной статье мы разделим обучение студентов на обучение грамматическому и лексическому навыку, а также обучение говорению, чтению и письму.

При обучении грамматическому навыку **студенты-визуалы** предпочитают диаграммы, таблицы, наглядно иллюстрирующие разницу, например, между временными формами английского глагола. Следует отметить, что рисунки должны быть смысловыми, и четко отражать употребление правила. Желательно использование различных цветов, шрифт и межстрочный интервал должен быть относительно крупным. **Студенты-аудиалы** предпочитают познавать грамматику индуктивно. Заучивание правил может происходить при помощи музыкальной наглядности, а также зарифмованных грамматических структур [5, с. 133]. **Кинестеты** положительно относятся к таблицам и диаграммам, нарисованным ими самими. Возможно привлечение дополнительных предметов, при помощи которых студенты смогут выстроить временную прямую (прошедшее – настоящее – будущее время глагола). Студентам **дискретам** для освоения грамматического навыка подойдут различные таблицы, графики, диаграммы, схемы. Чем логичнее и полнее они будут, тем лучше будет усвоено грамматическое правило. Этим студентам обычно недостаточно видеть формы лишь одного грамматического времени, они предпочитают видеть сразу всю парадигму, чтобы понимать, что их ждет в будущем. Им необходимо осознание того, что они все держат под контролем. Языковые и условно-речевые упражнения максимально подходят для этого типа студентов.

При обучении **лексическому навыку студенты-визуалы** предпочитают визуальную семантизацию новой лексики. Им нравится изучать конкретную, а не абстрактную лексику при использовании визуальной наглядности. Они предпочитают речевые упражнения всем остальным. **Студенты аудиалы** предпочитают использование рифмовок, стихотворений, скороговорок, видео и аудиоматериалов. **Студенты-кинестеты** предпочитают использование реальных предметов при изучении новой лексики. Для них максимально важно все «потрогать» и связать эту ассоциацию с лексическими единицами (ЛЕ) иностранного языка. Для таких студентов подходят занятия вне класса. Чем ближе ситуация к реальной, тем лучше идет усвоение материала. **Студенты-дискреты** и обучаемые с развитым внутриличностным и логико-математическим типом интеллекта предпочитают заучивать ЛЕ пользуясь списками слов по теме или карточками. Они любят работать самостоятельно, и максимально доверяют учебникам, словарям и прочим УМК. Эти студенты предпочитают языковые и условно-речевые упражнения.

При обучении **говорению** ставятся следующие задачи: спланировать и произнести речь на заданную тему, обсудить в группе задачу или проблему и прийти к общему решению, обсудить предложенные темы в парах с выражением своего мнения, разыграть существующий диалог или составить диалог по образцу, прочее. **Студенты визуалы** предпочитают иметь визуальную наглядность, которая является темой для монолога или диалога. Для них подходят такие задания, как описать картинку, составить рассказ на базе ряда иллюстраций, озвучить немое кино и т. д. **Студенты-аудиалы** предпочитают работать в парах, желательно с более продвинутым в плане знания языка студентом, чтобы имитировать сказанные им фразы. Работа в парах дается им легко, т.к. они, в отличие от других психологических типов студентов, отлично воспринимают на слух. Многие аудиалы предпочитают монологи диалогам, т.к. им нравится слушать звучание собственного голоса. Обычно, эти студенты любят выступать с речью или рассказом перед другими студентами. **Студенты-кинестеты** предпочитают реальные ситуации учебным. Им не терпится скорее «выйти в реальный мир» и, пускай «на пальцах», но поговорить на изучаемом иностранном языке. Во время диалога они будут заменять незнакомые слова жестами, не обращая внимания на то, что их могут не понять. Как уже было упомянуто, эти студенты предпочитают всем упражнениям подлинно речевые, т.е. максимально отражающие реальность. При этом их речь может быть безграмотной из-за плохой усидчивости и постоянному рвению к коммуникации. **Студенты-дискрететы** будут испытывать некоторый дискомфорт при работе в группах и парах. Обычно социальные навыки этих людей недостаточно развиты, и, испытывая дискомфорт, они постараются «отделаться» односложными ответами, что явно не стимулирует дальнейший ход диалога. Но, если их интересует тема, то они могут долго (и порой нудно) высказывать свое мнение, что переводит диалог в монолог, и часто демотивирует собеседника. Выступление на публику является для этого типа студентов большим стрессом, т.к. их логичное изложение мыслей часто несколько отличается от ярких образов визуалов, аудиалов и кинестетов, и не находит ответной реакции, что еще больше угнетает мотивацию дискрететов.

При обучении **аудированию** ставятся следующие задачи: прослушивание с целью получения информации об общей идее текста, с целью услышать конкретные факты, с целью услышать конкретные слова, выполнение инструкций по аудиозаписи и прочее. **Студенты-визуалы** и во время аудирования предпочитают иметь визуальную наглядность. Им тяжело воспринимать монотонный поток речи ведущего на радио, и в какой-то момент они начинают «отключаться» и быстро теряют нить повествования. Также часто во время

аудирования они будут «бегать» глазами по помещению и, увидев интересный визуальный образ, перестанут воспринимать на слух. Чтобы сконцентрировать их внимание необходимо дать им дополнительное визуально направленное задание, будь то заполнение таблицы или зарисовка описываемого в аудировании человека или ситуации. **Студенты-аудиалы** невероятно легко справляются с разными типами аудирования, и, обычно, лучше всех определяют и разбирают диалекты изучаемого языка. Визуальная наглядность для них второстепенна, но на них может сильно повлиять неприятный им тембр голоса говорящего – в этом случае они перестают думать о содержании сообщения, и концентрируются на негативных эмоциях. Также им могут помешать различного рода шумовые помехи, даже такие незначительные, как шум электрической лампы или дождя. **Студенты-кинестеты** предпочитают выполнять команды, данные аудитивно, особенно, если это связано с любимой ими физической активностью. Им также подходят творческие задания, где нужно инсценировать прослушанный фрагмент. Хуже всего этот тип студентов воспринимает новости по радио – им это кажется скучным и беспредметным. **Студенты-дискретны** и обучаемые с развитым внутриличностным и логико-математическим типом интеллекта будут старательно заполнять таблицы, рисовать графики и схемы по результатам прослушанного фрагмента. Они обычно хорошо улавливают даты и цифры, также общую логику сообщения.

При обучении **чтению** ставятся следующие задачи: понять общий смысл текста, найти определенную часть текста, найти детали, прочее. В целом все рекомендации, данные для обучения аудированию, действительны и в данном случае.

При обучении **письму** ставятся следующие цели: сочинение текста по жесткому шаблону, сочинение по свободной теме, сочинение на свободную тему, но с использованием предложенной лексики и грамматических структур, написание предложений, исправление данного текста, прочее. **Студенты-визуалы**, а также обучаемые с развитым пространственным типом интеллекта предпочитают иметь наглядный образ, картинку или фотографию, которую нужно описать. Они с большим удовольствием смогут написать весьма объективную рецензию к просмотренному фильму. Они редко знают четко к чему они придут в конце описания, но многие из них, рисуют небольшой план или зарисовку, чтобы перед глазами всегда был яркий образ, мотивирующий к письму. **Студенты-аудиалы**, а также обучаемые с развитым музыкальным типом интеллекта легко пишут изложения, и чуть хуже различного рода эссе и сочинения. Логическое мышление этих студентов развито слабо, и их мысли или идеи могут стимулироваться при помощи музыки. Часто эти люди имеют определенный набор композиций, «настраивающих» их на нужный лад.

При этом, во время письма они будут что-то шептать себе под нос, «мычать» и произносить некоторые фразы вслух. После написания текста они всегда прочитают его вслух, чтобы их работа красиво «звучала». **Студенты-кинестеты**, а также обучаемые с доминированием телесно-кинестетического, межличностного, натуралистического, пространственного типов интеллекта предпочитают описывать свой собственный опыт, пережитые ими эмоции, что даже в, казалось бы, примитивное задание описать картинку, они добавят что-то особенное, одно только им понятное. Они стараются использовать большое количество прилагательных и метафор, чтобы читатель «прочувствовал» всю глубину их послания. **Студенты-дискретны** и обучаемые с развитым внутриличностным и логико-математическим типом интеллекта сначала составят четкий план, где все будет идти по схеме тезис-аргумент-доказательство. Еще до начала написания текста, они знают к чему придут. Их доводы всегда весомы и подтверждены научными фактами. При выполнении творческих заданий, эти студенты будут испытывать неудобство. Для них идеально наличие определенного шаблона.

В данной статье был приведен один из вариантов оптимизации учебного процесса, при помощи использования психологического тестирования, основанного на теории репрезентативных систем. Цель данной статьи – показать результаты работы со студентами различного психологического типа, выявленные в ходе эксперимента.

Список литературы

1. Бендлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. – М., 2002.
2. Гриндер Д., Ллойд Л. НЛП в педагогике. – М., 2007.
3. Ковалев С. Основы НЛП. – М., 2001.
4. Павловская И.Ю. Актуальные вопросы языкового тестирования. – СПб., 2008.
5. Тункун Я.А. Оптимизация обучения английскому языку в системе курсовой сети с учетом психо-когнитивных характеристик учащихся. – СПб., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABOUT AUTHORS

Барляева Елена Александровна – кандидат филологических наук, Петербургская государственная академия ветеринарной медицины, (Санкт-Петербург), lena6417@yandex.ru

Батурина Юлия Всеволодовна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), jbatulina@yandex.ru

Боярская Марианна Михайловна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, (Санкт-Петербург), marianna.boyarskaya@gmail.com

Бродович Ольга Игоревна – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков, (Санкт-Петербург), olgabrodovich@yandex.ru

Гилясев Юрий Владимирович – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), sweatled@front.ru

Гребенев Александр Николаевич – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), dwith@ya.ru

Денисова Елена Александровна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), denisovaea72@mail.ru

Киселева Светлана Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), svkiseljeva@bk.ru

Кожевникова Елена Геннадьевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), elena.g.kozhevnikova@gmail.com

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), inkon_71@mail.ru

Кораева Ольга Владимировна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), koraeva.olga@gmail.com

Котельников Валерий Владимирович – менеджер проекта, «Веб-Рост», интернет-студия, (г. Ростов-на-Дону), kotelnikov-mail@ya.ru

Котельникова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, Ростовский государственный экономический университет (г. Ростов-на-Дону), jenni.kot@ya.ru

Кочетова Наталья Вячеславовна – аспирант. Воронежский Государственный Университет, (г. Воронеж), natalia.kochetova@bk.ru

Коцюбинская Любовь Вячеславовна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), Luba.74@mail.ru

Краснова Анна Викторовна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, (Санкт-Петербург), bartashova_o@mail.ru

Кузина Ольга Андреевна – аспирант, филиал Московского государственного университета им. Ломоносова, (г. Севастополь), mojiipisma@yandex.ru

Молчанова Наталья Сергеевна – аспирант, Лодейнопольский техникум промышленных технологий, (г. Лодейное Поле), molchanova1@yandex.ru

Морозова Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), olfrost@mail.ru

Плотникова Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, (г. Екатеринбург), iam_per@hotmail.com

Попов Евгений Александрович – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), popov.evge@gmail.com

Просьянникова Ольга Игоревна – доктор филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), olgapros@mail.ru

Пузанова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург), natali-puzanova@yandex.ru

Росянова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, (Санкт-Петербург), rosyanova@mail.ru

Сапронов Юрий Владимирович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, (Санкт-Петербург), 7saproinov@mail.ru

Сахневич Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, Школа иностранных языков Language Link, (Москва), crash68@yandex.ru

Семенова Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, (Санкт-Петербург), wincherry2004@list.ru

Скворцова Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), anna-v-sk@yandex.ru

Третьякова Татьяна Петровна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), ttretyakova@eu.spb.ru

Трубникова Юлия Юрьевна – аспирант, Уральский государственный педагогический университет, (г. Екатеринбург), ashes-and-dreams@yandex.ru

Федоров Денис Андреевич – кандидат социологических наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, (Санкт-Петербург), piarman@gmail.com

Хемсакун Чанунпорн – аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, (г. Екатеринбург), iam_per@hotmail.com

Черникова Светлана Николаевна – аспирант, Воронежский государственный университет (г. Воронеж); snch0303@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Межфакультетская кафедра иностранных языков, каб. 235.

- отправить по электронной почте: *E-mail:* vest_cognitive@mail.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 1

Том 7. Филология

Оригинал-макет Е. Ю. Березиной

Подписано в печать 22.01.2015. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1102

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10